

А. С. ПУШКИН

1837--1937

*Сборник статей
и материалов*

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВ 1937

**НЕТ, ВЕСЬ Я НЕ УМРУ—ДУША В ЗАВЕТНОЙ ЛИРЕ
МОЙ ПРАХ ПЕРЕЖИВЕТ И ТЛЕНЬЯ УБЕЖИТ—
И СЛАВЕН БУДУ Я, ДОКОЛЬ В ПОДЛУННОМ МИРЕ
ЖИВ БУДЕТ ХОТЬ ОДИН ПИИТ.**

А. С. Пушкин.

Жизнь и смерть А. С. Пушкина

Приближается 100-летие со дня трагической гибели величайшего русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Взоры миллионов трудящихся нашей страны обращены к этому родоначальнику новой русской литературы. Никогда еще Пушкина не изучали так пристально, никогда память о нем не чтили так глубоко, как у нас в СССР. Страна победившего социализма нашла в наследии гениального поэта новый неиссякаемый источник бродящей веры в жизнь, творческой энергии и художественной правды. Советская страна с любовью оберегает эту сокровищницу русской поэзии и гордится ею. Отсюда огромный интерес к жизни и литературной деятельности Пушкина. Нельзя по-настоящему изучить гениальные творения поэта, не зная его жизненного пути. С этой точки зрения представляется необходимым ознакомиться хотя бы с важнейшими событиями, характеризующими жизнь и творчество Пушкина.

1. Детство

Александр Сергеевич Пушкин родился 6 июня (по старому стилю — 26 мая) 1799 г. в Москве. Его отец, Сергей Львович, принадлежал к когда-то знатному дворянскому роду, потерявшему, однако, ко времени рождения поэта свои прежние богатства и влияние. Мать Пушкина, Надежда Осиповна, была внучкой „араса Петра Великого“ — Ганнибала.

Родители Пушкина вели рассеянный, светский образ жизни. Воспитание маленького Сашки было предоставлено дворовым людям да иностранным гувернерам, часто сменявшимся и довольно бестолковым. До 9 лет будущий поэт был мало подвижен и молчалив, но в нем шла внутренняя сложная жизнь, внимательная и жадная к впечатлениям от окружающей его действительности. Мальчик дома получал французское воспитание. Он рано начал читать. У его отца была богатая французская библиотека. „Ребенок, — вспоминал его младший брат Лев, — проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книгу одну за другой“. К одиннадцати годам Саша хорошо знал уже французских классиков и сочинения французских просветителей XVIII века, матери-

алистов и атеистов по своему духу. С раннего детства Пушкин приобщился к передовым идеям общеевропейской культуры.

Несмотря на французско-светский дух дома его родителей, будущий поэт не был изолирован и от русской жизни. Наряду с влиянием европейского просвещения, Пушкин с детства находился под влиянием русского народного творчества. Его няней была крепостная крестьянка Арина Родионовна, прекрасно знавшая русские народные сказки, вводившая одаренного мальчика в чудесный мир народной фантазии. Вместе со своим дядькой—приставленным к нему крепостным крестьянином Никитой Тимофеевичем Козловым, маленький Пушкин много бродил по Москве, присматриваясь к картинам „простонародной“ жизни и прислушиваясь к „простонародному“ московскому складу речи. Так влияние передового европейского просвещения переплеталось в голове мальчика с впечатлениями руссконародными. Брат поэта в своих воспоминаниях отмечал, что „Пушкин был одарен памятью неимоверною и на одиннадцатом году уже знал наизусть всю французскую литературу“. Одновременно в прекрасной памяти поэта откладывался мир народных преданий. О них он рассказал впоследствии в стихотворении „Сон“:

„Ах! умолчу ль о мамушке моей,
 О прелести таинственных ночей,
 Когда в чепце, в старинном одеянье,
 Она, духов молитвой уклоня,
 С усердием перекрестит меня
 И шепотом рассказывать мне станет
 О мертвецах, о подвигах Бовы...
 От ужаса не шелохнусь бывало,
 Едва дыша, прижмусь под одеяло,
 Не чувствуя ни ног, ни головы.
 Под образом простой ночник из глины
 Чуть освещал глубокие морщины,
 Драгой антик, прабабушкин чепец
 И длинный рот, где зуба два стучало:
 Всё в душу страх невольный поселяло.
 Я трепетал, и тихо, наконец,
 Томленье сна на очи упало.
 Тогда толпой с лазурной высоты
 На ложе роз крылатые мечты,
 Волшебники, волшебницы слетали,
 Обманами мой сон обворожали.
 Терялся я в порыве сладких дум;
 В глуши лесной, средь муромских пустыней
 Встречал лихих Полканов и Добрыней,
 И в вымыслах носился юный ум...“.

К детским впечатлениям Пушкина надо отнести также раннее знакомство с литературными интересами и литературной средой. Отец Пушкина недурно писал светские стихи, дядя Василий Львович был известным в свое время поэтом; дом Пушкиных посещали многие знаменитые писатели того времени...

К числу важных особенностей московской жизни, оказавшей влияние на впечатлительного ребенка, следует отнести еще одну. Московское общество жило вдали от царского двора и царского правительства. В московском обществе было много людей неслужащих, не искавших чиновной бюрократической карьеры. В нем было меньше раболепия, чем в петербургском обществе, больше независимости и чувства собственного достоинства. Эта атмосфера незаметно впитывалась маленьким Пушкиным. Мальчик с детства обнаруживал черты, которые невнимательные взрослые характеризовали как упрямство и своеволие, но которые в действительности отражали раннее чувство самостоятельности, не выносящей принуждений и насилия.

2. Лицей

В 1811 г. в Царском Селе было основано привилегированное учебное заведение для подготовки молодых людей к различным постам государственной службы—лицей. В отличие от воспитанников других учебных заведений лицеисты были освобождены от телесных наказаний. Лицей был закрытым учебным заведением. Лицеисты жили при лицее, и их не отпускали к родителям, даже в близкий Петербург. Отцу Пушкина, благодаря его большим светским связям, удалось поместить сына во вновь открытое учебное заведение. Лицей открылся в торжественной обстановке, в присутствии царя и министров. Курс в лицее был шестилетний. Первый прием был немногочислен—приняли только тридцать человек.

Лицеисты, собранные на долгий срок в учебном заведении, оторванные от своих домашних и общества, сдружились между собою. Состав лицеистов был довольно пестр. В нем учились и будущие царские бюрократы, но в нем были и будущие декабристы—Пушкин и поэт Кюхельбекер. Пушкин, Кюхельбекер и Дельвиг стали ближайшими и лучшими друзьями Пушкина. Пушкин на всю жизнь, во всех испытаниях, которые готовила его друзьям политическая борьба с самодержавием, сохранил к ним крепкую привязанность.

В лицее будущий великий поэт держал себя по отношению к учебному начальству смело и независимо. Вместе со своими товарищами, увлеченными политическим свободолюбием и литературными интересами, он создал себе в лицейской обстановке род маленькой дружеской республики, которая была далека от лакейства, ханжества и солдафонства, господствовавших в официальном обществе, окружавшем Александра I. К официальной светской жизни у лицеистов прямого доступа не было. Зато, живя во флигеле царскосельского дворца, они хорошо видели неблагоприятную изнанку царского двора и правительственной жизни. В молодых умах, способных к самостоятельному мышлению, это развивало критическое отношение к царю и его приближенным и тем самым способствовало усвоению критического отношения ко всей си-

стеме государственной и социальной жизни в России того времени. Критическое отношение к лицам правящего класса соединялось у Пушкина с симпатией к людям из народа. Пушкин легко сходился с мужиками, дворниками и вообще с прислугой. Среди лицейской и дворовой царскосельской прислуги у него было не мало приятелей.

Преподавание в лицее находилось не на высоком уровне. Предполагалось за шесть лет дать воспитанникам знания в объеме и среднего и высшего учебного заведения. Это было невыполнимо, программа комкалась и сокращалась, очень часто вместо систематического изложения предмета лицеистам преподносились бессистемные обрывки и верхушки знаний. Большинство лицейских педагогов не сумело разглядеть в Пушкине его гениальных способностей. Вот некоторые отзывы его преподавателей: „Очень ленив, в классе не внимателен и не скромн, способностей не плохих, имеет остроту, но, к сожалению, только для пустословия, успевает весьма посредственно“. „Легкомыслен, ветрен, неопрятен, нерадив, впрочем, добродушен, усерден, учтив, имеет особенную страсть к поэзии“.

Были однако среди преподавателей лицея и люди замечательные, оказывавшие положительное воздействие на своих учеников. Таков был, например, Будри, преподаватель французского языка, родной брат Марата, великого деятеля французской буржуазной революции 1789 г. Он наталкивал лицеистов на мысли о политической борьбе с абсолютизмом. Но особенно большое положительное влияние на лицеистов оказывал Куницын, преподаватель естественного права. Куницын получил образование в Западной Европе. Его научное мировоззрение сложилось под влиянием прогрессивной просветительной философии, пропитанной духом равенства, направленной против абсолютизма, политического гнета, произвола, против порабощения человека человеком. Лекции Куницына производили на Пушкина сильное впечатление. Пушкин вспоминал о своем наставнике и много лет спустя с благодарностью и восхищением. Ему поэт посвятил следующие строки:

„Куницыну дань сердца и вива!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена“.

Так передовые идеи века пробивались даже сквозь стены лицея, созданного самодержавием для того, чтобы готовить себе крупных чиновников.

Было в лицейской жизни Пушкина и много юношеского разгула, иногда переходившего в излишества. Это было данью молодости и нравам тогдашнего общества, не очень строгого в своих правилах. Но натура Пушкина была, по выражению Чернышевского, нравственно здоровой натурой. В ней преобладали положительные чувства — дружба, любовь, горячий интерес к общественным вопросам. А в общественной жизни происходили тогда большие и важные события. В годы учения

Пушкина Россия принимала активное участие в европейской политике. Она вела ряд войн с Наполеоном. Пушкин-лицеист был современником нашествия французской армии, пожара Москвы, похода русских войск в Европу, взятия Парижа, падения и изгнания Наполеона, наводившего страх на весь мир. Как и все передовые люди того времени, Пушкин ждал, что Александр I, изображавший собой освободителя европейских народов от деспотизма Наполеона, поведет либеральную политику в европейских и внутренних делах. С тем большим разочарованием, недовольством и негодованием воспринимал молодой Пушкин арачьевщину и политику Священного союза.

Несмотря на то, что лицей был закрытым учебным заведением, изолированным от официальной светской жизни, его воспитанники были тесно связаны с передовыми течениями общественной мысли тогдашней России. В Царском Селе стоял гусарский полк, офицеры которого находились под воздействием декабристских идей. Пушкин, как и многие другие лицеисты, тесно сблизился с ними. Через них Пушкин получил доступ ко всей запрещенной, „нелегальной“ литературе своего времени. Одним из офицеров гусарского полка был философ и публицист Чаадаев, настроенный очень свободолюбиво. Впоследствии, уже при Николае I, Чаадаев за свое критическое отношение к русской действительности, был, по приказанию царя, объявлен сумасшедшим. О чем беседовали молодой поэт и вольнолюбивый офицер, видно из послания Пушкина к Чаадаеву, написанному уже после окончания поэтом лицея, в 1818 г.

„Любви, надежды, тихой славы
Недолго тепил нас обман!
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман!
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем в томленьи упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет от сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!“

Уже в лицейские годы Пушкин проникается идеалами политической свободы. Он мечтает о низвержении „самовластья“ об установлении в России более свободных политических порядков.

В лицее быстро зреет и формируется литературный талант Пушкина. Этому очень способствовала обстановка лицейской жизни, в которой были сильные литературные интересы, издавались рукописные журналы, устраивались литературные чтения и т. д. Стихотворные упражнения входили даже в программу классных занятий. В лицее быстро сложилась творческая среда, следившая с живейшим вниманием за литературной жизнью страны, втягивавшаяся в литературную борьбу за пределами лицея. Кроме Пушкина, в лицее учились поэты Илличевский, Дельвиг, Кюхельбекер. Лицейстом Пушкин впервые выступил в печати (в журнале „Вестник Европы“) со стихотворением „К другу стихотворцу“.

8 января 1815 г. на переводных экзаменах в лицее присутствовал престарелый поэт Державин. Пушкин читал в присутствии знаменитого поэта свое стихотворение „Воспоминания в Царском Селе“. Чтение превратилось в триумф юного поэта. Державин разглядел в начинающем мальчике будущего гения. „Вот кто заменит Державина“, сказал он, выслушав стихи. Это событие произвело большое впечатление и на Пушкина и на его товарищей. Оно превратилось в первое общественное признание гения Пушкина. „Это было в 1815 году,—писал об этой памятной дате впоследствии сам Пушкин,—на публичном экзамене в лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались... Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил... Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности... Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец, вызвали меня. Я прочел мои „Воспоминания в Царском Селе“ стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отрочески зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом...—Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... меня искали, но не нашли...“

Литературный талант Пушкина рос и развивался под влиянием непрерывного усердного чтения. Пушкин попрежнему увлекался передовыми мыслителями Западной Европы, в особенности Вольтером. Он внимательно знакомился с классиками европейской литературы и с современными ему писателями Запада и России.

Поэтический гений Пушкина, его образование, его разносторонние интересы привлекли к Пушкину внимание более старого поколения писателей—Карамзина, Жуковского, которые стали смотреть на него, еще не покинувшего школьной скамьи, как на своего младшего товарища. Пушкин—лицейст принимал активное участие в литературной борьбе того времени. Реакционные силы литературы объединились тогда в обществе „Беседа русского слова“, во главе которого стоял адмирал

Пушкин не задолго до выхода из лицей.
С портрета, принадлежавшего директору лицей Е. А. Энгельгардту.

Шишков. „Беседа“ жестоко ополчилась против реформы литературного русского языка, начатой уже Карамзиным, Жуковским, Батюшковым и др. Сторонники новых прогрессивных начал в литературе в противовес „Беседе“ организовали другое общество—„Арзамас“. Пушкин был тесно связан с „Арзамасом“, в состав которого он формально вошел уже после окончания лицея. В число членов „Арзамаса“ входило несколько будущих декабристов. Таким образом, передовые политические идеи эпохи пробивались в литературную жизнь, оказывая свое влияние на Пушкина самыми разнообразными путями. Однако, деятельность „Арзамаса“ проявилась главным образом в борьбе против неестественной напыщенности „Беседы“, в борьбе за европеизацию литературных форм, за замену книжного, искусственного, малопонятного языка простой речью, близкой к разговорному языку. Деятельность „Арзамаса“ подготавливала почву для реализма.

Пушкин перерос рамки лицейской жизни. Он рвался на волю. „Никогда лицей не казался мне так несносным,—писал он своему другу, поэту Вяземскому, за год до окончания курса,—как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединение в самом деле вещь очень глупая, на зло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто жилали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину. Правда, время нашего выпуска приближается. Остался год еще. Но целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного!... Целый год еще дремать перед кафедрой... Это ужасно... Безбожно молодого человека держать взаперти“

Политические настроения Пушкина лицейской поры особенно ярко выразились в стихотворении „Лицинию“, в котором под видом подражания древним римским авторам, Пушкин яростно нападал на самодержавие, на Александра I и славил свободу:

„Любимец деспота сенатом слабым правит,
 На Рим простер ярем, отечество бесславит;
 Ветулий римлян царь!... О стыд, о времена!

 Я сердцем римлянин, кипит в груди свобода

 Свободой Рим возрос, а рабством погублен“.

Летом 1817 г. наступил долгожданный день — Пушкин был выпущен вместе со своими товарищами из лицея.

3. Пушкин и Николай I

Пушкин в ряде произведений проявил резко критическое отношение к самодержавию и крепостническому строю. Кроме „Вольности“, широко известными стали „Деревня“, „Новель“, политические эпиграммы. Царское правительство намеревалось сослать Пушкина в Сибирь, но благодаря заступничеству Жуковского, Тургенева и Карамзина его вы-

слали на юг России. Здесь поэт встретился с виднейшими деятелями декабристского движения — Пестелем, В. Раевским, В. Давыдовым, Якушкиным, С. Волконским и др. В 1823 г. Пушкин переехал в Одессу, но и здесь его „губительное“ влияние пришлось не по душе графу Воронцову, и поэт был выслан в с. Михайловское, Псковской губ.—в имение родителей—без права выезда оттуда. Декабрьское восстание 1825 г. застало Пушкина в ссылке и произвело на него глубокое впечатление. В августе 1826 г. Пушкину разрешено было вернуться из ссылки. Николай I вызвал его к себе.

В Москве Пушкина сразу повели к императору, не дав ему даже побриться и умыться с дороги. Царь решил сделать попытку приручить Пушкина, превратить его в придворного поэта, прославляющего в хвалебных гимнах официальную политику. Намерения правительства очень ясно выразились в одном из писем шефа жандармов Бенкендорфа, ближайшего человека к царю, который писал своему повелителю, что Пушкин „порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно“.

Царь встретил Пушкина лицемерно-доброжелательно. Пушкин первоначально не раскусил намерений царя. Он рассматривал свое свидание с ним как переговоры. Пушкин вовсе не думал отречься полностью от своих идей или отказываться от своей личности, хотя он и трезво учитывал изменения в политической обстановке, происшедшие после поражения декабристов. Царь спросил Пушкина, что бы он делал, если бы был 14 декабря в Петербурге. Пушкин, не колеблясь, ответил, что примкнул бы к мятежникам. Несомненно также, что Пушкин, поверив, что царь будет вести просвещенную и доброжелательную к народу политику, дал ему обещание изменить свое политическое поведение.

Царь объявил поэту, что сам будет цензором его произведений. Это решение первоначально было воспринято поэтом и окружающими как акт царской милости, как освобождение от придирок обычной цензуры. В дальнейшем же, как мы увидим, эта „высочайшая милость“ оказалась тяжелыми оковами, стеснявшими каждый шаг поэта в печати. Чтобы пользоваться хотя бы теми минимальными правами,⁸ которые имели обыкновенные русские литераторы, Пушкину приходилось иногда издавать свои произведения под чужим именем или анонимно.

Московское общество встретило поэта, вернувшегося из ссылки, с большим вниманием и сочувствием. Но царь продолжал не доверять Пушкину, несмотря на его обещание вести себя лояльно по отношению к правительству. Чтобы испытать Пушкина, Николай поручил ему написать записку о народном воспитании. Пушкин написал записку в уклончивых выражениях, так, чтобы не рассердить Николая, но и не сказать чего-нибудь такого, что противоречило бы его собственным взглядам. Записка Пушкина не понравилась царю. Пушкин стоял за просвещение, царь же видел в просвещении врага самодержавия, он

считал главной добродетелью верноподданного рабское нерассуждающее подчинение.

В записке Пушкина было одно важное место, выражавшее подлинный его взгляд на историческую обстановку, сложившуюся после разгрома декабристов. „Должно надеяться,—писал он,—что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой—необъятную силу правительства, основанную на силе вещей“. Царю, конечно, не могло понравиться, что Пушкин призывал подчиниться самодержавию только потому, что у революции не было сил его покорять. Но эта мысль многое объясняет в поведении самого Пушкина. После разгрома декабристов в России не осталось на время ни одной организованной революционной силы. Пушкин, трезво взвесив соотношение сил самодержавия и революции в тот исторический период, решил подчиниться самодержавию, но на определенных условиях. Пушкин принял свое решение и под влиянием лицемерного поведения царя, который при первом свидании с поэтом прикинулся человеком, заботящимся о благе народа, чему поэт первоначально поверил. Кроме того, учитывая свою славу, свое общественное влияние, Пушкин надеялся, что сможет воздействовать на царя в духе просвещения и милости. Свои надежды на Николая I Пушкин выразил в стихотворении „Стансы“. В нем он проводил параллель между Николаем I и Петром Великим, указывая палачу декабристов на Петра, как на образец для подражания. Программа, начертанная в „Стансах“, заключала в себе искренние надежды Пушкина. Просвещение, смягчение нравов, справедливость, уважение к родной стране, разносторонняя деятельность на ее пользу — если бы эти качества были возможны в деспоте — примирили бы Пушкина с Николаем. Особенно замечателен конец стихотворения:

„Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращурю подобен;
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен“.

Призыв быть „памятью незлобным“ означал призыв простить декабристов. Пушкин и после признания нереальности революционной тактики, продолжал положительно расценивать идеалы декабристов.

„Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье“ —

писал он почти одновременно со „Стансами“, обращаясь к сосланным в Сибирь на каторгу дворянским революционерам.

Пушкин не был политиком. В этот период он сочетал в своих воззрениях невозможное — веру в будто бы предстоящие реформы царя и положительное признание идеалов декабристов, политическую тактику которых он стал отрицать, как не подкрепленную реальными силами.

Новые взаимоотношения между поэтом и царем вызывали со стороны некоторых обвинения по адресу Пушкина в измене старым идеалам, в низкопоклонстве и лести. После всего сказанного нами видно, что Пушкин имел право вполне искренне ответить на эти обвинения в новых „Стансах“:

„Нет, я не льстец, когда царю
Хваду свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю“.

Однако, и в этих вторых „Стансах“, на первый взгляд как бы вполне верноподданических и даже идеализировавших Николая, содержался все-таки какой-то скрытый элемент „крамолы“. В среде придворных холопов и чиновников Пушкин говорил о своем отношении к царю таким неказенным языком, проявлял столько человеческого достоинства, так непосредственно сопоставлял себя с царем, что одобрение было весьма сомнительное: царь стихотворение одобрил, но напечатать его не позволил.

Истинный же смысл царских „милостей“ Пушкин испытал очень скоро. В стихотворении „Андрей Шенье“—о французском поэте, казненном во время французской буржуазной революции, увидели, и не без основания, сочувствие декабристам, критику расправы над ними со стороны Николая I. Пушкина допрашивали, таскали „по инстанциям“, держали под угрозой. В итоге хотя его и не подвергли никакому наказанию, но установили за ним негласный полицейский надзор.

Фактически Пушкин и по возвращении из ссылки не получил прав свободного человека. Он не мог без разрешения Бенкендорфа переезжать с места на место. За чтение ненапечатанного еще тогда „Бориса Годунова“ в среде знакомых и друзей он получил строгий выговор. С него была взята подписка, что до получения разрешения в цензуре он никому не будет читать своих новых произведений. Рукопись „Бориса Годунова“ потребовали к царю. Царь положил на трагедию невежественную резолюцию, предложив переделать ее в роман. Эта резолюция фактически была запрещением на ряд лет печатать „Бориса Годунова“.

В это время на голову Пушкина обрушились новые неприятности. Правительству доставили список „Гаврилады“. Дело было не шуточное. За атеистические произведения полагалась Сибирь и каторга. Под постоянными угрозами и придирками Пушкин чувствовал себя непрочно:

„Снова гучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...“

Пушкин сначала отрицал свое авторство „Гаврилады“, потом лично написал царю письмо, текст которого остался неизвестным и в котором, он, вероятно, сознался в совершенном им „преступлении“. От наказания

Пушкин снова был освобожден, но ценою новых внушений, остроток и требований.

В Москве Пушкин познакомился с красавицей Натальей Николаевной Гончаровой, впоследствии ставшей его женой. В 1829 г. поэт посватался к ней, но получил отказ. Расстроенный своим неясным общественно-политическим положением, огорченный личными неудачами, Пушкин предпринял путешествие в действующую армию, в Закавказье, — Россия тогда воевала с Турцией. Пушкин стремился на Кавказ еще и для того, чтобы увидеться с рядом старых товарищей, сосланных туда за причастность к заговору декабристов. Путешествие, предпринятое Пушкиным без предварительного разрешения, вызвало новое недовольство царя.

Меж тем сватовство Пушкина не подвигалось. Неудачный ход его романа возродил его давнее желание повидать чужие края. Он обратился с просьбой разрешить поездку в Европу, или, если в Европу нельзя, то хоть в Китай. Пушкин опять получил отказ в обидной форме. Царь боялся выпустить поэта за границу, он мстил ему за ослушание, выразившееся в путешествии в Эрзерум.

Преследования царя и Бенкендорфа были сигналом для нападков на Пушкина как на писателя со стороны зависимой от правительства печати. Величайший русский поэт оказывался все в большем и большем одиночестве в тогдашнем обществе. Каждое его начинание вызывало озлобление и травлю.

В 1830 г. в Петербурге начала выходить „Литературная газета“, редактором которой был друг Пушкина, поэт Дельвиг и в которой сам Пушкин принимал ближайшее участие. Первое время Пушкин вел газету непосредственно, так как Дельвиг был в отъезде. Издание новой газеты, хотя и литературной, очень обеспокоило Булгарина, издателя единственной частной газеты „Северная пчела“. Булгарин был нечестный литератор и подлый человек. Он боялся конкуренции „Литературной газеты“, дрожал за монопольность своих оценок выходящих книг и журналов, которую использовал в корыстных целях. Булгарин был шпионом Бенкендорфа. Зная отношение царя к Пушкину, он совершенно распоясался. Когда вышла VII глава „Евгения Онегина“, одного из самых гениальных произведений Пушкина, он дал о ней следующий отзыв: „Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения. Совершенное падение!“

За спиной Булгарина стояли царь и правительство, недовольные тем, что Пушкин не использует своего дарования для казенного славословия. Выступления Булгарина имели серьезный вес в николаевском обществе. К голосу Булгарина присоединились другие журналисты того времени; травить Пушкина было делом нетрудным — его не любил царь, ему не доверяло правительство. Пушкин не мог защищаться в печати полным голосом, этого не позволяли политические и цензурные условия. Бул-

арин занимался и прямыми доносами на Пушкина и его ближайшихрузей непосредственно в третье отделение Бенкендорфу.

„Милости“ царя обернулись для Пушкина очень горько. Он оказался а положении пленника царского режима. Пушкину очень больно давали увствовать о власти над ним. Даже жениться Пушкин не смог без разрешения царя и жандармов. Весной 1830 г. предложение Пушкина было

Декабрист Пудин у Пушкина в с. Михайловском.
С картины Ге.

принято Натальей Гончаровой и ее семейством, но мать невесты боялась гдать свою дочь за человека, пользовавшегося, как это было известно, урной репутацией. Пушкину пришлось через Бенкендорфа обратиться царю за одобрением своего брака.

Под влиянием политического и жизненного опыта Пушкина охватывает глубокое разочарование в Николае. Поэт понял, что от него требовали а лойяльности, а холопства, с чем Пушкин примириться не мог. Пушкин ахнул на Николая рукой. Об одном мечтал затравленный поэт — крыться от царя куда-нибудь подальше, в глушь, в деревню, где казась ему, он был бы вне постоянного придирчивого воздействия. „На зго я перестал сердиться, — писал он несколько позже своей жене всероссийском императоре, — потому, что не он виноват в свинстве, о окружающем. А живя в нужнике, поневоле привыкнешь к г..., и вонь о тебе не будет противна, даром, что джентльмен. Ух кабы мне рать на чистый воздух“.

Пушкин понял, что царь — сила враждебная свободе, просвещению и искусству. Пушкин понял, что он пленник царя, живущий под постоянной угрозой расправы. Состояние поэта было очень тяжелое. Пушкин видел самодержавие во всем его отталкивающем виде, но в то же время не видел никаких сил для борьбы с самодержавием.

И все же, несмотря на неблагоприятные условия, гений Пушкина продолжал мужать и развиваться. В этот период поэт работал над „Евгением Онегиным“, написал поэму „Полтава“, неоконченный роман в прозе „Арап Петра Великого“ и большое количество лирических стихотворений.

4. Травля Пушкина и его одиночество

Царь относился к Пушкину с возрастающим недоверием и раздражением. Красота жены поэта была в полном блеске. Царь хотел, чтобы Наталья Пушкина бывала не только на широких великосветских собраниях, но и на более интимных придворных вечерах, происходивших обычно в Аничковом дворце.

Под новый 1834 год Николай „пожаловал“ поэту придворное звание камер-юнкера. Этой „милостью“ царь добивался сразу двух целей. Он ставил ею Пушкина в унижительное положение: в камер-юнкеры, низшее придворное звание, назначалась аристократическая молодежь, Пушкину же было уже 35 лет, он имел всероссийское имя и в своем новом звании должен был возбуждать смех светской челяди. С другой стороны, придворное звание мужа открывало Наталье Николаевне свободный доступ ко всем придворным удовольствиям.

Это назначение взбесило Пушкина. Он прекрасно разбирался в мотивах назначения. „Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры — (что довольно неприлично моим летам), — записывал он в своем дневнике, — но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове“.

Началась длинная цепь оскорбительных унижений. Гениальный поэт не очень разбирался, да и не хотел разбираться, в тонкостях придворного этикета. Поедет он на вечер в Аничков дворец в мундире, а там гости в штатском платье. Пушкин едет домой переодеться, но вместо того, чтобы возвратиться во дворец, уезжает к приятелю. Царь приказывает передать ему свое неудовольствие. Под предлогом болезни поэт не являлся на дворцовые церемонии, на которых ему — прославленному поэту — приходилось бы как камер-юнкеру играть довольно незавидную роль. Царь каждый раз допытывался о причинах его отсутствия, собирался чуть ли не на дом посылать к нему врача, чтобы проверить, в самом ли деле он болен.

Притеснения правительства становились все нестерпимей. Полиция стала перехватывать письма поэта. В одном из них, адресованном жене, проводившей весну и лето в Калужской губернии, Пушкин так же, как и в дневнике, неодобрительно отозвался о своем придворном звании.

Письмо доставили царю, тот рассвирепел. Друзья Пушкина насилу уладили дело, хотя отношение царя к поэту от этого не стало лучше. Этот эпизод Пушкин отметил в своем дневнике: „Московская почта распечатала письмо, писанное мною Наталье Николаевне, и, нашед в нем отчет о присяге великого князя, писанный, видно, слогом неофициальным, донесла обо всем полиции. Полиция, не разобрав смысла, представила письмо государю, который сгоряча также его не понял. К счастью письмо показано было Жуковскому, который и объяснил его. Все успокоилось. Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью, — но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутком не буду и у царя небесного. Однако, какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю... и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видока и Булгарина!“

Тоскливые ноты все чаще и чаще дают себя знать в настроении одинокого поэта, окруженного могущественными врагами, не смевшего из-за шпионских глаз поделиться переживаниями даже с женой. „Скучно жить без тебя, — писал он ей, — и не смей даже писать тебе все, что придет на сердце“.

Пушкин все острее начинает мечтать об отставке, об отъезде в деревню, о независимости, о том, чтобы всецело отдаться творческой работе. В конце июня 1834 г. Пушкин написал прошение об отставке. Царь рассвирепел. Под угрозой опалы и преследований Пушкин, при посредничестве Жуковского, вынужден был взять свое прошение обратно. Но уже после того, как Пушкин отказался от отставки, царь угрожал наказанием не только самому Пушкину, но и его семье.

Понятно, что в таких условиях поэту не работалось. А работать ему необходимо было не только для того, чтобы реализовать свои творческие замыслы, но и чтобы прокормить семью. Через год он вновь обратился к царю с просьбой о длительном отпуске — на 3—4 года для поездки в деревню, где бы он мог свободно творить. Царь ответил как иезуит — не прямым отказом, а лицемерной фразой, в которой Пушкину предлагалось выбирать между пребыванием в Петербурге и отставкой со всеми вытекающими последствиями. Поэта оставили попрежнему на привязи. Из Петербурга его не пустили.

Отношение царя и Бенкендорфа к Пушкину послужило сигналом для усиленной травли поэта со всех сторон. Ухудшились и без того плохие цензурные условия его работы. Произведения Пушкина цензуровались царем и Бенкендорфом. Несмотря на это, министр народного просвещения, ревностный проводник реакционной политики царя, граф Уваров потребовал, чтобы все написанное Пушкиным подвергалось еще досмотру цензоров-специалистов. Пушкин боролся со своими врагами всеми доступными ему средствами. Уваров был наследником богатого графа Шереметева. Шереметев заболел. Обрадованный

Уваров стал вести себя как владелец достояния больного. А Шереметев возьми и выздорей. Пушкин воспользовался этой историей и написал сатиру на Уварова под названием „На выздоровление Лукулла“. Уваров, как и все читатели, легко узнал, кого имел в виду поэт под прозрачными римскими псевдонимами, и ответил усилением нападок и клеветы по адресу Пушкина.

Врагами Пушкина были и непосредственный его начальник по службе — министр иностранных дел Нессельроде и жена последнего, у которой собирался влиятельный светский круг. Критика и печать, зависимые от правительства, также усилили свои нападки на Пушкина, переходя от намеренно злой и несправедливой оценки его творчества к прямым доносам.

Ко всем бедам Пушкина присоединились еще очень острые денежные затруднения. Ему не по средствам было вести светский образ жизни, которого требовали от него и его придворное звание, и царь, и жена. Семья Пушкина выросла. У него было четверо детей. На его иждивении находились две сестры жены, брат, отчасти его родители. В условиях петербургской светской жизни он писать не мог. К тому времени, когда он получил отказ в длительном отпуске, его долги доходили до 60 000 рублей, из которых 20 000 он должен был царю (т. е. государству, но царь, когда хотел, не делал различия между своими деньгами и казной). Так даже в материальном отношении Пушкин попал в кабалу к царю. Чтобы освободиться от денежной зависимости от царя, Пушкин пытался было отдать в казну в счет долга принадлежащие ему болдинские земли. Но из этого ничего не вышло. Царь понимал, что, давая Пушкину в долг казенные деньги, он накидывал лишнюю петлю на шею поэта.

Нет ничего удивительного, что преследования, придирки, денежные заботы, постоянные волнения и одиночество не давали возможности Пушкину писать. Осенью 1835 г. Пушкин поехал в Михайловское, надеясь использовать свое любимое время года для плодотворной работы. Но через десять дней он уже сообщает жене: „Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки, а все потому, что неспокоен“.

Одиночки — друзья Пушкина, как, например, Жуковский, думали помочь поэту, толкая его на полное подчинение не только внешнее, но и внутреннее, царю, правительству, свету. Пушкин же не хотел и не мог подчиниться своим говителям. Его ненавидели за независимость, за чувство собственного достоинства, за свободолюбие, бывшее почти из каждой написанной им строчки, за прогрессивный характер его творчества, за презрение к свету, к кололеству, к пресмыкательству, наконец, за гениальность. Пушкин видел и понимал свое одиночество. „Чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом!“ — восклицал он в одном из писем к жене. Недоброжелательство и ненависть окружали поэта со всех сторон. Ждали только повода, чтобы начать беспощадную травлю.

В январе 1834 г. в русскую императорскую гвардию офицером был принят французский эмигрант барон Дантес. Дантес был крайним реак-

ционером. Он вынужден был уехать из Франции в результате революции 1830 года. Беспринципный проходимец, Дантес на почве противостественной близости нашел себе влиятельного покровителя в лице голландского посланника в Петербурге Геккерена. Геккерен даже усыновил его. Дантес стал именоваться бароном Дантес-Геккерен.

Красивый и нахальный, Дантес-Геккерен пользовался большим успехом в петербургском большом свете. Он заметил красоту жены Пушкина, всеобщее внимание, оказываемое ей, и стал назойливо добиваться ее расположения. Вокруг имени жены Пушкина начала плестись великосветская сплетня. Свет, ненавидевший Пушкина, стал эту сплетню раздувать, потакать ухаживанию Дантеса и высмеивать Пушкина. Пушкин искал способов защитить свою честь и чистоту имени своей жены. Двор и свет удвоили свои отвратительные усилия: открылась возможность совсем избавиться от ненавистного поэта. Император Николай уже после гибели Пушкина писал своему брату: „Давно ожидать должно было, что дуэлью кончится их неловкое положение“. Значит, Николай еще задолго до рокового для Пушкина и России исхода предвидел возможность дуэли, но ничего не делал для того, чтобы предотвратить ее. Один из немногих доброжелателей Пушкина, граф Адлерберг предпринял попытку спасти Пушкина. Дантес как-то выразил желание поехать на Кавказ подраться с горцами. Граф Адлерберг отправился к брату царя Михаилу, главнокомандующему гвардейским корпусом, изложил ему свои опасения относительно Пушкина и предложил отправить Дантеса на Кавказ. Однако, это предложение не было принято. Двору и свету международный проходимец Дантес был дороже национальной гордости России, величайшего ее поэта. Мало того, двор и свет надеялись, что в этом столкновении удастся убрать, убить Пушкина, причем сами они останутся в стороне. Зная отношение царя к Пушкину, в свете нашлись досужие старатели, которые просто стали сводничать Дантесу жену Пушкина, разжигая ярость Пушкина, делая его положение совершенно невозможным, ускоренно толкая его к роковой развязке.

Вокруг Пушкина развевалась ожесточенная враждебная кампания. Но все же поэт, насколько ему только позволяли обстоятельства и силы, не прерывал своего служения литературе. В 1835 г. Пушкин получил разрешение издавать журнал „Современник“. Пушкин уделял очень много внимания журналу, печатая в нем свои крупные художественные произведения, мелкие стихи и заметки. Он радовался каждому успеху русской литературы, он поддерживал начинающих писателей. Пушкин один из первых заметил дарование Гоголя. Он ставил перед молодым Гоголем серьезные задачи. Он подсказывал ему темы для творчества. Пушкин, — рассказывает Гоголь в „Авторской исповеди“, — „отдал мне свой собственный сюжет, из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал никому другому. Это был сюжет „Мертвых душ“. (Мысль „Ревизора“

принадлежит также ему). Пушкин же первый заметил и главную особенность творчества Гоголя, которая позднее была охарактеризована Белинским, как „смех сквозь слезы“.

Пушкин рвался из своего одиночества. Он искал новых сил, новых людей, с которыми мог бы вместе работать. Он собирался пригласить Белинского сотрудником в „Современник“. Смерть Пушкина помешала ему выполнить это намерение.

В последний период своей жизни Пушкин напечатал в „Современнике“ большую повесть „Капитанская дочка“, написанную им несколько ранее в результате изучения движения Пугачева. Пушкин работал над драмой из эпохи падения феодализма — „Сцены из рыцарских времен“, в которой он нарисовал картины крестьянского восстания против феодалов. Эта драма осталась незаконченной. Незаконченной осталась и повесть „Египетские ночи“. Однако, в начальных главах этой повести поэт мастерской рукой начал изображать психологию гения и художественного творчества, как он ее знал и понимал.

Из лирических стихотворений последнего периода творчества Пушкина следует выделить стихотворение „Полководец“. Полководец, о котором говорится в этом стихотворении, — Барклай-де-Толли, предложивший правильный план борьбы с Наполеоном. Однако Барклаю-де-Толли не доверяли, его сняли с поста, хотя оборона против французского нашествия дальше продолжалась фактически по его плану. Размышляя о судьбе Барклая-де-Толли, Пушкин думал и о себе. В стихотворении много автобиографических сопоставлений. Оно заканчивается следующими строками:

„О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколеньи
Поэта приведет в восторг и в умиленье!“

Пушкин перед своей гибелью размышлял о пройденном им пути, об оставляемом им культурном наследстве. Он сознавал свое одиночество, видел готовящийся вокруг него заговор, но он понимал значение своего поэтического труда для будущего, для русского народа, для всех других народов, населяющих нашу страну. Незадолго до своей смерти Пушкин в стихотворении „Памятник“ писал:

„Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в поддунном мире
Жив будет хоть один пиит.
Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык“.

Начало дувли.
Рисунок Петра Соколова.

5. Дуэль и смерть

Пушкина травил царь Николай, Бенкендорф, Булгарин, все реакционное и развратное великосветское общество. Разжигание скандала вокруг имени гениального поэта стало орудием расправы над ним.

4 ноября 1836 г. Пушкин получил по почте анонимный пасквиль следующего содержания: „Великие кавалеры, командоры и рыцари светлейшего Ордена Рогоносцев в полном собрании своем, под председательством великого магистра ордена, его превосходительства Д. Л. Нарышкина, единогласно выбрали Александра Пушкина коадьютором (заместителем) великого магистра Ордена Рогоносцев и историографом ордена“. Такие же анонимки были разосланы друзьям и знакомым Пушкина. Анонимный пасквиль недвусмысленно намекал на ухаживания Николая I за женой Пушкина. Нарышкин был мужем фаворитки императора Александра I. Называя Пушкина заместителем Нарышкина, анонимка намекала, что Пушкину выпала по отношению к императору Николаю та же роль, что Нарышкину по отношению к Александру.

Позднее было установлено, что анонимный пасквиль написал великосветский шалопай и развратник князь П. В. Долгоруков. Но Долгоруков был только исполнителем. За его спиной стояла целая группа развращенной светской молодежи, кое-кто из сановников, вероятно в том числе и министр Уваров, кое-кто из членов дипломатического корпуса, в том числе голландский посланник барон Геккерен. Возможно, что великосветская банда с умыслом направляла гнев Пушкина по адресу царя, рассчитывая отвлечь его внимание от Дантеса, надеясь таким путем скорее погубить поэта.

Посланная Пушкину пошлая и гнусная анонимка является ярким свидетельством низкого культурного и нравственного уровня тогдашнего придворного и великосветского общества, и притом не только русского. Форма анонимного диплома не была выдумана петербургской золотой сволочью, погубившей Пушкина. Она была скопирована с бланка полученного из Вены, где высшее общество также развлекалось подобными забавами.

Пушкин был твердо убежден, что подлая анонимка исходила от барона Геккерена, приемного отца ухаживавшего за Натальей Николаевной Дантеса. Геккерена по его положению посланника и по его возрасту неудобно было вызвать на дуэль. Пушкин послал свой вызов Дантесу. Геккерен очень испугался. Он понимал, что каков бы ни был исход дуэли, ему придется покинуть место посланника в Петербурге, которым он дорожил просто по корыстным соображениям. Чтобы выйти из создавшегося положения, Дантес сделал предложение сестре Наталье Николаевны — Екатерине Гончаровой. Это предложение давало ему основание утверждать, что он оказывал внимание Наталье Николаевне будто бы для того, чтобы чаще видеть ее сестру. Предложение Дантеса обнаруживало в нем труса и делало его смешным в глазах общества.

Однако, неприязнь развратного света к Пушкину была настолько велика, что нашлись люди, которые низменные и унижительные мотивы предложения Дантеса старались изобразить как подвиг, делающий честь его благородству.

После оформления предложения Дантеса Пушкин взял свой вызов обратно. Пушкин категорически отказался иметь какие бы то ни было дела со своим новым „родственником“. Дантес однако и после своей свадьбы продолжал ухаживания за женой Пушкина. Недоброжелательное светское общество опять начало чернить Пушкина, сплетни возобновились. Пушкин чувствовал себя затравленным. Его окружила стена врагов. Его преследовали царь и министры. Светское общество старалось унижить поэта, раздувало сочиненные по его адресу сплетни. Денежные затруднения теснили поэта все более жестоко. Литературная критика хулила его произведения. Обстановка для поэта создавалась под конец такая, что делала невозможным для него самый литературный труд. Царь насильно держал Пушкина в этом пекле, не выпуская его из Петербурга, требуя его участия в придворной и светской жизни. Доведенный до крайности Пушкин решил любой ценой добиться какого бы то ни было выхода из создавшегося положения.

Пушкин попытался в последний раз найти управу на своих врагов у царя. Он сообщил Николаю о вестующей интриге, повидимому, дав ему понять, что распускаемые сплетни чернят и самого царя. Николай приказал ему молчать. Тогда Пушкин решил сразиться хоть с одним из своих врагов не на жизнь, а на смерть. 26 января 1837 г. он послал убийственно оскорбительное письмо Геккерену, после которого никакое отступление уже не было возможно. Дантес должен был принять вызов Пушкина.

Секундантом Дантеса был служащий французского посольства д'Аршиак, секундантом Пушкина — его товарищ Данзас. Перед дуэлью Пушкин был спокоен, даже весел. За час до дуэли Пушкин еще занимался делами „Современника“ и написал письмо с деловыми поручениями писательнице Ишимовой.

Дуэль состоялась 27 января на Черной речке, у комендантской дачи. Площадка, на которой должны были драться противники, была засыпана глубоким снегом. Секунданты вытоптали дорожку. Барьеры были обозначены шинелями. По данному сигналу противники начали сходитьсь.

Первым выстрелил Дантес. Пушкин упал, раненый в живот и крестец. Рана его была смертельна. Очнувшись, Пушкин пожелал воспользоваться принадлежащим ему выстрелом. Он приподнялся, и полулежа на снегу, выстрелил в своего врага. Пушкин попал в Дантеса, но рана оказалась очень легкой.

Секунданты перенесли Пушкина в карету и повезли его домой. Дома Пушкина ждали к обеду. Данзас вошел в столовую предупредить жену о дуэли и о ранении Пушкина. Наталья Николаевна, увидев раненого мужа, упала в обморок. Пушкина поместили в его кабинете. Смер-

тельно раненый поэт не велел пускать к себе жену, пока его не приведут в порядок, разденут, уложат. Он не хотел ее пугать видом своей раны.

Страдания Пушкина были невыносимы. Он понимал, что умирает, но вел себя с величайшим мужеством и спокойствием. Николай I не оставил поэта в покое и на его смертном одре. Он отправил ему письмо, в котором требовал исполнения Пушкиным перед смертью обрядов христианской религии, ставя это условием обеспечения его жены и детей. Заботясь о судьбе семьи Пушкина и о судьбе его литературного наследства, Жуковский ложно изобразил последние часы Пушкина. Он сообщил Николаю, что Пушкин на вопрос, что передать в качестве его предсмертного желания царю, ответил: „Скажи ему, что мне жаль умереть, был бы весь его“. Пушкин никогда не говорил этих слов. Когда Жуковского упрекали за эту фразу, он оправдывался тем, что заботился о судьбе жены и детей Пушкина. Ложное представление о предсмертном поведении Пушкина лицемерно поддерживалось и распространялось в народе правительством.

Перед смертью Пушкин простился с присутствовавшими друзьями, благословил своих детей. 29 января по старому стилю, 10 февраля по новому, в два часа сорок пять минут пополудни Пушкина не стало.

Проф. А. Скафтымов

Пушкин — поэт гуманизма

А. С. Пушкин — „создатель русского литературного языка и родоначальник русской литературы“ — в великую сталинскую эпоху сделался любимым поэтом широких трудящихся масс нашей многонациональной родины. В его творчестве воплотились талантливость, сила, вдохновение и страсть великой страны. Юбилей Пушкина — праздник социалистической культуры.

Со времени великой Октябрьской революции мы видели, как год за годом ширилась популярность творчества Пушкина среди трудящихся масс: увеличивался спрос на его сочинения в библиотеках, вырастали тиражи изданий, множились пушкинские читательские кружки, поднималась роль творчества Пушкина в формировании нового советского социалистического реализма в художественной литературе.

Наконец, в наши дни, в великую сталинскую эпоху, в результате исключительного подъема всех материальных и культурных сил нашей страны „слава Пушкина стала подлинно всенародной славой“ (Косарев).

В советские годы была произведена полная ревизия изданий текстов Пушкина. Путем тщательнейшего изучения подлинных рукописей Пушкина, вместе с вовлечением новых, ранее неизвестных пушкинских текстов, скрывавшихся под спудом царских цензурных архивов,—был восстановлен подлинный Пушкин, свободный от предвзятых искажений прежней дворянско-буржуазной литературной науки и критики. В настоящее время, в юбилейных изданиях Пушкина, если и остаются некоторые спорные пункты, то они касаются уже второстепенных деталей и уточнений. Основной корпус всего состава пушкинских текстов трудами советского пушкиноведения устанавливается точно и неоспоримо.

Одновременно вырастали популярные издания пушкинских текстов. Сначала мы узнавали и удивлялись десяткам тысяч экземпляров быстро расхваченных изданий Пушкина. Сравнительно недавно нас поразила цифра 10 0000 экземпляров „Евгения Онегина“, изданного в „Школьной серии классиков“ в 1934 году. Однотомник Пушкина, издаваемый Государственным издательством, с 1924 до 1933 года выдержал шесть изданий и разошелся в 120 тысячах экземпляров. Теперь эти цифры

нам кажутся ничтожными. Последний однотомник, вышедший в 1936 году, печатался в 500 тыс. экз., и в настоящий момент его уже нельзя купить ни в одном экземпляре. Общие тиражи юбилейных изданий Пушкина исчисляются миллионами экземпляров. Гослитиздат в четвертом квартале дал 15 названий юбилейных изданий Пушкина в 3 300 000 экз. Кроме того, Детгиз за тот же период дает 24 названия в количестве 3 225 000 экз. Кроме того, были издания „Academia“, Академии Наук появилось множество пушкинских текстов, изданных в провинции краевыми и областными издательствами. Дано много изданий в переводах на различные языки советских народов. И все же огромно возросший спрос на книги Пушкина остается удовлетворенным далеко не полностью. Каждая книга Пушкина жадно берется с прилавка магазина и быстро увлекается в глубины многомиллионной массы читателей.

Пушкина ценят и стремятся знать все. Не говоря о советской интеллигенции и огромных массах советской учащейся молодежи, Пушкина читает и изучает и рабочий, и колхозник, и красноармеец, и далекий северянин среди вечных снегов, и народы юга в степях, в горных отрогах и морских просторах.

Во всем этом открывается поистине замечательное явление нашего времени, свидетельствующее об огромном размахе культурной революции и грандиозном росте социалистической культуры в нашей стране. Это еще раз подтверждает мощь и величайшую благотворность совершившегося социалистического переворота. В то время, когда на Западе великие поэты народов превращаются фашистскими заправилками в объект гнусного поругания, когда в атмосфере культурного одичания буржуазного общества произведения великих поэтов и писателей остаются забытыми и недоступными для трудящихся масс, в нашей многонациональной стране творчество Пушкина делается любимым достоянием всех народов.

В чем же состоит историческая правомерность этого факта? В чем же заключается содержание того обаяния, которое в наших советских условиях получает Пушкин для огромной многомиллионной массы новых читателей, рожденных или перерожденных в огне революции и в дыхании новой свободной социалистической атмосферы?

Если на этот вопрос ответить совсем коротко, то мы скажем, что обаяние Пушкина для нас состоит в том, что его поэзия всегда была одушевлена лучшими стремлениями человечества к полной, радостной и светлой жизни, к свободе от всяких предрассудков, стесняющих волю и чувства человека, к свободе от политического угнетения, от социального рабства, от оскорбления и унижения человека человеком, стремлениями к раскрытию личности человеческой во всех ее способностях и потребностях, к светлой гуманности во взаимной встрече человека с человеком, к широкому просвещению и глубокой сознательности.

Содержание всех этих стремлений включает в себе те многовековые чаяния и ожидания народные, которые не находя себе удовлетво-

рения в классовом обществе, всегда болели в человечестве, звали к поискам новой жизни, охраняли чувство человеческого достоинства, возбуждали мысль, вселяли в сердце гордую отвагу в борьбе с насилием угнетателей, с темнотой, с дикостью нравов, с грязной неправдой и грубостью в отношениях между людьми. Все эти идеалы только теперь стали получать свое осуществление в нашей стране, где в корне уничтожена эксплуатация человека человеком, где исчезли все основания к неравенству между людьми, где открыты все просторы к широкому развитию личности, где в основу отношений положен принцип социалистического гуманизма, т. е. взаимное понимание и взаимное уважение всех трудящихся, где условием дальнейшего роста является наш общий труд, как дело нашей чести, славы, доблести и геройства. В Пушкине мы ценим певца тех страстных, но в ту пору неосуществимых и неосуществленных желаний, исполнение которых происходит лишь среди нас в росте великого социалистического строительства. Пушкин не знал подлинных путей к осуществлению этих желаний, и его энтузиазм оказывался бессильным. Он пал, пораженный гонителями. Его трагическая гибель является для нас историческим уроком к тому, чтобы еще крепче ненавидеть тяжелое прошлое и еще горячее любить наше настоящее и будущее.

„И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал“.

Эти слова Пушкина для нас особенно ценны. В них назван основной пафос поэтических вдохновений Пушкина, определена стержневая струя его поэтической деятельности, наиболее для него дорогая и интимная, составлявшая его радость в субъективно-поэтическом самочувствии и его гордость перед историей. Здесь же четко обозначено коренное противоречие, создавшее трагедию для всей его жизненной судьбы и определившее содержание его жизненной борьбы.

При выходе в жизнь Пушкина встретила жестокая аракчеевщина, крепостничество во всех формах жизни, фанатизм церкви, мистицизм ханжеской светской толпы, угашение мысли и знания в учебных заведениях и в печати, политическая гнусность реакционного „Священного союза“, далее последовала жестокая расправа с декабристами и затем на многие годы стабилизировалась мрачная николаевщина с бесчисленными щупальцами тайной полиции. Поистине — „жестокий век“.

Пушкин, вместо того, чтобы подчиниться общему ярму крепостнической тирании, отстаивает свою личность, защищает человеческие права на радость жизни, требует простора для творческого гения, клеймит светскую толпу, восславляет свободу, бичует тиранию во всех ее формах как в жизни политической, так и в области морально-бытовой.

Замечательно, что уже в лицейских стихотворениях Пушкин, вбирая в себя самые различные воздействия существовавших литературных

течений, все же в основном, преобладающем творческом подъеме ориентируется на самое передовое философско-литературное направление своей эпохи (эпикуреизм и вольтерьянство), разрушавшее традиционные нормы церковно-феодалной морали и открывавшее человеческой личности свободный выход к радости жизни. Не надолго и не намного его увлекает Державин. У Жуковского Пушкин берет лишь то, что в его поэтическом мастерстве было сильного и освобождающего от прежней рутины закостеневшего классицизма и ни в какой степени не заимствует у него тех элементов мистицизма и пиэтизма, которые навсегда оставались для него враждебными. Зато ему оказался близок Батюшков в его песнях и гимнах красоте и радости жизни. Ему близок Вольтер с его острым и злым антиклерикализмом, близки Парни, Шолье, Грекур, певцы любви и наслаждений. Отовсюду Пушкин выбирает здоровую материалистическую струю, идущую в разрез с ханжеской проповедью аскетизма, прописного воздержания и казенного пустосвятства.

Одновременно Пушкин уже испытывает на себе давление педантов, „угрюмых“ староверов, обветшалых мудрецов и чопорного, бездушного „света“, скованного рутинной принятой „приличий“. Уже в ранних стихотворениях Пушкина звучат ноты отщепенства, желания уйти из „мертвой области рабов, капральства, прихотей и моды“. Он жалуется, что „угорел в чаду большого света“. Пушкин уже узнал силу светской сплетни, клеветы и угрожающих обвинений в политической неблагонамеренности.

„Беда, кто в свет рожден с чувствительной душой,
Кто тонко мог пленить красавиц нежной лирой,
Кто смело просвистал шутивой сатирой,
Кто выражается правдивым языком
И русской глупости не хочет бить челом!
Он — враг отечества, он — сеятель разврата
И речи сыплются дождем на супостата“.

Пушкин уже знает „тиранов модных зал“, „злых без ума, без гордости спесивых“, надоедающих казенными нравоучениями, — тупых и тщеславных, но огражденных вельможественным положением и льстивым низкопоклонством светской толпы.

„Я помню сих детей честолюбивых,
Злых без ума, без гордости спесивых,
И, разглядев тиранов модных зал,
Чуждаюсь их укоров и похвал..
Когда в кругу Лане благочестивых
Затянутый невежда генерал
Красавицам изношенным и сонным
С трудом острит французский мадригал,
Глядя на всех с нахальством благосклонным, —
И все вокруг и дремают и молчат,
Крутят усы иль шпорами бреччат,
Да изредка с улыбкою зевают —
Тогда, мой друг, забытых шалунов
Свобода, Вакх и музы угождают.“

Последний путь. С картины А. А. Наумова.

Не слышу я в то время острых слов,
 Политики смешного лепетанья;
 Не вижу я украшенных глупцов,
 Святых невежд, почетных подлецов,
 И мистика придворного кривлянье...

Поэт ищет отдыха, он порывается уйти куда-то „домой“, в „уединенье“, в узкий круг немногих молодых товарищей и друзей.

„...Признаюсь, мне во сто крат милее
 Младых повес счастливая семья,
 Где ум кипит, где в мыслях волен я,
 Где спорю вслух, где чувствую сильнее,
 И где мы все прекрасные друзья“.

Душному свету Пушкин противопоставляет уединенную деревню, где он надеется забыть „порочный двор царей, роскошные пиры, забавы, заблужденья“.

„Я здесь от суетных оков освобожденный
 Учуся в истине блаженство находить,
 Свободною душой закон боготворить
 Роптанью не внимать толпы непросвещенной“.

Рядом с этим вырастает политическое самосознание Пушкина, созревавшее особенно быстро в ближайшие годы после окончания лицея, под воздействием тайных политических обществ. Ему становится понятной связь морально-бытового формализма и раболепия с политической тиранией самодержавия. Теперь Пушкин восславляет свободу не только в смысле осуществления личной моральной самостоятельности, но и в смысле установления нового общественного порядка с гарантией гражданских прав и подчинения тирана-царя всеобщим нормам государственных законов. Мотивы эпикурейской неги, личной непринужденности и покоя в творчестве молодого поэта заменяются или усложняются и углубляются призывами к борьбе против самовластия тирана.

„Беги, сокройся от очей
 Цитеры слабая царица!
 Где ты, где ты, гроза царей,
 Свободы гордая певица?
 Приди, сорви с меня венок,
 Разбей изнеженную лиру...
 Хочу воспеть свободу миру,
 На тронах поразить порок“.

Пушкину рисуется картина всюду распространившегося рабства и угнетения.

„Увы! куда ни брошу взор —
 Везде бичи, везде железы,
 Законов гибельный позор,
 Несовли немощные слезы;
 Везде несправедная власть...“

Уединенная деревня, где он полагал спастись от всеобщего рабства, открывает лишь другие стороны той же тирании и крепостничества.

„Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный повор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца...“

Пушкину мечталось или хотелось, чтобы крепостническое порабощение крестьян было уничтожено сверху, волею царя. Но, очевидно, он сильно сомневался в возможности столь мирного разрешения этой задачи и подобную надежду в известном стихотворении „Деревня“ выразил лишь в форме вопроса. К либеральным обещаниям Александра I Пушкин относился недоверчиво. В шуточном стихотворении „Noël“, на обещание царя поставить вместо петербургского обер-полицмейстера подлинное действие законности и „из доброй воли“, „по царской милости“ дать людям все права людей, мать отвечает откровенно недоверчивой и иронической репликой:

„Бай-бай! Закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!“

В оде „Вольность“ имеется прямой призыв к восстанию:

„Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстановьте, падшие рабы!“

После ссылки на юг в моменты непосредственного сближения Пушкина с крупнейшими деятелями южных обществ декабристов его революционная настроенность еще более возрастает. Волна политического освободительного движения на Западе (Италия, Испания, Франция и др.) воспламеняет его воображение, близость тайных политических организаций поднимает в нем веру в возможность революции в России (см. стихотворение „В. Л. Давыдову“, воспоминания Якушкина и др.).

Желания социальных перемен и в это время у Пушкина не шли дальше буржуазного конституционализма, в своих принципах сформированного идеологами буржуазной французской революции до-якобинского периода и буржуазного либерализма эпохи реставрации. Основным принципом построения общественных отношений Пушкин выдвигает требо-

вание законности, как бы не предусматривая классовой относительно-сти этого авторитета и его политического непостоянства. Во имя принципа законности Пушкин одинаково отрицательно относился как к представителям тиранической власти, так и к якобинской диктатуре (см. о Марате в стихотворении „Кинжал“). Тем не менее революционизирующее значение политических стихотворений Пушкина этого времени было огромно. Об этом свидетельствуют следственные дела и мемуары многих декабристов, в своем опыте переживавших воспламеняющее воздействие политических эпиграмм и оды „Вольность“.

Под влиянием спада революционной ситуации и побед реакции на Западе в 1823—24 гг. намечается отход Пушкина от декабризма. В связи с разгромом революционного движения декабристов Пушкин разочаровывается в перспективах и возможностях революционной борьбы с феодално-крепостническим строем, не переходя, однако, в лагерь реакции, напряженно ища новых путей для осуществления своих вольнолюбивых стремлений и сохраняя внутреннюю солидарность с идеалами декабристов („Послание в Сибирь“). В эту пору формируется новое отношение Пушкина к русскому самодержавию, переосмысливаются общие этические критерии в оценке общественного поведения человека, устанавливается новая тактика в борьбе за преодоление деспотических преград к счастливой и свободной жизни.

Самодержавие Пушкин теперь понимает как неизбежную силу истории, как неустранимую колесницу исторического процесса, которая при данных условиях не может быть остановлена, но усилиями людей может быть направлена в должную сторону и таким образом может быть использована как положительная сила социального прогресса. Пушкин желал бы подчинить самодержавие интересам народного благополучия. Он опасается эгоистического своевластия, для которого обладание властью является лишь средством насыщения хищного властолюбия, которое игнорирует жизнь массы, используя ее труд, пот и кровь лишь как пьедестал для личного тщеславия. В этом идеологическом плане была написана трагедия „Борис Годунов“, порицающая царей, сделавших трон объектом личных домогательств. Здесь уже предполагается образ идеального царя, самоотверженно отдающего себя на благо страны, царя—служителя народа, силой своей власти и труда ведущего жизнь государства по путям просвещения и гуманности. По типу такого мыслимого образца царей Пушкиным идеализируется историческая роль и личность Петра I.

„Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещение
Не презирал страны родной
Он знал ее предназначенье.
То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник“.

Этому излюбленному утопическому образу царя—работника—народа Пушкиным посвящены две монументальные поэмы „Полтава“ и „Медный всадник“:

„Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия.
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра“.

Несостоятельность этой утопии очевидна. Тут дело, конечно, не только в том, насколько соответствовала реально-историческая деятельность Петра I тем идеальным представлениям, которые ему приписывались Пушкиным. Тут дело заключается в несостоятельности самой мечты о возможности гармонического согласования интересов всех сословий и классов под единым скипетром самодержца, каковы бы ни были его личные качества.

Был момент, когда Пушкин, повидимому, надеялся в Николае I увидеть некоторое осуществление такого идеального царя-гуманиста и просветителя.

В известных „Стансах“ (1826), обрисовав облик Петра I, Пушкин обращался к Николаю I со своим советом:

„Семейным сходством будь же горд:
Во всем будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен“.

В этих словах Пушкин представлял царю свою декларацию, „договаривался“ о программе своих желаний. Но как только дело коснулось реальности, надежды быстро должны были рассыпаться. Пушкин скоро разочаровался.

Вместо ожидаемой правды, просвещения, смягчения нравов, справедливости и разносторонней деятельности на пользу родины, вместо благородного великодушия Пушкин в Николае увидел жадного к власти тирана, способного на низкие происки и подлость, тупого и равнодушного к народу, к ценностям просвещения, далекого от искусства, погруженного в исключительную заботу об охране собственного злого и завистливого тщеславия. В политике Николая господствовал беспримерный деспотизм и мракобесие, а в личных отношениях к Пушкину ничего не было, кроме лжи и вероломства, фальшивых обещаний и полицейской придирчивости.

Таким образом порывы Пушкина к свободному общественному самочувствию в условиях самодержавия закончились только болью горькой обиды и страдания.

Требование личной независимости и человечности одушевляло Пушкина также и применительно к частно-бытовым отношениям. Глубочайшей особенностью Пушкина и в этом случае является стремление сочетать принцип свободы с принципом гуманности.

Сам Пушкин в личном поведении отличался всегда живой общительностью. Ему свойственна была широкая нравственная доступность, теплая участливость и совершенное отсутствие угрюмости. Он принимает людей радостно и охотно. Обладание живой непосредственностью, способность всегда быть самим собою тоже несомненно были следствием его дружеской доверчивости к людям. Поиски уединения и внутренней сосредоточенности были у него не от нелюдимости. Такие моменты или были вынуждены окружающим недоброжелательством или вызывались творческими порывами к синтетическому осознанию себя. В своем кругу Пушкин являлся как бы прирожденным другом и общим товарищем. В частности, лицейское товарищество навсегда сохраняло для него светлое обаяние и прелесть интимно-домашней разделенности чувств. Он всегда испытывал потребность отдаться друзьям. И это у него совершалось без болтливости, без сентиментальности, без всякого отягощения собою. Наоборот, в нем всегда жила внутренняя деликатность, стыдливость в обнаружении чувства. Дружество в нем горело и выливалось само собою в светлой улыбке, заразительном смехе, доброй шутке, в откровенной интонации, в постоянной приветливой готовности уважительно отнестись к чужому чувству и благодушно снизить к недостаткам ради достоинств. Чувствуя себя, он не забывал других. Его открытость была полна доброжелательства.

Он знал, конечно, что может быть в человеке злого, тайно расчетливого и завистливого. Горькие уроки вынесло его простосердечие среди тайных интриг придворного света. Слишком часто он вынужден был скучать о просторах полей, о мирном уединении в природе. Но это уже не его вина, а его беда. В обществе, зараженном взаимной неприязнью неравенства и жадного собственничества, простодушие Пушкина не могло найти привет. И много раз приходилось ему терпеть „неотразимые обиды“. Но и в этом случае Пушкин не впадал в угрюмую мизантропию. Не здесь, так в другой среде он искал общения и приязни.

Пушкин всегда был чужд противопоставленности себя, как личности, общей человеческой среде. И когда ему пришлось столкнуться с байроновской идеализацией гордой презрительности и замкнутого отъединения, он отверг остроту байроновского индивидуализма. Своему кавказскому пленнику или Алеко он сочувствует лишь до тех пор, пока они являются „отступниками света“, пока они негодуют на тех, которые „любви стыдятся, мысли гонят, торгуют волею своей и ищут денег да цепей“, — иначе сказать, до тех пор, пока они противопоставлены светской мертвечине и расчетливости, и тоскуют о свободе своих чувств

и воли. Но как только они, замкнувшись в эгоизм, распространяют свои притязания в ущерб другим, без всякого внимания к тому, какие раны они своим себялюбием наносят другим, Пушкин уже не с ними. Он отвергает тех, кто „для себя лишь хочет воли“. Во многом разделяя скепсис и личную самостоятельность Онегина, Пушкин не простил ему его угрюмства, его неспособности поступиться собою, послужить делу и чувству человека, войти с ним в доверчивость и дружбу.

„Но дружбы нет и той меж нами
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицею себя.
Мы все глядим в Наполеоны,
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно“.

Указание на эгоизм, себялюбие всегда в творчестве Пушкина было средством величайшей моральной дискредитации. Этою чертою он опровергает своих героев всегда, когда желает их выставить в отрицательном свете. Пушкин как будто предугадывал позднейшие формы буржуазного индивидуалистического цинизма и тогда уже выставил противодействие этому маразму.

3

В свете противоречивых отношений Пушкина с окружавшей его атмосферой насилия должны быть поняты и его многочисленные декларации о самостоятельности и независимости поэтического вдохновения.

„Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный“.

Высоко ценя свой поэтический дар, Пушкин не видел возможности его должного применения и признания со стороны современной ему общественности. Пушкин страдал от непонимания, от неспособности тогдашней журнальной критики и читательской светской толпы войти в круг его настроений, ощутить высоту его поэтического подъема и разделить с ним сознание значительности его дела. Пушкин не находил в современной ему литературной критике достаточной принципиальности, упрекал ее в обывательстве оценок, в неискренности художественного вкуса, в элементарности и шаблонности принятых теорий. „Произведения нашей литературы, — писал Пушкин в одной из заметок 1830 года, — как ни редки, но являются, живут и умирают, не оцененные по достоинству. Критика в наших журналах или ограничивается сухими библиографическими известиями, сатирическими замечаниями, более или менее остроумными, общими дружескими похвалами, или просто превращается в домашнюю переписку издателя с сотрудниками, с кор-ректором и пр.“

Пушкин защищал себя от упреков в презрительном отношении к отзывам критики о своих произведениях. Он был далек от мысли о ненужности и бесполезности для художника литературно-критической среды. Наоборот, его горькие сетования на критику вытекали из его горячего желания найти необходимый и достойный отклик тому делу, которое составляло главнейший пафос его жизни, основу самоуважения и сознания личных заслуг перед историей. „Будучи писателем, — писал Пушкин в „Критических заметках“, — я всегда почитал долгом следовать за текущей литературой и всегда читал с особенным вниманием критики, коим подавал я повод. Чистосердечно сознаюсь, что похвалы трогали меня, как явные и вероятно искренние знаки благосклонности и дружелюбия. Читая разборы самые неприязненные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего противника и следовать за его суждениями, не отвергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ним согласиться со всевозможным авторским самоотвержением; к несчастью замечал я, что по большей части мы друг друга не понимали. Если в течение шестнадцатилетней авторской жизни я никогда не отвечал ни на одну критику (не говорю уж о ругательствах), то сие происходило, конечно, не из презрения. Состояние критики само по себе доказывает степень образованности всей литературы вообще... Презирать критику, значило бы презирать публику (чего боже сохрани!). Не отвечал я моим критикам не потому также, чтоб я не полагал в сих критиках никакого влияния на читающую публику: мне совестно было идти судиться перед публикою; мне было совестно для опровержения критик повторять школьные или пошлые истины, толковать об азбуке, риторике, оправдываться там, где не было обвинений“.

Таким образом, если Пушкин иногда отварачивался от критики, то вовсе не потому, что в принципе отрицал надобность общения и взаимодействия между критикой и писателем, а лишь потому, что критику своего времени он считал слишком бедной и малокомпетентной. „Ты пишешь мне, — замечает Пушкин в одном из писем к Нащокину, — о каком-то критическом разговоре, которого я еще не читал. Если бы ты читал наши журналы, то увидел бы, что все, что называют у нас критикой, одинаково глупо и смешно. С моей стороны я отступился; возражать серьезно-невозможно, а плясать перед публикой не намерен. Да к тому ни критики, ни публика не достойны дельных возражений“.

Другой вопрос, насколько Пушкин был прав в столь низкой оценке современной ему критики, не проистекло ли его недовольство из принципиальных расхождений между ним и требованиями критики. Пусть даже так. Но в данном случае нам важно не это. Нам важно подчеркнуть отсутствие у Пушкина высокомерного игнорирования суда над собою, наличие живого стремления войти в общение с читателем, найти читательское мнение о том, что для него самого было значительного и важного в его творчестве. Но критика говорила не о том, проходила мимо, хваталась за периферию, и общения не получилось.

Надо при этом помнить, что известных статей Белинского о Пушкине в ту пору еще не было, а Полевой и Надеждин — предшественники Белинского — как раз в оценке Пушкина оказывались менее всего проницательными. Недостатка в одобрении со стороны критики вообще у Пушкина не было. Но что для него могло значить это одобрение, если оно не охватывало главного, того, что для него самого составляло основную и единственную существенную важность.

„Что слава? Шопот ли льстеца?
Гоненье низкого невежды?
Иль восхищение глупца?“

„Что же ты называешь критикой? — возражал Пушкин Бестужеву. — „Вестник Европы“ и „Благонамеренный“. Библиографические известия Греча и Булгарина? Свои статьи? Но признайся, что все это не может установить мнения в публике, не может почесться уложением вкуса. Коченовский туп и скучен. Греч и ты остры и забавны — вот и все, что можно сказать об вас. Но где же критика?“

Одною из постоянных литературных забот Пушкина было создание и установление „истинной критики“, которая была бы способна „забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление“ (Из письма к Катенину 1826 г.). В „Отрывках из разговоров“ в 1830 г. Пушкин писал: „Если бы все писатели, заслуживающие уважения, доверенность публики, взяли на себя труд управлять общим мнением, то вскоре критика сделалась бы не тем, чем она есть“. Пушкин неоднократно пытался вовлечь в это дело своих друзей Вяземского, Бестужева, Катенина и др. Его активнейшее участие в „Литературной газете“ Дельвига, его журнал „Современник“ были направлены в основном к той же цели.

Нельзя не признать, что многочисленные заявления Пушкина о самозаконности поэта, о независимости его творческого удовлетворения от чужих оценок и мнений, находились в связи с его низкой оценкой литературно-критической мысли своего времени. Однако это не все объясняет. Здесь имела место и другая более существенная сторона. Несомненно здесь опять переживался конфликт свободолюбивого поэта с насильническими домогательствами придворной толпы и царской власти. Содержание этих домогательств открыто было высказано Бенкендорфом в донесении императору Николаю 12 июля 1827 года. „Он (Пушкин), — писал Бенкендорф, — все-таки порядочный шалопай, но если удастся направить его перо и его речи, то это будет выгодно“.

Пушкина хотели сделать рупором правительства, приспешником трона, певцом монарших „подвигов“ и „милостей“. Такая „обработка“ велась и путем личных указаний со стороны Николая и Бенкендорфа, и путем „критических“ замечаний на представляемые царю произведения Пушкина, и путем литературно-журнальных советов таких пособников власти, как Булгарин, Греч и др. Пушкин должен был обороняться от подобных ценителей и рецензентов, и теория о неприкосновенности

вольного вдохновения для него, несомненно, служила средством политической самозащиты.

Если к этому еще прибавить невежественно-высокомерное отношение к поэту со стороны „света“, с его застывшей скукой, холопством, дутой спесью и глупостью, то бегство Пушкина-поэта от „толпы“ становится совсем понятным именно как проявление его вольнолюбия и уважения к своему поэтическому делу. „Чорт догадал меня родиться в России с душой и талантом!“

„...Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на ваезжего фигляра...
Веленью божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глуща“.

4

Проявлением гуманности Пушкина было его отношение к крестьянству. Нам теперь, в советских условиях, странно говорить о простом человеческом отношении к крестьянину. Однако в „жестокий век“ Пушкина симпатии к крестьянскому быту, сочувствие крестьянским нуждам и, тем более, признание за крестьянином общих человеческих и гражданских прав являлось недопустимой крамолой и рассматривалось как демонстрация недовольства и критики существующих крепостнических порядков. Специфически участливое отношение Пушкина к крестьянству, несомненно, являлось одним из поводов к заподозриванию его в „неблагонамеренности“ и в отсутствии „верноподданнических“ чувств.

Живя в Михайловском, Пушкин любил побродить среди народа. Крепостной дворовый крестьянин Петр, служивший у Пушкина в кучерах рассказывал: „Ярмарка тут в монастыре бывает в девятую пятницу перед Петровками; народу много собирается, и он туда хаживал, как есть, бывало, как дома: рубаха красная, не брит, не стрижен, чудно так, палка железная в руках; придет в народ, тут гулянье, а он сядет на-земь, соберет к себе нищих, слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают. Так вот было раз, еще спервоначалу, приехал туда капитан-исправник на ярмарку: ходит, смотрит, что за человек чудной в красной рубахе с нашими сидит? Посылает старосту спросить, кто, мол, такой? А Александр-то Сергеич тоже на него смотрит, зло так, да говорит эдак скоро (грубо так он всегда говорил): „скажи капитану-исправнику, что он меня не боится и я его не боюсь, а если надо ему меня знать, так я — Пушкин“. Капитан ничто взял, с тем и уехал, а Александр Сергеич бросил слепцам беленькую, да тоже домой пошел“.

Об общительности Пушкина свидетельствует и другой крестьянин — Иван Павлов. „Я с ним не раз и купался в речке Сороти. В жаркие дни он покупаться любил... С мужиками он больше любил знаться, но

Пушкин, Жуковский, Крылов и Гнедич.

и господа к нему по вечерам наезжали и с барынями, — тогда фийерверки да ракеты пуцали, да огни, — и с пушки палили для потехи. Пушка такая для потехи стояла завсегда около ворот, еще с давнишних пор. Как же дескать: у Пушкиных, да без пушки? Как увидит девки навоз возят, — всем велит вокруг сойти да песни петь, а сам слушает, да чего-то пишет, а после денег даст. Много по полям да по рощам гулял и к мужикам закахивал для разговора. Он мужицкие разговоры любил. — Был он в те поры к нам прислан: под началом приходился, а он никого не боялся. С жандармом дерзко разговаривал“.

Пушкин проникновенно ценил поэтическую культуру крестьянства. Его активный интерес к народно-поэтической стихии начинается с самого раннего этапа литературной деятельности. В 1822 году он уже вел записи народно-поэтического творчества. Очень долго носил мысль об издании сборника русских песен. С большою серьезностью он готовился к выполнению этой задачи в 1828 году. С 1831 года он одушевленно разделяет свои планы с П. В. Киреевским, торопится „скорее издавать русские песни, которых, — по сообщению Киреевского, — у него к этому времени „было собрано довольно много“ (Из письма П. Киреевского 12. X. 1832 г.). План издания у Пушкина являлся настолько солидным и серьезно обдуманым, что Киреевский с своей стороны предполагал отдать ему для сборника и свое обширное собрание. По сообщению Н. М. Языкова, Пушкин в это время произвел сличение напечатанных русских песен, приводит их в порядок и сообразность. Намерение Пушкина не осуществилось, однако, его собрание явилось ценным вкладом в обширные фонды Киреевского. „Пушкин, — писал Киреевский в предисловии к одному из своих сборников, — доставил замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии“. Собрание Пушкин производил не только в Михайловском, но и в Болдине. В начатых (к сожалению незаконченных) статьях Пушкина о русских песнях обнаруживается тщательная изученность текстов и их тонкое понимание.

Пушкин долгое время был занят сказками, находя в них исключительную поэтическую прелесть:

„... Вечером слушаю сказки, — писал Пушкин брату в 1824 году, — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!“ Особое внимание Пушкина вызывали песни о Степане Разине, личность которого ему представлялась исключительно поэтической во всей русской истории. В народной поэзии Пушкин видел высочайшие качества поэтического искусства: „простоту, сжатость, соединенную с исключительною меткостью и точностью“.

В историческом прошлом России Пушкин особенно близко изучал моменты наиболее резко выраженных социальных конфликтов, и ему принадлежит заслуга осознания коренных противоречий существовавшего крепостнического неравенства с интересами многомиллионных масс

крестьянства. Проблему отношений между помещиками и крестьянами он считал центральной проблемой политической и общественной жизни своего времени. Вражда Пушкина к крепостной зависимости крестьянина всегда оставалась неизменной.

/

5

В условиях крепостнического рабства Пушкин мечтал о гражданской независимости и свободе; в обстановке светского снобизма, мертвых приличий и тайного злоискательства Пушкин горел порывами к гармонической полноте личности, к открытому и участливому общению человека с человеком; в дикой толпе жадного насилия, пресмыкательства и некультурной тупости. Пушкин стремился к радостям общественного понимания и созвучной разделенности гениального вдохновения; в атмосфере господствующего чванства и барской изолированности Пушкин порывался выйти навстречу к сближению с народными массами. Пушкин стал жертвою этих противоречий и погиб.

Но для нас ценен опыт этих противоречий. Полная, здоровая и счастливая жизнь возможна только при условии революционного уничтожения эксплуатации человека человеком, только в обстановке свободного коллектива.

„Только в коллективе получает индивид средства, дающие ему возможность всестороннего развития всех задатков и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода. В существовавших до сих пор суррогатах коллективности — в государстве и т. д. — личная свобода существовала только для индивидов, принадлежащих к господствующему классу, и только постольку, поскольку они были индивидами этого класса. Мнимая коллективность, в которую объединялись до сих пор индивиды, всегда противопоставляла себя им как нечто самостоятельное; а так как она была объединением одного класса против другого, то для подчиненного класса она представляла собою не только совершенно иллюзорную коллективность, но и новые оковы. При действительной коллективизации индивиды добиваются в своей ассоциации и с помощью этой ассоциации также и своей свободы“ (Маркс и Энгельс, Собр. сочинений, т. IV, стр. 65).

Пушкин не принадлежал к тем „подчиненным классам“, о которых здесь идет речь. Но в тех стремлениях, которые составляли его внутренний идеал и которые являлись содержанием его поэзии, Пушкин оказывался отщепенцем и страдал.

Внутренний опыт Пушкина, однако, для нас дорог не только как урок истории, но и как живая ценность, включающаяся в богатство социалистической культуры.

Социалистическое общество, — говорил товарищ Сталин в беседе с Рой Говардом, — „мы построили не для ущемления личной свободы, а для того, чтобы человеческая личность чувствовала себя действительно свободной. Мы построили его ради действительной личной

свободы, свободы без кавычек.. Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими..“

И вот теперь в нашей стране, где исчезли всякие основания ко всякой заносчивости в отношениях между людьми, когда все объединены взаимным уважением в обстановке общего труда для единой великой цели, когда подъем социалистической культуры дал Пушкину действительно-всемирное признание, когда слух о нем, как о великом поэте, проходит „по всей Руси великой“, когда его имя, действительно, называет „всяк сущий в ней язык“, — мы вовлекаем его лучшие тогда неосуществимые стремления, соединяем их с нашими великими целями в едином осуществлении и радостно принимаем его светлый призыв:

„Да здравствует солнце, да скроется тьма!“

Пушкин и декабристы

I

Владимир Ильич Ленин в статье о Льве Толстом писал:

„Если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях“ *.

Это указание гениального вождя мирового пролетариата является для нас руководящим и в изучении богатейшего литературного наследства великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Творчество поэта относится к тому времени, когда наиболее ярким выражением общественного движения тогдашней России было восстание декабристов. Это были годы напряженной борьбы дворянских революционеров (декабристов) и либеральной части дворянства против феодально-крепостнического строя. Эта борьба 20-х годов XIX века получила свое отражение и в художественной литературе и, прежде всего, в творчестве поэтов-декабристов — К. Ф. Рыльева, В. К. Кюхельбекера А. И. Одоевского и их общего друга — певца декабристов — великого Пушкина.

„В примере Пушкина мы имеем писателя, — говорит М. Горький, — который, будучи переполнен впечатлениями бытия, стремился отразить их в стихе и прозе с наибольшей правдивостью, с наибольшим реализмом, — чего и достигал с гениальным умением. Его произведения — драгоценное свидетельство умного, знающего и правдивого человека о нравах, обычаях, понятиях известной эпохи, — все они суть гениальные иллюстрации к русской истории“ **.

Сравнивая творчество А. С. Пушкина с произведениями лучших поэтов-декабристов (например, с поэзией К. Ф. Рыльева), можно сделать тот вывод, что, хотя великий поэт организационно не входил ни в одну из групп декабристов — в тайные противоправительственные общества, — все же творчество его выросло и созрело на той же самой основе, что и декабристское движение.

* Сочин. В. И. Ленина, 3-е изд., том XII, стр. 331.

** М. Горький. „О Пушкине“.

Это видно хотя бы из того, что идеи политических произведений великого поэта, идеи трагедии „Борис Годунов“ — этого замечательного образца пушкинского шекспиризма — очень близки основным идеям декабристов. И у Пушкина, и у вождей декабристов отношение к существовавшей действительности, взгляд на уклад общественной жизни, признание необходимости изменить феодально-крепостнический строй России — в основном, в главном были едины.

А. С. Пушкин в самых разнообразных формах и с присущей ему гениальной глубиной отразил в своих произведениях все основные стороны декабристской революции, ее противоречия. Произведения великого поэта явились фактором огромного влияния на развитие общественного движения тогдашней России. Многие декабристы на следствии давали показания о влиянии на формирование их сознания таких произведений Пушкина, как „Вольность“, „Кинжал“, эпиграмм на царя, Александра I и его душеприказчика — жандарма Аракчеева.

Политические стихотворения Пушкина, пользовавшиеся широкой известностью, в тысячах рукописных копий расходились по рукам среди либеральной молодежи и укрепляли оппозиционное настроение, „жгли глаголом сердца людей“, наполняли их ненавистью к самодержавию, к крепостничеству.

Вот как свидетельствуют о революционизирующем влиянии пушкинских стихов декабристы Пуцун, Якушкин и Штейнгель:

„Тогда везде ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его „Деревня“, „Ода на свободу“, „Ура в Россию скачет“ и др. Не было живого человека, который не знал бы его стихов“ (Пуцун).

„В то время не было ни одного сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал бы революционных стихов Пушкина наизусть“ (Якушкин).

„Кто из молодых людей не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободой!“ (Штейнгель).

Пушкин не был членом тайных обществ декабристов, он не участвовал ни в декабрьском восстании на Сенатской площади в Петербурге, ни в восстании Черниговского полка. Но его противоправительственные идеи, его революционные стихи были в памяти каждого участника этих восстаний и звали и на борьбу с самодержавием. Имя великого поэта навсегда связано с именами декабристов — лучших его друзей и братьев.

II

С детских лет Пушкин был настроен вольнодумно. Свободомыслию поэта способствовало раннее ознакомление с французскими писателями XVIII века, особенно чтение произведений знаменитого сатирика Вольтера (о котором Пушкин говорит в стихотворении „Городок“, что это „поэт в поэтах первый“, „всех больше перечитан, всех менее томит“).

В лицейские годы еще более растут „вольнлюбивые мечты“ поэта; развивается, правда, еще не четко, не оформленно политическое созна-

ние, которое уже тогда было оппозиционным феодально-крепостническому строю.

Впервые наиболее полно эта оппозиционность нашла выражение в стихотворении „Лицинию“. 16-летний поэт описывает падение древнего Рима, громит римского тирана — временщика, подчинившего своей власти ранее свободных граждан.

„Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!...
...Любимед деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит;...
...Где всё продажное: законы, правота,
И консул и трибун, и честь и красота?“

Поэт заканчивает стихотворение восклицанием:

„Свободой Рим возрос, а рабством погублен!“

В ярко нарисованной Пушкиным фигуре тирана представители либерального дворянства видели свирепого жандарма Аракчеева и его приспешников. В стихотворении „Лицинию“ Пушкин выражает охватившее тогдашнюю передовую дворянскую молодежь чувство глубокой ненависти к тиранам, к крепостному рабству и преклонение перед идеями, зовущими на борьбу за освобождение от ига самовластия.

„Вольнолюбивым мечтам“ Пушкин-либерал учился у будущих декабристов И. И. Пущина и В. К. Кюхельбекера. И эти „вольнолюбивые мечты“, с ростом политического сознания поэта, в недалеком будущем станут политическими идеями и стремлениями прогрессивной части русского помещичьего класса.

Как глубоко ненавидел Пушкин деспотизм и царских вельмож, видно из стихотворения Пушкина „Товарищам“, написанного перед выпуском из лицея в 1817 году.

Поэт зло высмеивает будущих вельмож царского двора:

„Другой, рожденный быть вельможей
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрет себя“.

В эти и особенно последующие годы Пушкин встает перед нами не учеником с гениальными задатками, а величайшим художником, автором целого ряда политических стихотворений, призывающих на борьбу с „самовластием“, с крепостническим гнетом.

Чтобы понять развитие творчества Пушкина, необходимо остановиться на анализе его политических стихов, на разборе его замечательных произведений „Вольность“, „Деревня“, „Кинжал“ и др.

Ровно за сто лет до Великой Октябрьской социалистической пролетарской революции, во второй половине 1817 года, Пушкин написал свою знаменитую „Оду на свободу“ — стихотворение „Вольность“. Как известно, ода „Вольность“ послужила одной из причин ссылки Пуш-

кина на юг России. В этом произведении четко звучит призыв к восстанию рабов, к тираноубийству.

В первых строках своей оды поэт гонит от себя „богиню наслаждения“ и призывает на помощь себе „грозу царей“ — „певицу Свободы“.

„Беги, сокройся от очей,
Цитеры * слабая дарица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венки,
Разбей изнеженную лиру —
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.“

Поэт видит всюду безрадостную жизнь, „неволи немощные слезы“, народ, страдающий под гнетом тиранов.

„Увы! Куда ни брошу взор,
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела—Рабства грозный Гений
И Славы-роковая страсть.“

Мы находим в оде „Вольность“ поистине пламенные, революционные строки:

„Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!“

Поэт обращается к власти имущим:

„Владыки! вам венец и трон
Дает Закон — а не Природа —
Стоите выше вы Народа,
Но вечный выше вас Закон.“

Пушкин полагал, что „законы“ выше всего, выше не только владык-царей, но и народа, что несоблюдение законов царями приводит их к таким последствиям, как казнь короля Людовика XVI во Франции, как убийство Павла I в России. Об этом поэт и упоминает в своем стихотворении.

Пушкин глубоко ненавидит самодержавие:

„Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле“.

* Цитера (или Афродита) — в религии древних греков богиня любви и красоты.

П. И. Пестель и К. Ф. Рылев.
Рисунки А. С. Пушкина, 1826 г.

Но, оставаясь на почве „Закона“ (что очень характерно для взглядов передовых людей той эпохи), Пушкин осуждает насильственный переворот, ошибочно думая, что все зло самовластия в невыполнении „Закона“. В последних строфах своей оды „Вольность“ он обращается к царям:

„Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой“.

Перед нами одна из характернейших черт противоречий пушкинской политической идеологии: с одной стороны, — глубокая ненависть к самодержавию, призыв рабов к восстанию во имя тираноубийства и, с другой стороны, — осуждение насильственного переворота.

Ода „Вольность“ отражала настроение правого фланга декабристов — членов „Северного общества“, и все же она имела огромное революционное значение.

19 апреля 1820 года Н. М. Карамзин писал о Пушкине:

„Над здешним поэтом Пушкиным если не туча, то по крайней мере облако, и громоносное: служа под знаменами либералов, он написал и распустил стихи на вольность, эпиграммы на властителей и пр. Это узнала полиция.“

Когда царю Александру I попали в руки эпиграммы Пушкина на жандарма Аракчеева и, особенно, когда царь прочитал „Оду на свободу“ — стихотворение „Вольность“ — он был так взбешен, что в первый момент намеревался приговорить Пушкина к расстрелу или, по

меньшей мере, немедленно заточить в монастырскую тюрьму на Соловках.

Как известно, Александр I, стремясь поскорее воссесть на царский трон, организовал убийство своего отца Павла, но везде и всюду официально сообщалось, что „император Павел умер скоропостижно от апоплексического удара“. Пушкин же в своей оде говорит об убийстве Павла совершенно открыто. Это, главным образом, и привело Александра I в неистовое озлобление. И только благодаря вмешательству таких близких к царю лиц, как Карамзин и Жуковский, ходатайствовавших перед царем о смягчении сурового приговора, Александр „смилоствился“, ограничившись ссылкой поэта на юг России.¹

Но и в ссылке поэт не перестает писать свои революционные стихи, призывая на борьбу против правительства „венценосного злодея“, против „ига самовластия“.

III

В 1818 году Пушкин написал послание „К Чаадаеву“, в котором ясно заявляет о необходимости решительной борьбы с самовластием.

„...Но в нас горят еще желанья,
Под гнетом власти роковой
Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванья.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,..."

Пушкин говорит о гражданском долге бороться против самодержавия, освободить родину, стонущую „под гнетом власти роковой.“ И первая мысль поэта — о своей многострадальной родине:

„Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы.“

Пушкин горячо верил в будущее счастье народов России, которые свергнут царизм, „воспрянут ото сна“ и заживут радостной жизнью.

„Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластия
Напишут наши имена!“ *

Эти пророческие слова великого поэта сбылись: достигнув „пленительного счастья“, многонациональный народ Советского Союза воздает должную славу и почесть бессмертному имени своего великого поэта.

Пушкин жил в эпоху самой разнузданной реакции, когда аракчеевщина душила всякую живую, свободолюбивую мысль. Господствовал

* Эти стихи Пушкина были впоследствии выгравированы на тайном значке декабристов, сосланных на каторгу в Сибирь,

феодално-крепостнический строй. Крепостное крестьянство стонало под игом помещиков. Декабристы и их певец Пушкин остро чувствовали необходимость внести какие-то изменения в существующий строй, но все их мысли сводились к одному: к отмене крепостного права и улучшению положения обездоленного крестьянства путем законодательного акта, путем реформы.

В стихотворении „Деревня“, написанном Пушкиным в июле 1819 года, ярко выражен протест против крепостничества:

„...Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.
Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство диков, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.“

Эта резкая критика крепостнического строя говорит о том, как здраво, трезво смотрел Пушкин на действительность, как ненавистен был ему господствующий строй. Но при всем этом у поэта, как и у других передовых дворян того времени, еще слышатся нотки доверия царю, вера в законодательные реформы.

„Увижу ль, о друзья, народ неугнетенной
И рабство, падшее по маню царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?“

Стихотворение „Деревня“ также было использовано декабристами с агитационной целью.

13 июля 1821 г., будучи в ссылке на юге, Пушкин написал свое знаменитое стихотворение „Кинжал“. Пушкина называли певцом „Кинжала“. Это стихотворение твердила вся свободолобивая молодежь. В огромном количестве списков ходило оно по рукам и зажигало сердца ненавистью к самодержавию, к крепостничеству.

В „Кинжале“ воспевается немецкий студент Занд, убивший реакционера и шпиона Коцебу. Занд был казнен.

„Как адский луч, как молния богов,
Немое лезвие злодею в очи блещет,
И озираясь он трепещет,
Среди своих пиров“.

Пушкин поет восторженный гимн террористу Занду:

„Свободы мученик, избранник роковой,
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой
Остался глас в казенном праге.“

В твоей Германии ты вечной тенью стал,
Грозя бедой преступной силе —
И на торжественной могиле
Горит без надписи кинжал“.

Характерна оценка „Кинжала“ самим автором. В письме Жуковскому летом 1825 года Пушкин говорит: „Вяземский пишет мне, что друзья мои в отношении властей изверились во мне: напрасно. Я обещал Н. М. Карамзину два года не писать противу правительства — и не писал. „Кинжал“ не против правительства писан, и хоть стихи и не совсем чисты в отношении слога, но намерение в них безгрешно“. Излишне говорить, что стихотворение „Кинжал“ было воспринято, — и это правильно, — именно как стихотворение, направленное против самодержавия и также было использовано декабристами в их политических целях.

IV

Почему же противоречива классовая позиция Пушкина, почему, наряду с пламенно-революционными строками, у него проглядывает доверие к закону?

Эта противоречивость исходит из существа классовых позиций буржуазно-либеральной части дворянства, сыном которой был Пушкин. Свергнуть „иго самовластия“, бороться даже за конституционную монархию, за дворянско-буржуазное уничтожение крепостного права можно было только опираясь на силу восстания народной массы. А этого-то дворяне-революционеры и боялись, понимая, что развязывание сил народной революции угрожает существованию всего помещичьего класса, как феодально-реакционной его части, так и буржуазно-либеральной.

Но эта последняя ясно представляла себе, что крепостной, полуфеодальный порядок в России уже изжил себя, что он оковами сжимает страну, втягивавшуюся все более и более в торговый оборот с западными капиталистическими странами и стоящую на пути капиталистического развития. Производительные силы страны все более развивались и требовали себе простора, но производственные отношения становились тормозом на пути развития производительных сил. Передовое дворянство учитывало эту обстановку в России и стремилось к развязке скованных самодержавно-крепостническим строем производительных сил, к установлению такого порядка, при котором оно могло бы управлять страной не через самодержавного царя, а непосредственно через своих депутатов. В этих целях оно готово было пойти на отмену крепостного права, чтобы путем законодательного акта закрепить за собою все земли, находящиеся в распоряжении помещиков, отобрать последние клочки земли у крестьян, превратить последних в батраков и, пользуясь их даровым трудом, еще больше увеличить свои доходы и власть. Эту реформу передовое дворянство мечтало осуществить еще в первые годы царствования Александра I; но царь дальше слов о необходимости произвести конституционные реформы не

шел и представлял дело ограничения своей власти непопулярной забавой „вольнодумцев“.

Передовое дворянство, — представителями которого были вожди декабристов, — не могло, вследствие этого, не быть настроенным противоправительственно. Начали организовываться тайные общества, которые постепенно приходили к мысли о необходимости осуществить свои планы нового государственного устройства революционным путем. Как известно, эти попытки привели к восстанию на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. Отсюда название участников восстания — декабристы.

Пушкин жил в атмосфере противоправительственного заговора, подозревал существование тайных организаций в России, готовящих преобразование самодержавного строя, страстно мечтал быть членом такой организации, но, к счастью для него и потомства, это по целому ряду причин не осуществилось.

Преобразовательные планы декабристов были изложены наиболее полно в двух замечательных произведениях: в „Конституции“ Никиты Муравьева („Северное тайное общество“) и в „Рабочей Правде“ Павла Пестеля („Южное тайное общество“).

Вспомним „Конституцию“ Никиты Муравьева, тактику „диктатора“ восстания декабристов — князя Трубецкого, и нам станет ясно, что классовая сущность противоречивости первых политических стихов Пушкина та же, что и классовая сущность противоречий идеологии и революционной тактики вождей „Северного общества“.

В самом деле, чего хотел Никита Муравьев, когда предлагал „освободить“ крестьян без земли, когда говорил, что „земли помещиков остаются за ними“, „дома поселян с огородами оных признаются их собственностью со всеми земледельческими орудиями и скотом, им принадлежащим“.

Безземельное „освобождение“ крестьян, сохранение помещичьих латифундий — что это, как не создание условий для капиталистического развития помещичьего хозяйства, замена внеэкономического принуждения экономическим превращением крепостного крестьянина в батрака?

Подобное решение земельного вопроса, идеи конституционной монархии, характерные для Никиты Муравьева и „Северного общества“, идеи недопущения крестьян к выборам управления страной определяют и тактику Трубецкого — диктатора восстания 14 декабря 1825 года.

Трубецкой думал произвести переворот без кровопролития, отсюда трагическая картина восстания — этого „бунта на коленях“. Противоречивость „бунта на коленях“ и противоречивость пушкинской „Вольности“ и „Кинжала“ вырастают на одной основе — двойственной позиции капитализирующейся части русского помещичьего класса. Группа эта еще не настолько экономически и политически сильна, чтобы бороться с феодально-крепостническим строем, используя при этом силу народной революции. Она глубоко ненавидит строй феодальной

монархии, оковами сжимающий развитие страны, но, в силу классовой своей сущности, страшится подлинной революции, — революции народных масс.

V

Находясь в ссылке в Кишиневе в 1820—1823 гг., Пушкин не приостанавливает свою литературную деятельность. Здесь он заканчивает ранее начатые поэмы — „Кавказский пленник“, „Бахчисарайский фонтан“, написал „Братья разбойники“, атеистическую поэму „Гаврилада“ и много лирических стихов.

Кишиневский период со всей яркостью говорит о той огромной работе, которую был занят поэт, воплощая в замечательных произведениях свои революционные идеи. Развивались они под сильным воздействием членов „Южного общества“ декабристов и носили более определенный характер. Об этом свидетельствуют написанные в Кишиневе в 1822 г. „Исторические замечания“, где красной нитью проходит мысль поэта о том, что в России „политическая свобода неразлучна с освобождением крестьян“.

На многих рукописях 1821—1822 гг. поэт набрасывает целый ряд рисунков, изображающих фригийские революционные шапки, силуэты Марата, Занда и др.

Из политической лирики глубоко интересны: стихотворение, посвященное греческому восстанию и послание В. Л. Давыдову — декабристу „Южного общества“.

Пушкин напряженно следил за освободительным движением в Греции и приветствовал восстание следующими стихами:

„Встань, о Греция, встань!
 Не даром напрягаешь силы...

 Страна героев и богов,
 Рассторгни рабские вериги“.

Также живо интересовался Пушкин революционными событиями в Испании и в Италии.

В послании к В. Л. Давыдову, написанном в апреле 1821 года, читаем:

„Ужель надежды луч исчез?
 Но нет, мы счастьем насладимся,
 Кровавой чашей причастимся...“

Движение в Испании и Италии не имело успеха, отсюда у поэта вырывается восклицание: „Ужель надежды луч исчез?“

Но заключительные строки послания выражают уверенность в революции в России...

Огромное революционизирующее значение имели также эпиграммы Пушкина о царях, в большом количестве списков распространявшиеся среди либеральной молодежи.

Вот, например, „Эпиграммы о царях“, приписываемые Пушкину:

„Народ мы русский позабавим
И у позорного стола
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим“.

В одном из документов III отделения о Пушкине говорится, что поэт, узнав о смерти царя Александра I, „изрыгнул следующие адские слова“: „наконец не стало тирана, да и оставшийся род его недолго в живых останется.“

О том, как страшен был Пушкин III отделению, его агентам и всему реакционному дворянству, говорит тот же документ III отделения:

„Мысли и дух Пушкина бессмертны; его не станет в сем мире, но дух, им посеянный, навсегда останется, и последствия мысли его непременно поздно или рано произведут желаемое действие.“

Годы, проведенные Пушкиным в Кишиневе, были годами огромного роста его политического самосознания, которое определялось все отчетливее под революционным воздействием таких активных членов „Южного тайного общества“, как поэт Владимир Раевский, В. Л. Давыдов, Охотников, и деятелей греческого восстания—братьев Ипсиланти.

Весной 1821 года поэт встретился в Кишиневе и с Павлом Ивановичем Пестелем—идеологом и вождем „Южного общества“. Эта встреча произвела на Пушкина сильное впечатление, и в его дневнике от 9 апреля мы читаем:

„Утро провел с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова... Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...“

В ссылке в Кишиневе политический изгнанник Пушкин, „не стесняясь, высказался в присутствии большого общества о самых животрепещущих вопросах того времени“.

И все прогрессивное общество ждало от Пушкина „новых слов, новых идей, новых творений. Споры, все углубляясь, нередко касались самых коренных вопросов общественной жизни России того времени. И здесь Пушкин высказывал самые передовые взгляды своей эпохи, всецело примыкая к идеям декабристов, со многими из которых он так сильно дружил“. *

VI

14 (26) декабря 1825 года несколько полков с оружием в руках, под командой офицеров, вышли на Сенатскую площадь в Петербурге и восстали против царского самодержавия. Но это восстание было в тот же день разгромлено царскими войсками.

Пять главных вождей дворянских революционеров были приговорены царем к казни через повешение. 13 июля 1826 года казнены: Павел

* Газета „Правда“ от 11 декабря 1936 г.

Иванович Пестель, Кондратий Федорович Рылеев, Сергей Иванович Муравьев-Апостол, Петр Григорьевич Каховский и Михаил Павлович Бестужев-Рюмин. Сто двадцать человек было сослано на каторжные работы в рудники далекой Сибири, некоторые разжалованы в солдаты.

По этому поводу в „Эпиграммах на Николая I“, авторство которых приписывается А. С. Пушкину, имеются следующие строки:

„Едва дарем он стал,
И разом начудесил:
Сто двадцать человек тотчас в Сибирь сослал,
Да пятерых повесил“.

О дне восстания декабристов Пушкин не знал, находясь в это время в ссылке в селе Михайловском, бывшей Псковской губернии. Но он предугадывал надвигающиеся события, и все дни, предшествующие восстанию, был в состоянии крайней взволнованности. Да и как мог поэт не волноваться? Ведь он был, несомненно, одним из вдохновителей декабристского движения. Царь знал об этом через многочисленные донесения своих шпииков и очень опасался как бы Пушкин, потрясенный казнью декабристов, не выступил с новыми революционными призывами.

Недаром Николай, в страхе перед возможностью новых революционных выступлений, послал в село Михайловское фельдъегеря с приказом немедленно доставить к нему Пушкина.

Когда поэт был приведен к императору, последний спросил его: „Приняли ли бы вы участие в 14-м декабря, если бы были в Петербурге?“

Пушкин, с присущей ему смелостью, ответил: „Непременно, государь. Все друзья мои были в заговоре, и я не мог бы не участвовать в нем“.

Поэт чрезвычайно болезненно ощущал потерю своих друзей-декабристов и с чувством глубокой скорби ежечасно вспоминал о них.

В августе 1826 года он пишет Вяземскому: „Повешенные повешены, но каторга ста двадцати братьев, товарищей, друзей — ужасна...“

Опасаясь ареста и обыска и, особенно, опасаясь того, чтобы в его бумагах не нашли какие-либо указания на товарищей, Пушкин уничтожил свои дневники и записки.

В 1826 году Пушкин писал по этому поводу:

„В 1821 году начал я биографию и несколько лет сряду занимался ею. В конце 1825 года, при открытии несчастного заговора, я принужден был сжечь свои тетради, которые могли замешать многих, а может быть и умножить число жертв. Не могу не сожалеть об их потере, они были бы любопытны. Я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, со всей откровенностью дружбы или короткого знакомства...“

Что великий поэт всегда помнил о декабристах—свидетельствует тот факт, что на одной из рукописей Пушкин набросал шифрованную стро-

ку, содержащую следующие таинственные буквы: „У. о. с. Р. П. Б. М. К. 25“. Это, несомненно, обозначает:

„Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Бестужева, Муравьева, Каховского, 25-го числа“.

В той же тетради Пушкин взволнованно набрасывает рисунок: ворота, крепостной вал, на валу виселица и пять повешенных на ней. Тот же набросок внизу страницы. Вверху рисунка начата незаконченная фраза: „И я бы мог, как шут на...“ Несколько ниже вновь написано: „И я бы мог...“

В середине 1825 года Пушкин написал стихотворение „Андрей Шенье“, посвященное другу поэта—декабристу Н. Н. Раевскому. Этому стихотворению великий поэт предпосылает весьма характерный эпиграф:

„Но хоть и был я печальным пленником, все же моя лира пробуждалась“.

В уста поэта французской буржуазной революции Андре Шенье Пушкин вкладывает свои сокровенные мысли. В стихотворении звучит тот же боевой революционный гимн,—гимн борьбе и свободе. Поэт Андре Шенье приговорен к казни. Утром следующего дня эта казнь совершится, но „лира юного певца... поет... свободу: не изменилась до конца!“ Поэт остался верен своим идеям.

Андре Шенье славит „священный гром“ революции, ибо

„... он разметал поворную твердыню
И власти древнюю гордыню
Развеял пеплом и стыдом“.

Поэт Шенье, как непосредственный участник французской революции, видел гражданскую отвагу своих товарищей—сынов революции,

„...слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластия бестрепетный ответ“.

Он видел, как

„От пелены предрассуждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали“...

Шенье твердо уверяет, что казнь его неотвратима, что завтра он умрет, но, обращаясь к самому себе, говорит:

„Гордись и радуйся, поэт:
Ты не поник главой послушной
Перед позором наших лет:
Ты презрел мощного злодея;
Твой светоч, грозно пламенея,
Жестоким блеском озарил
Совет правителей бесславных;
Твой бич настигнул их, казнил
Сих, палачей самодержавных;...“

И снова, сквозь эти гневные строки, слышится гимн свободе, светлый образ которой неотступно стоит перед глазами поэта:

„Но ты, священная свобода,
 Богиня чистая, нет, — не виновна ты,
 В порывах буйной слепоты,
 В презренном бешенстве народа,
 Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
 Завешен пеленой кровавой:
 Но ты придешь опять со мщением и славой, —
 И вновь твои враги падут...“
 „Падешь, тиран! Негодованье
 Воспрянет наконец“.

Стихотворение „Андрей Шенье“ не было напечатано при жизни Пушкина полностью: весь монолог Шенье был цензурой выброшен, но стихи знала вся свободомыслящая молодежь. После декабрьского восстания стихи в целом ряде списков ходили под заголовком „На 14 декабря“. В сентябре 1826 г., после обнаружения этих стихов Пушкина у прапорщика Молчанова, началось большое политическое дело, к которому был привлечен и автор. На допросе, в январе 1827 г., Пушкин заявил, что его стихи не имеют никакого отношения к событиям 14 декабря 1825 г.: „стихи, известные под заглавием „14 декабря“, — суть отрывок из элегии, названной мною „Андрей Шенье...“ „Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы, не могут относиться к 14 декабря“.

„Дело“ длилось около двух лет и закончилось тем, что за Пушкиным был установлен еще более строгий секретный полицейский надзор.

В письмах к друзьям Вяземскому и Плетневу до и после декабрьского восстания Пушкин неоднократно упоминает о французском поэте Андре Шенье. Образ поэта близок ему. Он недвусмысленно сближает свою судьбу с судьбой французского поэта и как бы утверждает этим свое политическое и поэтическое сгедо.

В письме к П. Плетневу, в первой половине декабря 1825 г., предчувствуя надвигающиеся события, Пушкин пишет:

„Душа! Я пророк, ей-богу, пророк! Я Андрея Ш. велю напечатать церковными буквами во имя От(ца) и Сы(на)“.

А в 1826 г., после декабрьского восстания, в письме к Вяземскому говорит о себе: „щастливее, чем Андр. Шенье — я заживо слышу голос вдохновенья.“

VII

Мысль о декабристах не оставляет Пушкина до самых последних дней его жизни. Эта мысль отражена и в письмах (к Вяземскому и др.) и в отдельных произведениях (послание „В Сибирь“, десятая глава „Евгения Онегина“), и в рисунках поэта, и в отдельных пометках на полях рукописей.

Пушкин постоянно думал о судьбе сосланных на каторгу в Сибирь. В январе 1827 г. Пушкин написал свое знаменитое послание „В Си-

бирь“, переданное декабристам в Сибири через А. Г. Муравьеву, ехавшую к мужу—декабристу Никите Муравьеву, сосланному на каторгу. Посылая свой стихотворный привет, Пушкин рисковал, конечно, очень многим, так как всякое сношение с декабристами каралось со всей суровостью.

В своем послании Пушкин говорит о „гордом терпении“ сибирских мучеников, выражает им свою любовь и преданность, надеется на то, что они будут свободны, снова будут вести борьбу с самодержавием, когда „темницы рухнут“ и „оковы тяжкие падут“, снова в их руках окажется меч, чтобы нанести окончательный удар самовластию.

„Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.
Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит радость и веселье.
Придет желанная пора.
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут“.

Эти строки, писавшиеся в дни самой ожесточенной николаевской реакции, лишний раз подчеркивают, какое огромное самообладание и мужество имел тогда Пушкин, как здраво смотрел он на действительность, как верен был он идеям декабристов.

Получив послание „В Сибирь“, декабристы были чрезвычайно обрадованы, что их „бард*“, — как называли они своего певца Пушкина, — помнит о них, верен им. В своем замечательном стихотворном ответе Пушкину, написанном в том же году одним из сосланных в Сибирь (предполагают, что ответ написал А. И. Одоевский, хотя авторство его оспаривается), декабристы выражают свою любовь к великому поэту. Они говорят о том, что „скорбный труд не пропадет: из искры возгорится пламя“, что они „скуют мечи из цепей“ и „грянут на царей“.

„Струн веших пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
Но лишь оковы обрели.
Но будь спокоен, бард,* цепями,
Своей судьбой гордитесь мы
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.“

* Бард — народный певец, пост-импровизатор.

Наш скорбный труд не пропадет:
 Из искры возгорится пламя. *
 И просвещенный наш народ
 Сберется под святое знамя.
 Мечи скуем мы из цепей
 И вновь зажжем огонь свободы,
 И с нею грянем на царей—
 И радостно вздохнут народы“.

В том же 1827 году Пушкин пишет иносказательное стихотворение „Арион“, в котором символически изображает своих друзей—декабристов, говорит об их гибели и случайном своем спасении. Таким образом, поэт не отделяет, не отрывает себя от декабристов.

Содержание „Ариона“ как будто „невинное“, придаться к нему царская цензура не могла. Само название стихотворения взято из древне-греческого мифа о певце Арионе, который во время кораблекрушения был сброшен морскими пиратами в море, но спасся на спине дельфина.

Пушкин подразумевал в „пловцах“, потерпевших „кораблекрушение“, — декабристов, а под Арионом себя, избежавшего трагической участи (каторги и виселицы).

Уцелев от „кораблекрушения“, поэт видит свой священный долг гражданина-революционера в продолжении дела декабристов и поет „прежние гимны“ свободе и борьбе с самовластием.

„Пловцам я пел... Вдруг лоно волн
 Измял с налету вихорь шумный...
 Погиб и кормщик и пловец!
 Лишь я, таинственный певец,
 На берег выброшен грозою,
 Я гимны прежние пою...“

В лицейскую годовщину 19 октября 1827 г. Пушкин снова вспоминает о декабристах:

„Бог помочь вам, друзья мои,
 И в бурях, и в житейском горе,
 В краю чужом, в пустынном море
 И в мрачных пропастях земли“.

VIII

Пушкину, как уже сказано, приходилось прибегать к иносказаниям так как говорить открыто о декабристах, о борьбе с самодержавием было невозможно.

9 ноября 1828 г. Пушкиным написано второе иносказательное стихотворение „Анчар“, в котором изображается „древо яда“, одиноко растущее в пустыне. Это замечательное произведение звучит тем же пламенным протестом против самодержавия, что и „Вольность“, и „Кинжал“ и другие политические стихи Пушкина.

* Эти слова были взяты девизом для заграничной социал-демократической газеты „Искра“, первый номер которой вышел в декабре 1900 года.

Анчар — дерево яда. К нему и „птица не летит“ и „тигр нейдет“, все его чуждаются. Но вот яд потребовался какому-то владыке, и...

...человека человек
 Послал к анчару властным взглядом:
 И тот послушно в путь потек,
 И к утру возвратился с ядом,
 Принес он смертную смолу
 Да ветвь с увядшими листьями,
 И пот по бледному челу
 Струился холодными ручьями;
 Принес — и ослабел и лег
 Под сводом шалаша на лыки,
 И умер бедный раб у ног
 Непобедимого владыки.
 А князь тем ядом напитал
 Свои послушавые стрелы
 И с ними гибель разослал
 К соседям в чуждые пределы.“

Тяжело чувствовал себя великий поэт среди чуждой, враждебной ему великосветской среды, которую он не раз называл „чернью“. Это было общество николаевских лизоблюдов, мелких интриганов, пошлых и ничтожных людишек. Всю эту реакционную великосветскую чернь поэт ненавидел так глубоко, как только мог ненавидеть он, Пушкин. Эти людишки старались опутать поэта сетями гадких сплетен, травили его, издевались, подобно Булгарину, над ним, встречали „в штыки“ каждое вольнолюбивое слово.!

Полицейский надзор, произвол царских следственных властей, непрекращающиеся уколы подлых николаевских лизоблюдов — все это наводило Пушкина на грустные размышления. И в эти годы, и особенно в 30-е годы, чаще слышатся у поэта мотивы грусти, одиночества.

Поэта мучают тяжелые предчувствия. Он не видит проблеска впереди, там готовятся ему новые преследования, гонения, страдания.

Вот почему в стихотворении „Предчувствие“ (1828 г.) он пишет:

„Снова тучи надо мною
 Собрались в тучине;
 Рок завистливый бедою
 Угрожает снова мне...
 Сохраню ль к судьбе презренье?
 Понесу ль навстречу ей
 Непреклонность и терпенье
 Гордой юности моей?“

Тотчас же после возвращения с Кавказа в Москву, под живым впечатлением своей поездки в Арзрум (Эрзерум), 20 сентября 1829 года, Пушкин написал стихотворение „Кавказ“

Жизнь народностей Кавказа сильно интересовала поэта. Он видел, какой гнет испытывали горцы под самодержавной властью царских чиновников. В своем политическом стихотворении „Кавказ“ Пушкин и хотел

отобразить кипучую жизнь кавказских народностей, их борьбу за свое освобождение. „Кавказ“ и был задуман как стихотворение политическое, а не лирическое, каким обычно его считают. Что это было именно так—свидетельствуют следующие строки в черновиках великого поэта. Под бурным Терекон, рвущимся на простор из горных ущелий,— подразумеваются горные племена Кавказа. В черновике после слов:

„Вотще! Нет ни пищи ему, ни отрады,
Теснят его грозно немые громады“

мы читаем прекрасное четверостишие:

„Так буйную вольность Законы теснят,
Так дикое племя под Властью тоскует,
Так ныне безмольный Кавказ негодует,
Так чуждые силы его тяготят“.

Эти строки чрезвычайно ярко изображают тяжелое состояние народностей Кавказа, потерявших свою свободу и независимость и находящихся под пятой русского самодержавия. Именно это негодование горских племен, эту печальную участь поработанного Кавказа и отобразил Пушкин в своем замечательном произведении.

Мотивы „вольности“ не исчезают у поэта до самого трагического конца его жизни. Он так же резко обличает правящие круги, так же глубоко ненавидит самодержавный, феодально-крепостнический строй. До самых последних дней жизни он лелеял мысль об изменении социально-политического порядка в России, о необходимости скорейшей отмены крепостного права. Он ждал великих перемен, о чем совершенно четко заявлял в своих письмах: „избави меня, боже, быть проповедником и поборником рабства. Конечно, должны еще произойти великие перемены“.

В этих словах ясен намек на необходимость отмены крепостного права и изменение самодержавного строя.

IX

В 1830 году Пушкиным была написана и сожжена десятая политическая глава „Евгения Онегина“. Уцелевшие стихи из этой главы говорят о неразрывном идейном единстве Пушкина и декабристов.

Белинский, как известно, назвал роман „Евгений Онегин“ „энциклопедией русской жизни“.

„Евгений Онегин“—это, по словам Белинского,—поэтически воспроизведенная картина русского общества, взятого в одном из интереснейших моментов его развития... В ней Пушкин является не просто поэтом только, но и представителем впервые пробудившегося общественного самосознания“.*

Герой романа Евгений Онегин возвращается в той же среде, что и сам поэт. Он живет среди свободомыслящих людей, в обстановке, в

* Собр. соч. Белинского, т. XII, стр. 74.

которой создавались тайные кружки и вырабатывались идеалы декабристов и самого Пушкина. Как и Пушкин, Онегин ненавидит деспотизм. Однако, в силу своего необузданного характера, своей разочарованности и праздного образа жизни, герой романа не был способен на сколько-нибудь серьезное общественное дело. Впрочем, были некоторые проблески: приехав в свою деревню, Онегин

„Ярем барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил“

В десятой главе поэт замышлял ввести Онегина в общество декабристов.

Это целиком совпадало с первоначальным планом романа, по которому Онегин должен был „или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов“.

Во время пребывания в Болдино, Нижегородской губернии, 19 октября 1830 года поэт сжег последнюю главу; сохранились лишь незначительные отрывки (первые четверостишия), записанные шифром и разбросанные в беспорядке, что Пушкиным было сделано, видимо, нарочито.

В этих расшифрованных несколько лет назад отрывках дается описание событий после наполеоновской войны и начала декабристского движения.

В первых же строках этой главы снова мы находим весьма нелестные отзывы о царе:

I

„Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда“.

II

„Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра“.

Поэт рисует обстановку, сложившуюся в России в наполеоновскую войну 1812 года. Он дает оценку этой войне и Александру I,—оценку, схожую с мыслями в „сказках“. (поёт) 1818 г.

III

„Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай *, зима иль русский_бог?“

* Барклай-де-Толли—командующий русскими армиями в 1812 году.

IV

„Но бог помог — стал ропот ниже,
И скоро, силою вещей,
Мы очутились в Париже,
А русский царь главой царей“.

.....

XII

„Россия присмирела снова,
И пуще царь пошел кутить,
Но искра пламени иного
Уже издавна, может быть“,

.....

Пушкин говорит далее о подготовке декабрьского восстания:

XIII

„У них * свои бывали сходки...“

.....

XIV

„Витийством резким знамениты,
Сбирался члены сей семьи
У беспокойного Никиты ¹,
У осторожного Ильи ²

.....

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Луини ³ дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал:
Читал свои новли ** Пушкин,
Меланхолический Якушкин ⁴
Казалось, молча обнажал
Царевбийственный книжал,
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев ⁵ им внимал
И плети рабства неавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян“.

Даем отдельные отрывки из „сказок“ ¹

„Ура! В Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
А с ним и весь народ!..“

* декабристов.

¹ Никита Муравьев—декабрист.

² Илья Долгорукий—декабрист.

³ Луини—декабрист.

⁴ Якушкин—декабрист.

⁵ Н. И. Тургенев—декабрист.

** Новли—„Сказки“ — „Ура, в Россию скачет“, написанные Пушкиным в 1818 г.

А. А. Дедьвиг.

„Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука — русский царь!...“
„Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!“

Noël (Нозель)—песенка, шуточное стихотворение, часто встречавшееся у французских поэтов. Пушкин под словами „кочующий деспот“ имеет в виду царя Александра I.

Х

А. И. Герцен в письме к царю Александру II очень ярко охарактеризовал годы царствования Николая Палкина. В своем письме Герцен говорит: „С того часа, когда император Николай вечером 14 декабря (1825 г.) взшел на лестницу Зимнего дворца... Россия попятилась и вошла в холодный, неприветливый коридор, в длинный, „мрачный туннель“... Император Николай увидел, что с образованием больше итти нельзя, не утратив доли деспотического произвола, и отрекся от него, т. е. не от деспотизма, а от образования“.

Всюду Николай Палкин видел грозный призрак революции и все более и более усиливал гнет. В тисках жандармов и III отделения задыхались и гибли лучшие люди страны. Вешатель декабристов царь и жандармы были причиной гибели великого поэта.

Николай принимал всяческие меры, чтобы сделать из Пушкина придворного поэта, царь прибегал к лести, к всевозможным хитростям и полицейским слежкам.

Но темная ночь николаевской реакции не могла затмить „солнца русской поэзии“, гениального певца декабристского движения. Пушкин не изменил декабристам, не стал певцом царя Николая. Он никогда не был и не мог стать лакеем самодержавия.

Отданный под надзор жандармов, на „великую муку“ шефу жандармов Бенкендорфу, связанный тройной цензурой—царя, третьего отделения и цензора, Пушкин даже в те годы, когда каждое неосторожное слово или „дурно скрытая слеза“ участия к декабристам грозила вечной каторгой, в тщательно замаскированной форме продолжал резко критиковать феодально-крепостнический строй. Условия политической реакции наложили неизгладимую печать на творчество Пушкина, но освободительного духа не могли вытравить. До конца дней своих великий поэт остался верен своим вольнолюбивым мечтам, остался верен своим друзьям и братьям—декабристам, как не раз он называл их.

Пророчески угадывая суд потомства, Пушкин говорил в своем предсмертном стихотворении „Памятник“:

„И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу,
И милость к падшим призывал“.

Пушкин перерос своих современников на целое столетие. К нашей радостной сталинской эпохе он неизмеримо ближе, чем декабристы. Даже в ту далекую, глухую пору у великого поэта была мечта о тех счастливых днях, „когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся“.

Оттого и был так ненавистен всему реакционному дворянству, во главе с ярким крепостником-царем и его жандармами, этот смелый сильный, независимый певец Пушкин, владеющий острым словом своей гениальной поэзии.

Потому-то непрекращающаяся полицейская слежка, постоянные ссылки, чудовищная травля и преследовали великого поэта в течение всей его недолгой жизни. Потому-то так подло, гнусно, так предательски и расправился с ним царь и его душеприказчики, направив в поэта выстрел царского агента-убийцы Дантеса.

Поэзия Пушкина—непревзойденное мастерство по ее глубине, красоте, яркости, выразительности и простоте, делающей все произведения великого поэта доступными пониманию широчайших масс трудящихся.

Гениальный критик В. Г. Белинский писал о Пушкине:

„Ни один из русских поэтов не может быть столько, как Пушкин, воспитателем юношества, образователем юного чувства. Поэзия его чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, прозрачно-идеального; она вся проникнута насквозь действительностью; она не кладет на лицо жизни белил и румян, но показывает ее в естественной, истинной красоте“. *

Пушкин по праву считается великим русским национальным поэтом. Его гениальные художественные произведения обогатили все человечество.

Пушкин является подлинным родоначальником, создателем русского литературного языка, и им совершенно справедливо гордится наш многонациональный Советский Союз.

„Поэты до Пушкина совершенно не знали народа, не интересовались его судьбой, редко писали о нем“,—говорит М. Горький.

„...Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая—в угоду государственной идее „народности“—лицемерным тенденциям придворных поэтов—он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу“. (М. Горький. „О Пушкине“).

Пушкин знал силу, интернациональный характер своей пламенной поэзии, знал, что она нужна, как воздух, не одному только русскому народу, но и другим нациям, борющимся за свое освобождение, за свою независимость. Пушкину дороги были все национальности.

* Соч. Белинского, т. XI, стр. 345.

И он с гордостью говорит об этом интернациональном значении своей поэзии в стихотворении „Памятник“, как бы подытоживая жизненный путь:

„Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык“.

Пророчество Пушкина сбылось. Нет ни одного уголка в нашей многонациональной великой стране, где бы не знали о Пушкине, где не читали бы его гениальных произведений.

Все народы нашего необъятного Советского Союза любят великого поэта. Потому-то пушкинский юбилей,—стоletняя годовщина со дня трагической гибели поэта—и является праздником всех национальностей страны Советов.

„Поэтический облик Пушкина раскрывается перед народами советской страны как раз в такое время, когда в Сталинской Конституции рукой гениального мыслителя и борца товарища Сталина записаны мысли, чувства, мечты лучших сынов народа, как уже завоеванные рабочим классом и трудящимся крестьянством победы. С вниманием и любовью оглядывается народ-хозяин на свое прошлое. Открываются ему памятники его борьбы, жизни, творчества с древнейших времен.

Может ли быть неблагодарен народ-победитель своему великому певцу, гениальному поэту, который в пленительных стихах воспел страну, живыми красками изобразил народные характеры, пробудил симпатии к вождям крестьянских восстаний, открыл богатства русской речи? Нет, любовь к своей родине, любовь к славному прошлому своего народа неразрывно связана с любовью к русской литературе, с любовью к Пушкину“.

(„Правда“, 5/1 1937 г.).

Только Великая Октябрьская социалистическая пролетарская революция впервые создала Пушкину действительную народную славу великого русского поэта.

В солнечные, радостные дни великой сталинской эпохи, когда наш многонациональный Советский Союз живет новым сталинским законом—самой демократической в мире Конституцией,—когда гений великого СТАЛИНА ведет нас к новым, неизведанным вершинам человеческого счастья—любовь к литературе, к искусству неотделима от творческой, полной страсти и радостного увлечения, жизни народов СССР.

И в этой счастливой, радостной жизни всегда будет памятен и глубоко почитаем создатель русского литературного языка, „родоначальник художественной литературы, смелый борец с самодержавием, пламенный певец революционеров-декабристов—великий Пушкин!

Фольклор в творчестве Пушкина

Пушкин выступает на литературной сцене впервые в 1814 г. как автор типичных для дворянской литературы 10-х годов „посланий“. Но очень скоро молодому поэту становятся тесны рамки этой салонной поэзии, и первое большое произведение Пушкина, сразу выдвинувшее его, как крупную литературную фигуру, знаменует переход на несколько иные позиции. Правда, Пушкин формально еще не порывает с литературными традициями карамзинистов. В своем посвящении к „Руслану и Людмиле“ Пушкин обращается к „красавицам“, т. е. традиционным „милым дамам“ — дворянским читательницам, на которых ориентируются поэты карамзинской школы:

„Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шепот старины болтливой,
Рукою верной я писал;“

Но это обращение только дань традиции. В самой поэме уже много нового, противоречащего литературным канонам салонной поэзии.

Как известно, первая поэма Пушкина вызвала резкую критику ревнителей старины. Это возмущение объяснялось вовсе не обращением поэта к русскому народному эпосу, потому что в „Руслане и Людмиле“ этот элемент едва намечен. Не случайно в поэме Пушкина вместо колдунов и ведьм фигурируют волшебники и волшебницы, а наряду с витязями — рыцари. Использование пришедшего и приглаженного народного эпоса в таком декоративном плане, как это сделано Пушкиным в его юношеской поэме, не было совершенной новостью в дворянской литературе конца XVIII и начала XIX века. В этом у Пушкина были предшественники в виде Львова, Радищева и Карамзина с их причесанными французскими парикмахерами „дарь-девидами“ и „Добрынями“, которые могли бы сделать честь любой дворянской гостиной. „Плоские шутки старины“ критика усмотрела в „мужидких“ рифмах поэмы, в ее „простонародности“, „в грубости“.

Иными словами, уже в своей первой поэме Пушкин стремится выйти из рамок узко-салонной поэзии, освободиться от жеманного языка гостиных.

Дальнейшее творческое развитие поэта идет именно по пути этого освобождения от „салонности“. В этом отношении очень интересно такое высказывание Пушкина в письме к А. А. Бестужеву (№ 57. Письма. Т. I. 13 июня 1923 г.) по поводу „Братьев-разбойников“: „Если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц Пол. зв., то напечатай его. Впрочем чего бояться читательниц! их нет и не будет — на русской земле, да и жалеть не о чем“.

Путь Пушкина к реализму идет через период „южных поэм“, с их романтическим разочарованным героем, бросающим вызов обществу. Осуждение этого героя, начатое в „Цыганах“ и во всей полноте раскрытое в „Онегине“, показывает, что Пушкин в середине двадцатых годов приходит к принятию каких-то новых общественно-политических норм, и именно с точки зрения этих новых норм осуждает своих романтических героев.

Последователь великих буржуазных философов-просветителей XVIII века, идейно примыкающий к передовым группировкам дворянской молодежи начала XIX века, Пушкин, от противопоставления себя „действительности“, под влиянием „силы вещей“ приходит к мысли о необходимости постепенного преобразования этой действительности с помощью реформ. „Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества“, напишет позднее Пушкин.

Отсюда неизбежность знакомства с этой действительностью и знакомства по возможности широкого и разностороннего. С этим связана все растущая конкретность пушкинского творчества, его демократизация, вовлечение в литературный обиход новых социальных сил, и в первую очередь народа.

Требование „народности“ выдвигалось и романтической поэзией, и ожесточенные споры между романтиками и классиками в литературе 20-х годов шли как раз вокруг народности. „С некоторых пор, — пишет Пушкин в своей заметке о народности в литературе (1826 г.), — вошло у нас в обыкновение говорить о народности, жаловаться на отсутствие народности в произведениях литературы, — но никто не думал определить, что разумеет он под словом народность“. И вот какое определение дает Пушкин: „Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, и поверий, и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу — климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию — которая более или менее отражается в зеркале поэзии“.

Такое понимание народности складывается у Пушкина уже в Михайловском, где реализм окончательно устанавливается, как основной творческий метод Пушкина, а историзм и народность, как основные категории его общественно-политического мышления. Из приведенного определения

видно, что Пушкин под народностью понимает национальную специфику народного характера, общественно-политическое устройство, характерное для этого народа, его бытовые особенности и прочее.

Исторические изыскания Пушкина приводят его к убеждению, что движущей силой истории является народ. Поэтому главным героем своей народной трагедии „Годунов“ Пушкин мыслит народ. В его заметках о народной драме и о Марфе Посаднице М. П. Погодина читаем: „Что развивается в трагедии? какая цель ее? Человек и народ. Судьба человеческая, судьба народная“. Это признание народа основной движущей силой истории естественно ведет Пушкина к изучению этого народа, и прежде всего, его языка и его поэзии.

Интерес к народному творчеству отмечается у Пушкина уже на юге. К кишиневскому периоду относится первая прозаическая запись сказки о царе Салтане и французская заметка о Бове, показывающая, что Пушкин интересовался происхождением этой распространенной в русской литературе XVIII века сказке и знал об ее иностранном происхождении.

Уже в первой половине 20-х годов находим такую заметку Пушкина: „...не решу, какой словесности отдать предпочтение, но есть у нас свой язык; смелее! обычаи, история, песни, сказки и проч.“ К этому же времени относится собрание старинных народных пословиц и поговорок. Интересно, что они снабжены примечаниями Пушкина, показывающими, как вдумчиво относился поэт к каждому оттенку народных высказываний.

СТАРИННЫЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Не суйся среда прежде четверга. Смысл иронический. Относится к тем, которые хотят оспаривать явные законные преимущества: вероятно выдуман во времена местничества.

В праздник жена мужа дразнит (выписка из Кирши).

Горе лыком подпоясано, — разительное изображение нищеты; см. Древние стихотворения.

Иже не ври жъ, егоже не пригоже. Насмешка над книжным языком: видно и в старину острили насчет славянизмов.

Кнут не архангел, души не вынет, а правду скажет: апология пытки, пословица палача, выдуманная каким-нибудь затейником.

На посуле, как на стуле. Посул — церковная дань, а не обещание, как иные думали; следственно, пословица сия значит — на подарках можно спокойно сидеть, как бы на стуле.

Беспечальным сон сладок.

Не твоя печаль чужих детей качать; — не твоя забота; печаль от глагола пекусь.

Бодливой корове — пословица латинская.

Бог даст день, бог даст и пищи. Этой пословицей бедняк утешал однажды голодную жену. „Да, — отвечала она, — пищи, пищи, да с голоду и умри“.

Нужда научит калачи ёсть, т. е. нужда — мать изобретения и роскоши.

Кто в деле (в должности), тот и в ответе (в посольстве).

Эта пушкинская запись показывает глубокую осведомленность Пушкина в истории слов и внимание к их социальному звучанию. „Пушкин уважал тысячелетнее предание народа, доискивался в нем смыслу, будучи убежден, что смысл в нем есть и быть должен, если не всегда легко его разгадать“; пишет Даль в своих воспоминаниях. Эти воспоминания сохранили нам интереснейшее высказывание Пушкина о народных пословицах и поговорках: „А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет“. (Пушкин и Даль. Л. Майков. Рус. Вестник, 1890 г., № 10).

Народные пословицы щедро рассыпаны в письмах Пушкина, включены в тексты его произведений, используются поэтом в качестве эпиграфов. Особенно широко используются они поэтом в „Капитанской дочке“. Известно, что эпиграфом ко всей повести в целом служит старая пословица: Береги честь смолоду. Из записанных Пушкиным старинных пословиц „не твоя печаль чужих детей качать“ включена им в „Арапа Петра Великого“.

Интерес к народному творчеству, к народной сказке, песне, пословице особенно усиливается в период Михайловского сидения. Известно, что там Пушкин заставлял свою няню Арину Родионовну рассказывать ему сказки: „Вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма“, пишет Пушкин своему брату Льву (1824 г. ноябрь, письмо № 105, том I писем под ред. Б. Л. Модзалевского). А в письме к Вяземскому от 25/1 1825 г. (№ 118) читаем: „живу недорослем, валяюсь на лежанке, и слушаю старые сказки да песни“.

Изучение народных сказок и песен возводится Пушкиным в принцип, и не раз высказывает поэт свое глубокое убеждение в необходимости для писателя учиться у народа. „Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка. Критики наши напрасно ими презирают“, читаем в полемических заметках Пушкина от 1830 г. А в своем ответе на статью в „Атенеи“ (1828 г.) Пушкин повторяет эту же мысль: „Читайте простонародные сказки, молодые писатели — чтобы видеть свойства русского языка“. Таким образом, обращение к народной поэзии, к сказкам мотивируется Пушкиным прежде всего необходимостью вовлечения народной речи в сферу литературную, для создания русского литературного языка. „Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного, но впоследствии они сблизилась, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей“ пишет Пушкин в статье „О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова“.

Новое реалистическое направление пушкинского творчества органически связано с борьбой за язык, освобожденный от жеманства, салон-

ной изысканности, язык освеженный и обогащенный народной речью. „Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и фр. (т. е. французской) утонченности. Грубость и простота ему более пристали“, пишет Пушкин еще в 1823 году. В представлении Пушкина, народный язык был той живой водой, которая должна была вернуть к жизни „отроческую русскую словесность умерщвленную французской болезнью“. Самым страшным обвинением для писателя у Пушкина является обвинение в высокопарности, напыщенности, жеманстве, и в этом отношении чрезвычайно интересно высказывание Пушкина о Ломоносове. Поэт говорит о вредном влиянии Ломоносова на русскую литературу: „Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности — вот следы, оставленные Ломоносовым“. Чтобы избавиться от этого „вредного влияния“, вернуть язык и литературу к жизни, надо учиться у народа. „Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований“, пишет Пушкин и советует прислушиваться к говору московских просвирен. „Они говорят удивительно чистым и правильным языком“.

К Михайловскому относится первая пушкинская сказка в народном духе „Жених“. Эта сказка интересна, как первый опыт широкого использования повтом народных образов и языка народной поэзии, хотя стихосложение этой сказки чисто литературное, сближающее ее с балладами. Вместе с тем, это одна из первых попыток Пушкина включить в свое творчество какие-то новые социальные группы, ввести элемент „просто-народности“, перенести действие в другую социальную среду. В этой сказке Пушкин уже использует сказочный сюжет — о храброй девушке и разбойниках, хотя возможно, что до поэта этот сюжет дошел в литературной обработке. Все же в „Женихе“ мы находим следы внимательного изучения народной поэзии. Тут есть и типичные фольклорные сравнения:

„Не век девицей вековать,
Не всё косатке распевать,
Пора гвездо устроить,
Чтоб детушек покоить“.

Встречаются фольклорные образы, эпитеты, которыми особенно богата сцена сватовства; включены и народные поговорки, есть упоминание о свадебных обрядах:

„За стол невесту повели;
Поют подружки, плачут“.

Все растущий интерес Пушкина к народному творчеству находит отражение и в других произведениях этого периода. Достаточно вспомнить фольклорный элемент в „Онегине“. Этот элемент органически связан с „народностью“ героини Пушкина, Татьяны, выразительницы народного

начала, сохранившей всю непосредственную любовь к своей родной стране. Мы знаем, что „русская душою“,

„Татьяна верила преданьям
Простонародной старины,
И снам, и карточным гаданьям,
И предсказаниям луны“.

Мы видим в „Онегине“ сцену гаданья, с упоминанием двух старинных песен и включение народной песни в текст романа. В „Онегине“ же говорит Пушкин о русских „унылых“ песнях. Возмущение критики вызывал такой стих из сна Татьяны:

„Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская мольв и конский топ!“

Вот что пишет Пушкин по этому поводу в своих заметках на рецензии об „Евгении Онегине“: „Некоторые стихотворные вольности... приводили критика моего в великое недоумение. Но более всего раздражал его стих:

Людскую мольв и конский топ“.

„Так ли изъясняем мы, учившиеся по старым русским грамматикам, можно ли так коверкать русский язык?“ Над этим стихом жестоко потом посмеялись и в Вестнике Европы. Мольв (речь) слово коренное русское. Топ вместо топот столь же употребительно, как и шип вместо шипение и хлоп вместо хлопанье (следственно вовсе не противно духу русского языка)...

На ту беду и стих-то весь не мой, а взят целиком из русской сказки: „И вышел он за ворота градские, и услышал конский топ и людскую мольв“. Бова Королевич.

К этой записи Пушкин делает сноску: „Он шип пустил по змеиному — Древние русские стихотворения“. Но Пушкин не ограничивается этой заметкой и снова останавливается на цитированном стихе. В ответе на критику „Атенея“: „... „Замечу моему критику, что роп, топ и прочее употребляют простолюдины во многих наших губерниях.“

Мне случалось также слышать стукот вместо стук“.

Приведенная полемика лишнее доказательство пристального внимания, с которым относился Пушкин к народной речи, не искаженной иностранными влияниями, его неустанного изучения языковых особенностей народной речи, сопоставления их с былинами и старинами. На этом небольшом примере мы видим, что Пушкин сознательно вводит народные сказочные обороты в литературный обиход, иными словами, стремится к обогащению речи литературной за счет „свежих вымыслов народных“.

Этот творческий метод Пушкина получает особенное развитие в Борисе Годунове, где Пушкин использует народные пословицы и поговорки древнерусские и славянские речения и наряду с этим крепкий народный язык. Известен ответ Пушкина Плетневу на просьбу последнего прислать „Бориса Годунова“ для занятий по русскому языку с одной из

великих княжен. „Какого вам Бориса и на какие лекции? В моем Борисе бранятся по матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу“. Этот выпад Пушкина невольно напрашивается на сопоставление с „посвящением“ Руслана и Людмилы:

„Счастливы уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои“.

От „посвящения“ в „Руслане“ до „Бориса“ — таков творческий путь поэта.

Известно, что, работая над Годуновым, Пушкин тщательно изучает старые летописи. Интерес к памятникам письменного творчества также очень силен у поэта. „Приступая к изучению нашей словесности, мы хотели бы обратиться назад и взглянуть с любопытством и благоговением на ее старинные памятники — мы желали бы с благоговением и старательно развернуть пыльные рукописи; воскресить песнопения баянов, сказки и песни веселых скоморохов или комедии — сравнить их с этой бездной поэм, романсов, мистерий иронических и любовных, и простодушных и сатирических, коими наводнены европейские литературы средних веков.... Но к сожалению, старой словесности у нас не существует. За нами темная степь — и на ней возвышается единственный памятник: „Песнь о полку Игореве“. Работа Пушкина над „Словом о полку Игореве“ должна составить тему отдельного исследования, мы же упоминаем о ней потому, что эта работа служит ярким примером органической связи между историзмом Пушкина и его пониманием народности.

Изучал Пушкин и духовные стихи. Интересно такое его замечание на главу „Путешествия“ Радищева, где Радищев говорит о слепом певце: „Лучше было бы, если бы Радищев, кстати о старом и всем известном Стихе, поговорил нам о наших народных легендах, которые до сих пор еще не напечатаны и которые заключают в себе столь много истинной поэзии“. О том, что Пушкин хорошо знал все вышедшие в его время сборники народной поэзии, совершенно несомненно. Знал Пушкин и некоторые сборники русских сказок XVIII века, как это ясно из каталога его библиотеки.

С Михайловского повидимому начинается и систематическое изучение и собирание народной песни. Сохранились воспоминания, что Пушкин, переодетый в крестьянское платье, пел песни с крестьянами. Пушкиным было записано в разное время 50 народных песен, которые он впоследствии передал Киреевскому для его сборника. Причем, как это видно из письма П. Киреевского поэту Языкову (№ 15, письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову, ред. Азадовского. Акад. Наук СССР, 1935 г.), Пушкин вначале предполагал принять деятельное участие в этом издании и обещал написать предисловие. Набросок предисловия к сборнику Соболевского имеется в бумагах Пушкина. Этот набросок прокомментирован М. А. Цявловским в его книге „Рукой Пушкина“. Из при-

веденного наброска видно, что сборник был задуман широко и должен был охватить исторические песни, начиная с Ивана Грозного до солдатских песен про Суворова. В своих комментариях проф. Цявловский называет несомненные печатные источники, которыми мог пользоваться Пушкин для изучения этих песен: „в первую очередь такими источниками были сборник Кириши Данилова и Новиковский песенник 1780 г.“ („Рукой Пушкина.“ Академия Наук. 1935).

В числе этих песен одна была пушкинская, т. е. представляла собой подделку Пушкина под народную. 32 песни пушкинского собрания составляют „свадебные“. Интересно, что включенная Пушкиным в „Русалку“ свадебная песня „Сватушка, сватушка“, является соединением двух песен пушкинских записей.

„Бестолоковый сватушка!
 По невесту ехали,—
 В огород заехали,
 Пива бочку пролили,
 Всю капусту полили,
 Верее молился:
 Верее, верееюшка,
 Укажи дороженьку
 По невесту ехати.
 Сватушка, догадайся,
 За мошоночку принимайся:
 В мошне денежки шевелятся,
 Они к девушкам норовятся.
 А копейка ребром становится
 Она к девушкам норовится.
 Все песни перепели,
 Горлушки пересохла,
 А сватушка рыжий
 По берегу рыщет,
 Хочет удавиться,
 Хочет утопиться,
 От красных довок,
 От белых лебедек
 Дари, дари довок,
 Дари лебедек,
 Не станешь дарити—
 Мы пуде корити
 Сватушка, догадайся.
 За мошоночки принимайся.
 В мошне денежка шевелится
 Красным девушкам норовится“.

Повидимому из второго варианта Пушкин взял обращение свата к девушкам:

„Что ж, красные девицы, вы примолкли?
 Что ж, белые лебедушки, притихли?
 Али все песенки вы перепели?
 Али горлушки от пенья пересохла?“

Кроме этих свадебных, в сборнике Киреевского есть еще 17 необрядовых. Одна из них исследователями считается пушкинской „подделкой“ под народную песню. Это представляется весьма вероятным, если учесть известную „литературность“ этой песни, и ее сходство с „Песнями западных славян“.

Все упомянутые выше песни сохранились в копиях, с пометкой Киреевского „Пушк“. Но в собрании Киреевского есть и десять пушкинских автографов. Первые две песни этого собрания пушкинских автографов относятся к сыну „Стеньки Разина“. Известен интерес Пушкина к Стеньке Разину „единственному поэтическому лицу нашей истории“.

И вероятно не случайно, среди пушкинских подражаний народным песням три посвящены Стеньке Разину. Эти три песни написаны различным размером. Они широко используют фольклорные образы и сравнения. Третья из этих песен начинается прямой реминисценцией из Бовы Королевича, о которой говорил в своем ответе критику „Атенея“ Пушкин:

„Что не конский топ, не людская мольва“ и т. д.

Эти песни о Стеньке Разине при жизни Пушкина напечатаны не были, Бенкендорф вернул их Пушкину с такой пометкой: „Песни о Стеньке Разине при всем поэтическом своем достоинстве, по содержанию своему неприличны к напечатанью. Сверх того церковь проклинает Разина, равно как и Пугачева“.

К попыткам подражания народному песенному творчеству относятся еще три песни: „Еще дуют холодные ветры“, „Всею красны боярские конюшни“ и шуточная „Сват Иван, как пить мы станем“.

В „Истории села Горюхина“ Пушкин говорит о склонности горюхинцев к поэзии и приводит в пример, как он говорит, „сатирическое“ стихотворение.

„Ко боярскому двору
Антон староста идет (2),
Бирки в пазухе несет. (2)
Боярину подает,
А боярец смотрит
Ничего не смыслит.
Ах ты, староста Антон,
Обокрал бояр кругом,
Село по миру пустил,
Старостиху надарил“.

Эта песня несомненно принадлежит Пушкину. Но что гораздо интереснее, это ее поразительное сходство с последней из записанных Пушкиным необрядовых песен (№ 17) об Аракчееве:

„Бежит речка по песку
Во матушку во Москву,
В разорену улицу,
К Аракчеву двору.
У Аракчева двора тута речка протекла,
Бела рыба пущена;

Дороженьки проторил,
 Березками усадил,
 Бедных людей прослезил,
 Тут и плавали гуляли
 Девяносто кораблей;
 По пятисот молодых,
 Гребцов-песенничков;
 Сами песенки поют,
 Разговоры говорят.
 Все Ракчеева бранят
 Ты, Ракчеев господин,
 Всю Россию разорил,
 Бедных людей прослезил,
 Солдат голодом поморил, . . .“

Не говоря уже о полном тождестве размера, поражает удивительная аналогия в содержании и, наконец, совпадение в основных образах, в целом ряде эпитетов; это особенно ясно в последней части песни: „Ты, Ракчеев господин, всю Россию разорил, а в пушкинской песне: Ах ты староста Антон, обокрал бояр кругом и т. д.“

Если мы обратимся к тексту, в который включена эта совершенно выпавшая из внимания исследователей песня, то найдем блестящее подкрепление нашей гипотезы о действительном смысле „песни“ в „Истории села Горюхина“:

„Музыка была всегда тоже любимое искусство образованных горюхицев; балалайка и волынка, услаждая чувствительные сердца, поныне раздаются в их жилищах, особенно в древнем общественном здании украшенном елкою и изображением двуглавого орла“.

Это „сатирическое стихотворение“ на фоне „двуглавого орла“ приобретает особенную остроту. Если вместо „старосты Антона“ поставить в соответствии с пушкинским замыслом страшную фигуру Аракчеева, „всей России притеснителя“, то „История села Горюхина“ получает совершенно другое звучание. А что в своей „сатирической песне“ Пушкин подчеркивает портретность „старосты Антона“, ясно из ее последнего куплета:

„Ах ты, староста Антон,
 Обокрал бояр кругом,
 Село по миру пустил,
 Старостиху надарил.“

В этой „старостихе“ надо несомненно видеть достаточно ясный для современников намек на Настасью Минкину, а в разоренном, пущенном по миру селе — „царскую вотчину“, нищую Россию.

„История села Горюхина“ писалась Пушкиным в знаменитую болдинскую осень 1830 г. и, как известно, осталась незаконченной. В бумагах Пушкина сохранился черновой план „Историй“, который мы и приводим:

„Уважение мое к званию писателя, поэтов
 в особенности.
 Встреча с Булгарыным и Милоновым.
 Любовь.“

Попытки мои в разных родах.
 В повестях.
 В истории всеобщей, России, губернского
 города. Уездный город не имеет истории.
 Приезд мой в деревню.
 Родословная моя, мысль писать историю.
 Календари. Изустные предания. Летопись
 попа.

Ревижские сказки с описанием мужиков.
 Географическое описание деревни.
 Баснословные времена.
 Правление старосты.
 Приказчик.
 Приезд моего прадеда тирана.
 Дед мой управляет. Пожар.
 Соседи. Повальная болезнь. Церковная
 история.

Отец мой. Стар. приказчик. Бунт.
 Была богатая вольная деревня.
 Обеднела от тиранства.
 Поправилась от строгости.
 Пришла в упадок от нерадения."

Черновой план „Истории“ показывает, как широко задумывалась эта общественно-политическая сатира Пушкиным. Зависимость „сатирической“ песни о старосте Антоне от песни об Аракчееве служит бесспорным подтверждением того, что Пушкин хотел дать в своем „Горюхино“ сатиру на современную ему крепостную Россию. Нам думается, что Пушкин не ограничился бы одной современностью и недавним прошлым. Надо думать, что внимательное изучение белого текста и сличение его с другими прозаическими записями и высказываниями Пушкина 30-х годов, а также детальное изучение черновиков „Истории“ выявит очень много нового и ценного для понимания этой замечательной сатиры.

Необходимо отметить, что самое заглавие этой „истории“, Пушкинское „Горюхино“ также фольклорного происхождения.

В свете этих новых данных представляется совершенно несомненным пародирование „Истории Государства Российского“ Карамзина, как несомненные выпады в Пушкинской „Истории“ против Полевого.

Как мы уже упоминали, Пушкин широко вводит в тексты своих произведений и отрывки из подлинно народных песен. Нередко введение этих песен, как и в разобранных нами „Истории села Горюхина“, раскрывает подлинное лицо автора, выявляет его затаенные мысли и симпатии. В VIII главе „Капитанской дочки“ казаки поют любимую песню Пугачева:

Не шуми мати зелена дубравушка
 Не мешай мне добру молодцу думу думать...

Пушкин дает эту замечательную песню всю целиком и затем говорит о впечатлении, которое эта „заунывная бурладкая песня“ произвела на Гринева: „Невозможно рассказать, какое действие произвела на меня эта простонародная песня про виселицу, распеваемая людьми,

обреченными виселице. Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным—все потрясло меня каким-то пиитическим ужасом“.

Используя образы народной поэзии, через песню выражает Пушкин свое отношение к Пугачеву, потому что иначе поэт не мог дать образ Пугачева так, как он его понимал. С помощью народной песни подчеркивает Пушкин героизм пугачевского восстания, силу народного движения, вызвавшего более чем „пиитический ужас“ правящего класса. Заметим, что еще два раза в связи с образом Пугачева обращается Пушкин к фольклору. Один раз—когда Пугачев рассказывает Гриневу „с каким-то диким вдохновением“ калмыцкую сказку, второй—в „Истории Пугачева“, когда поэт говорит о разговоре Панина с Пугачевым: „Я не ворон, я вороненок, а ворон-то еще летает“. И все эти случаи обращения к фольклору говорят о том, что образы народной песни, народной сказки помогали Пушкину героизировать образ бунтаря Пугачева.

Заметим, что два первых стиха указанной песни Пушкин приводит в последней главе Дубровского. Но там эта песня сразу обрывается сердитым окриком старой няни: „Барин почивает, а ты знай горланишь — нет у вас ни совести, ни жалости“. Мы нарочно привели эти два примера, когда использование одной и той же народной песни служит совершенно различным целям и подается поэтому в совершенно разных планах.

Широко использует народные песни или отдельные стихи из песен Пушкин для эпиграфов. Таковы эпиграфы в „Капитанской дочке“, эпиграфы очень пространные, и как всегда у Пушкина имеющие большое значение. В сущности вся „Капитанская дочка“ разворачивается на фоне народных песен, пословиц и поговорок. И эта стихия народной поэзии, так исключительно использованная Пушкиным, говорит о широте замыслов поэта, о его концепции Пугачевского восстания, как движения народного, в полном и совершенном смысле этого слова.

Большую часть своих песенных записей Пушкин сделал в Псковской губернии, но некоторые из песен были им записаны на Урале и в Болдине. О собирании Пушкиным песен уральских казаков сохранились воспоминания современников и указания в переписке Киреевского и Языкова. Начало одной из записанных на Урале солдатских песен воспроизводит Пушкин в своих примечаниях ко второй главе „Истории Пугачева“: „Память капитана Сурина сохранилась в солдатской песне:

„Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной,
Вышел капитан Сурия,
Со командою один“.

Наряду с песнями, идет записыванье народных сказок. В пушкинских материалах этих записей семь. Надо думать, что только часть их записана со слов Арины Родионовны. Особенно концентрируется внимание Пушкина на народных сказках в начале 30-х годов.

Конец 20-х и начало 30-х годов ознаменованы ожесточенной литературной войной между Литературной Газетой и Московским Телеграфом, иными словами между органом прогрессивной дворянской группы и органом оформляющей свои идеологические позиции молодой буржуазии. Эта борьба в основном группируется вокруг проблемы народности, т. е. вопроса о том, какая из общественных группировок имеет право говорить от имени „народа“. Мы знаем, что к этому времени уже оформляется славянофильство, как определенное литературно-политическое течение, имевшее „русские и притом помещичье-феодалные антикапиталистические корни“ (Б. Зельдер. „Капитализм и Русская фольклористика“, Литература и Марксизм, 1929 г., кн. 5). Протестуя против развития чужеземного капитализма, помещики в противовес ему выдвигают „самобытные, славянские устои“.

Это стремление сохранить свою „нетронутость“, самобытность и лежит в основе позиции славянофильского лагеря. О позиции же Пушкина мы пока говорить не будем, а перейдем к анализу его сказочных опытов.

Если оставить в стороне первую полудетскую сказку Пушкина „Бова“, эротическую „Царь Никита“, и уже упомянутую нами сказку „Жених“, то мы увидим, что все прочие сказки Пушкина пишутся им сравнительно в небольшой период с 1830 по 1834 год. Этот цикл начинается сказкой о Медведихе и заканчивается сказкой о Золотом петушке.

Несмотря на знакомство Пушкина с русскими народными сказками и из сказочных сборников и из устных источников, для своих сказок поэт пользовался в основном иностранным сказочным материалом, причем, как правило, Пушкин берет сюжеты широко распространенные.

Поэт не делает различия между литературными и фольклорными источниками. В основе Золотого петушка, как это выяснено работой А. Ахматовой, лежит чисто литературное произведение: сказка Вашингтона Ирвинга об Арабском Звездочете. Совершенно несомненны литературные влияния в Сказке о царе Салтане. Из всех пушкинских сказок, только сказка о Попе и его работнике Балде непосредственно исходит из народной сказки и стоит в прямой связи с записью, сделанной со слов Арины Родионовны.

Пушкин исключительно широко использует западноевропейский фольклор. И если, как мы уже говорили, в отношении источников Пушкин не делает различий между книжными и подлинно-фольклорными сюжетами, то тем менее различает он сюжеты иностранные и русские.

„Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что изъясняясь по-русски употребляют русские выражения“, пишет Пушкин в уже неоднократно цитированной нами заметке о народности в литературе. Если распространить эти слова Пушкина на сказку, то, чтобы быть народной, по Пушкину сказка вовсе не должна братья из русского сказочного материала.

Вернее, народность сказки далеко не определяется одним выбором сюжета из специфически „русского материала“.

Все дело в обработке этого сюжета, в насыщении его тем „народным духом“, о котором не раз говорит Пушкин, и в развертывании его на живом бытовом фоне. Блестящим примером этого „завоевывания“ иностранного сюжета, претворения его в русский, является Сказка о рыбаке и рыбке. Долгие годы исследователи умилялись „простодушию“ этой замечательной „народной“, „русской“ сказки, и вопрос о нерусском ее происхождении в литературе даже не рассматривался. В настоящее время совершенно определенно установлено, что в основу этой сказки легла одна из сказок немецкого сказочного сборника бр. Гримм. Эта точка зрения была выдвинута еще в 1930 г. автором настоящей статьи на основании изучения пушкинских черновиков Сказки о рыбаке, и затем в недавнее время подтверждена работой М. К. Азадовского (Источники сказок Пушкина. Пушкин. Академия Наук СССР. Пушкин. Временник. 1936 г., в. 1)

Мы остановимся несколько дольше на этой замечательной сказке, потому что на ней особенно удобно показать, как чужой, иностранный материал в руках Пушкина превратился в национальный, народный, „настоящий русский“.

Вся сказка развертывается на специфически русском фоне, более того, на фоне крепостнически-самодержавной России. „Простодушная“ сказка в действительности дана повтом, как необычайно тонкая, острая сатира на современную Пушкину „святую Русь“.

Именно в этом плане надо рассматривать возвышение старухи, превращение ее из „черной крестьянки“ в „столбовую дворянку“. Элемент социальной сатиры особенно ярко подчеркнут в черновике, где этот специфический российский фон остро выпячен:

„Я тебе госпожа и дворянка,
Я дворянка, а ты мой оброчный крестьянин“.

Мастерское и необычайно тонкое внесение в сказку социальной сатиры, насыщение ее специфически-русскими бытовыми подробностями, подача героев в соответствии с традицией русской народной сказки и, наконец, блестящее использование всего богатства народного языка, все это и создает национальный и народный характер этой сказки.

Сказанное о Сказке о рыбаке и рыбке в той или иной мере приложимо и к остальным пушкинским сказкам.

Не делая различия между литературными и чисто фольклорными источниками, Пушкин в развертывании сказочного сюжета позволяет себе большую свободу. Он не следует рабски сказочной схеме; он одни сказочные мотивы выбрасывает, другие переставляет, усиливает, или развивает, причем руководствуется значением этих отдельных мотивов для основной повествовательной линии сказки. Этим объясняется поразительная „слаженность“, пушкинской сказки, ее стройность,

как целого. Между тем известно, что слабость мотивировки, несвязанность отдельных частей, обилие лишних, побочных мотивов—все это черты, характерные для народной сказки и объясняющиеся ее особенностями. В пушкинских сказках нет ни одного лишнего действующего лица, ни одной ненужной, неоправданной ходом действия детали, ни одного лишнего слова. Из них действительно „слова не выкинешь“.

В народных сказках о мертвой царевне обычно гроб с уснувшей царевной висит десятки, а иногда сотни лет, до тех пор, пока на него случайно не наткнется в лесу какой-нибудь заблудившийся охотник. Пушкин с самого начала вводит царевича Елисея: „И жених сыскался ей, корольевич Елисей“. Благодаря этому, поиски царевны, на которые отправляется Елисей после ее исчезновения, носят уже не случайный характер. Елисей с самого начала одно из действующих лиц сказки, и это же позволяет пушкинской царевне сразу мотивировать свой отказ „братьям“:

„...Мне всех милей королевич Елисей“.

Такое построение сказки делает ее динамичной, живой и яркой. Но эта слаженность читателем как-то не ощущается; она сделана очень тонко и выявляется только путем тщательного анализа. Итак, построение сказки литературно, и более того, эти приемы подачи материала, развертывания сюжета необычайно характерны для всего пушкинского творчества. Точность, скупость деталей, отбрасывание всего ненужного, лишнего, отягощающего центральную повествовательную линию, все это типично пушкинские черты, находящие воплощение во всем его творчестве. Таким образом, в отношении структуры, сказки органически связаны со всем пушкинским творчеством.

Характерным примером того, как исходя из определенной народной записи, Пушкин применяет свойственный ему метод „отбора“ материала, служит его сказка о попе и работнике его Балде. Запись народной сказки, имеющаяся в пушкинских тетрадах, очень запутанна, в ней соединено несколько отдельных сказочных сюжетов, которые не имеют прямого отношения к замыслу Балды, и Пушкин сразу их отбрасывает как лишний, мешающий балласт.

Совершенно литературны и приемы показа героя в пушкинских сказках. Пушкин не старается подражать наивности народной сказки. Он не боится давать характеристики своим сказочным героям, даже таким персонажам, как, например, царевна, в сказке о Царевне и семи богатырях. В народных сказках в лучшем случае говорится, что царевна красавица, или краса неописанная, а Пушкин дает очень яркий образ царевны:

„Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась и расцвела
Белолица, черноброва,
Нраву кроткого такого“

Еще более интересен в этом отношении образ мачихи. Это поразительно яркий, литературный портрет, который по манере своего построения так и просится на сопоставление со знаменитом „портретом“ Татьяны („Итак, она звалась Татьяной“...). Ничего подобного в народной сказке, которая не гонится за психологическими тонкостями, мы не найдем.

Эти литературные приемы показа героев стоят в органической связи с общей тенденцией укрепления повествовательной линии и ее осмысления.

Затем Пушкин по ходу действия характеризует своих героев и марками от автора, и многочисленными эпитетами, и, наконец, отношением к этим персонажам других действующих лиц сказки.

Итак, Пушкин в изображении своих героев пользуется литературными приемами, а не фольклорными и стремится даже тут к „широкому изображению характеров“, поскольку это позволяют рамки сказочного жанра.

Необходимо отметить и выраженную демократичность пушкинских сказочных персонажей, полное отсутствие „приглаженности“, старания „переодеть“ их.

Эта демократичность пушкинских сказочных героев подчеркивается и языком сказок. Именно в сказках использует Пушкин, как нигде, все поразительные сокровища народной речи, все поэтическое богатство народной фантазии. И тут невольно вспоминаются слова Пушкина, записанные Далем: „Сказка сказкой,—говаривал он,—а язык наш сам по себе. И нигде ему нельзя дать того русского раздолья, как в сказке. А как это сделать? Надо бы сделать, чтоб выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще“.

Излюбленные народной поэзией сравнения, типично-фольклорные метафоры и эпитеты, очищенные от литературщины образы народной поэзии, все это, по выражению Пушкина, „золото“, щедрой рукой рассыпаны в его сказках. В связи с резко выраженной демократизацией сказочных героев стоит и широкое использование в языке сказок многочисленных „просторечий“, т. е. вульгаризмов. Ими изобилуют и Сказка о мертвой царевне, и Балда, и Золотой петушок. Если же в сказке встречаются элементы высокого стиля, то они используются в пародийном плане. В этом отношении чрезвычайно интересен Золотой петушок. Пародийный характер этой замечательной сказки раскрыт А. Ахматовой. Золотой петушок отражает настроение поэта, убедившегося, что царь свое слово не сдержал, что Пушкину с ним „вздорить накладно“. Эта пародийность подчеркивается характерным для Пушкина приемом: соединением образов высокого стиля с „просторечиями“.

„Год, другой проходит мирно,
Петушок сидит все смирно;
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробужден.“

„Царь ты наш! Отец народа!“
 Возглашает воевода,
 „Государь! проснись! беда!“
 „Что такое, господа,“
 Говорит Дадон зевая,
 „А? кто там? беда какая?“

„Отец народа“, который спит в минуту опасности, которого с трудом могут растолкать его воеводы, в действительности оказывается ленивым, неповоротливым стариком, который царствует „лежа на боку“.

Наряду с широким использованием вульгаризмов, идет стремление Пушкина приблизить сказочную речь к разговорной; многочисленные примеры этого видим мы в Балде, Мертвой царевне и Сказке о золотом петушке:

„Что ты! старцу молвил он,
 Или бес в тебя ввернулся,
 Или ты с ума рехнулся!
 Что ты в голову забрал?
 Я конечно обещал,
 Но всему же есть граница.
 И зачем тебе девица?“

Очень интересна синтаксическая конструкция пушкинской сказочной речи. Для пушкинских сказок характерны простые, короткие предложения. Сложная синтаксическая конструкция свойственна только „Прологу“ к „Руслану и Людмиле“, произведению чисто литературному, хотя и использовавшему фольклорные образы и написанному в 1828 г. Нам думается, что этой сложностью синтаксической конструкции „Пролога“ Пушкин подчеркивал литературность всей поэмы. Не мог поэт к такому произведению, как „Руслан и Людмила“, где нет ни тени народности, давать выдержанное в духе народной поэзии начало.

В некоторых из своих сказок Пушкин использует и сказочные народные „зачины“. Это имеет место в Золотом петушке:

„Негде, в тридевятом царстве,
 В тридесятом государстве,
 Жил был славный царь Дадон“.

И в уже упомянутом „Прологе“ к Руслану и Людмиле:

„У лукоморья дуб зеленый,
 Златая цепь на дубе том,
 И днем, и ночью кот ученый
 „Все ходит по цепи кругом.“

Нам думается, что использование народных зачинов именно в наиболее литературных по своему происхождению сказках Пушкина, как например Сказка о золотом петушке, не случайно. Пушкин стремится в своей обработке литературного материала по возможности широко дать колорит сказки именно народной.

Концовки всех пушкинских сказок традиционные, в полном согласии со сказочной традицией:

„И никто с начала мира
Не видал такого пира!
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил“.
(Сказка о мертвой царевне)
„День прошел — царя Салтана
Уложили спать в пол-пьяна.
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил“
(Сказка о царе Салтане)

Концовки сказки о попе и его работнике Балде и сказки о Золотом петушке тоже даны в согласии со сказочной традицией, но с подчеркиванием „морали“:

„Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок“
(Сказка о золотом петушке)
„А Балда проговорил с укоризной:
Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной.“
(Сказка о попе и его работнике Балде).

Таким образом, в своих сказках Пушкин бродячие, интернациональные сказочные сюжеты развертывает на специфически-русском фоне, на фоне современной ему крепостной России, широко пользуясь русским сказочным канонem и народным словарем. Демократизируя, опрощая своих сказочных героев, Пушкин насыщает их бытовыми и национальными чертами. Таково, например, в сказке о попе и работнике его Балде ультра-реалистическое описание жизни Балды в поповом доме с подчеркнутым противопоставлением „работника“ Балды—эксплуататору попу; таковы „желания“ старухи в сказке о рыбаке и рыбке: сначала „новое корыто“, затем „новая изба со светелкой“, затем: „не хочу быть черной крестьянкой, хочу! быть столбовой дворянкой“, „царицей“ и наконец, „владычицей морскою“. Специфически-российскими являются и разговоры царицы-мачихи в сказке о царе Салтане, где в образе мачихи подчеркивается поэтом черты властной помещицы, владелицы „душ“. В одной из ранних пушкинских сказок—„Женихе“ таким моментом является сцена сватовства.

Наконец, таков смысл образа Дадона — российского самодержца, для которого нет ничего обязательного, кроме собственного каприза, а в неоконченной сказке о Медведихе—чисто русская иерархия зверей. В работе Желанского (А. Желанский. Сказки Пушкина в народном стиле. Гослитиздат. Москва 1936), автор полагает, что Пушкин в этой сказке хотел развернуть широкую социальную сатиру. Как ни заманчива эта мысль, поскольку сказка не окончена, говорить об этом столь определенно мы не решаемся.

Но вообще элемент сатиры и пародии чрезвычайно силен в пушкинских сказках. Использование сказки в пародийных или сатирических

целях—прием чисто литературный. Но если мы вспомним, что и народную песню блестяще использовал в этих целях Пушкин в „Истории села Горюхина“, то должны будем признать, что обращение к фольклору в этом плане представляется очень многозначительным.

Растущий интерес Пушкина к народному творчеству, к народной жизни стоит в органической связи со всем ходом творческого развития Пушкина. Пристальное внимание и тщательное изучение народной поэзии находит яркое отражение и в пушкинской прозе, и в поэзии, и, наконец, в письмах поэта. Мы находим фольклорные „куски“ в крупнейших произведениях Пушкина, как например, в „Евгении Онегине“. Но когда поэт дает „сказку“, то в обработке фольклорного материала пользуется чисто литературными методами и заставляет, если можно так выразиться, фольклорный материал служить целям литературным.

К „Сказке о попе и о работнике его Балде“.
Рисунок А. С. Пушкина

Введение пословиц, песен в тексты прозы создает как бы второй план и позволяет Пушкину подчеркнуть свои интимные мысли и чувства. Такова песня „Не, шуми, мати зелена дубравушка,“ в „Капитанской дочке“.

Это подводит нас к решению вопроса, чем же было народное творчество для Пушкина, в плане идеологическом.

В начале нашей работы мы отметили узко-националистические реакционные позиции русских славянофилов, для которых фольклор—поэтическое обоснование возврата назад, к „коренным устоям“ феодального быта. Поэтому так силен квасной патриотизм у апостолов славянофильства, Киреевского, Языкова и других. „Святая Русь“, „Матушка Русь“ не сходит с языка славянофилов. Если же у Пушкина мы встретим в его переписке это слово, то не иначе, как с иронической интонацией. Таково его обращение к брату в одном из южных писем: „Святая Русь мне становится невтерпеж“.

Феодально-крепостнические корни славянофильства глубоко чужды Пушкину. Не нищее „Горюхино“ привлекало Пушкина, не в возврате к „временам баснословным“ видел поэт спасение для этого Горюхина, а в приобщении его к европейской культуре. „Горе стране, находящейся вне европейской системы“, — таково глубокое убеждение Пушкина.

Для Пушкина народное творчество, фольклор не обращение назад, а путь вперед. Расширяя и обогащая за счет народной поэзии и народного языка литературный язык, Пушкин приобщает его к „живой воде“

раскрывает перед ним новые перспективы. Широко демократизируя своих героев, разрушая рамки их сословной ограниченности, Пушкин использует при этом все замечательные богатства народного творчества. Фольклор в руках Пушкина могучее оружие в борьбе за русскую культуру, за русский язык, за право русского народа на признание, за сохранение его самобытности.

Но не жизнь в „Горюхине“ возводит Пушкин в идеал, а подчеркивает, что народ сохранил свои культурные ценности вопреки своей „горюхинской“ действительности, борясь с ней. Отсюда интерес к народным восстаниям, бунтам, красной нитью проходящий через все творчество поэта. Отсюда же поэтизирование образа Пугачева, которое осуществляется также путем обращения Пушкина к народным песням и сказкам. Как мы уже говорили, параллельно разворачиванию сюжета „Капитанской дочки“, идет разворачивание в эпиграфах „второго плана“ этой повести. Нам думается, что изучение этой фольклорной рамки, очень тщательно построенной Пушкиным, позволит многое уяснить в его творчестве. Стихия народная, стихия крестьянского восстания, на фоне которого разворачивается „Капитанская дочка“, получает особое отражение в этих многочисленных выборках из народных песен и словиц.

Этот прогрессивный характер пушкинского обращения к народному творчеству очень тонко подметил не кто иной, как М. Горький.

„Прежде всего Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая в угоду государственной идее „народности“ — лицемерным тенденциям придворных поэтов — он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу.

Возьмите сказку о попе и его работнике Балде, о Золотом петушке, о Царе Салтане и т. д., во всех этих сказках насмешливого, отрицательного отношения народа к попам и царям Пушкин не скрыл, не затушевал, а наоборот, оттенил еще более резко“ (М. Горький. О Пушкине. Известия ВЦИК, 24/IX, 1936 № 223).

Пушкин великий русский поэт, горячо любил свою родину и твердо верил в творческие силы русского народа. Еще на юге поэтом сделана следующая заметка: „Только революционная голова, подобная... Пестелю может любить Россию так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке“ (1822 — 1823 г.). Не царская, крепостническая Россия была дорога поэту он жаждал видеть Россию свободной, а несчастный, замученный народ счастливым.

Но при всей своей любви к родине, к русскому народу, Пушкин никогда не забывал о правах других народов на самоопределение. Ему была чужда официальная „народность“ николаевского правительства, гнетущего двойным гнетом нерусские народы царской России, как был чужд поэту квасной патриотизм идеологов славянофильства.

Мы знаем, что Пушкин отразил в своем творчестве и широко использовал поэзию всех времен и народов: Интерес к народной поэзии других народов пробуждается у Пушкина очень рано, раньше, чем оформляется его внимание к русской народной поэзии. На юге Пушкин слушает молдавские, турецкие, цыганские, татарские и греческие песни. Он вводит в текст своих „Цыган“ точный перевод цыганской песни:

„Арды ма, фрыджи ма,
На карбуне пуне ма
(жги меня, жарь меня, на уголь клади меня).“

В его южных поэмах мы найдем и татарскую песню, и казачью и черкесскую. Находит в поэзии Пушкина отражение и поэзия народов Кавказа, к быту которых проявляет большой интерес Пушкин.

На Кавказе Пушкин интересуется грузинскими песнями и в своем путешествии в Арзрум приводит прозаический перевод одной из них.

Как мы уже говорили, в „Капитанской дочке“ Пушкин вкладывает в уста Пугачева калмыцкую сказку. Во всех своих многочисленных и разнообразных странствиях Пушкин с особенным вниманием наблюдает и изучает нравы и национальные особенности народов, с которыми ему приходится встречаться, и везде, где это только возможно знакомится с их поэзией.

Пушкин, использующий в своей работе до 16 языков, великолепно знал литературу не только европейских стран, но и восточную, и следы его углубленного знакомства с народной поэзией народов всего мира мы ощущаем в его творчестве. Достаточно вспомнить „Песни западных славян“ — памятник интереса Пушкина к фольклору балканских славян, его переводы из Мицкевича и литовских поэтов, его испанские и шотландские песни, его „Подражания корану“ и т. д.

Эта интернациональная широта интересов Пушкина, его глубокое уважение к творческим силам всех народов мира, его признание и утверждение права этих народов на национальное самоопределение и на сохранение своей культуры одна из характернейших особенностей пушкинского гения.

Нельзя не вспомнить речь Пушкина, прочитанную им 18 января 1836 г. в Академии Наук и известную под именем „Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной.“

Возражая Лобанову, яростно нападающему на революционную Францию, „упавшую в омут душевного и умственного разврата“ (слова Лобанова), Пушкин говорит:

„Спрашиваю, можно ли на целый народ изрекать такую страшную анафему. Народ, который произвел Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монтескье, — который и ныне гордится Шатобрианом и Балланшем“...

Поэт, как эхо, откликающийся на все, что волнует человеческое сердце, на все, что его радует и печалит, поэт, верящий в творческие силы своего народа и народов мира, поэт в великолепной народной поэзии черпающий материал для своих замыслов,— вот творческий идеал Пушкина.

.
„Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены.
То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Во след Бовы иль Еруслана.“

Друг Пушкина П. А. Вяземский в Саратовской области

„Ты не племянник Анны Львовны,
Покойной тетюшки моей,
Мой дядюшка не дядя твой,
Писатель вежливый, тонкий, острый,
Но, милый—музы наши сестры
Итак, ты все же братец мой“.

(Из письма к П. А. Вяземскому А. С. Пушкин 1825 г.)

Вяземский, крупный поэт и литературный критик пушкинской поры, принадлежал к старинной феодальной знати, неуклонно оскудевавшей по мере роста и укрепления централизованного самодержавно-бюрократического строя.

В XVIII веке среди родовой аристократии отмечается рост оппозиционных настроений. Эти настроения перешли и в XIX век, может быть, как пережиточное явление. В значительной мере эти настроения ассимилировались с движением декабристов. В данной ситуации и определяются своеобразные позиции Вяземского в первой трети XIX века.

Вяземский был интимно дружен с А. С. Пушкиным. Их объединяла несомненно общая политическая платформа и общие позиции в литературной борьбе с литературными врагами (Полевым, Булгариным). Чувство дружбы пронесли оба поэта через всю свою жизнь. Пушкин через свою яркую, краткую, Вяземский через долгую, ставшую под конец серой и однообразной. Он прожил 86 лет.

Вяземский впервые познакомился с Пушкиным в 1816 году, когда Александр Сергеевич был еще в лицее, но был уже известен, как поэт. Вяземский посетил Пушкина-лицейца 16 марта 1816 года вместе с Карамзиным, своим родственником и В. Л. Пушкиным — дядей А. С. Пушкина. Последний раз Вяземский видел Пушкина, когда тяжелая крышка гроба закрывала поэта. В знак глубокой привязанности Вяземский положил в гроб Пушкина свои перчатки... „В этом видели что-то подозрительное и к кому-то враждебное“ (А. И. Тургенев, из письма к брату 28/II 1837 г.)

Пушкин доверял Вяземскому свои глубокие тайны. Известно, что Пушкин читал Вяземскому X главу „Евгения Онегина“, глубоко запрят-

танную от злобещего ока царского правительства. Вяземский один из первых признал значение ранних произведений Пушкина. В 20-х годах он написал несколько статей о Пушкине, разъясняя читателям еще непривычную романтическую поэму. В своем личном творчестве Вяземский пользовался поэзией Пушкина как образом большой красоты и изящества.

„Все в ней молодо, так живо,
Так не похоже на других,
Так поэтически игриво,
Как Пушкина веселый стих.“

„Простоволосая головка“, 1828 г.

В свою очередь у Пушкина имеется около 10 стихотворений в виде дружеских посланий к Вяземскому. Нередко Пушкин использует стихи Вяземского в своем творчестве. Наибольшей интенсивности и, пожалуй, интимности переписка Пушкина с Вяземским достигает к концу 30-х годов — как раз к тому периоду, к которому относятся наши наблюдения, стоящие в центре внимания настоящей статьи. Пушкин был дружен с женой Вяземского, Верой Федоровной. Их дружба возникла еще в Одессе, где жил ссыльный поэт и куда приехала княгиня Вяземская со своими двумя детьми для лечения. Она пишет своему мужу:

— „Я даю твои письма Пушкину, который всегда смеется как сумасшедший. Я начинаю дружески любить его. Думаю, что он добр, но ум его ожесточен несчастиями. Он мне выказывает дружбу, которая меня чрезвычайно трогает“ (Остафьевский архив. V, вып. II, 121—123 стр.). Она часто пишет о Пушкине своему мужу. К ней первой явился взволнованный Пушкин, когда узнал с своей высылке в Михайловское. Она была „посаженной матерью“ на свадьбе Пушкина. Она ухаживала за ним до последних минут в дни после дуэли.

Княгиня В. Ф. Вяземская, урожденная княжна Гагарина, жила некоторое время в Саратовской области. Ее муж П. А. Вяземский тоже жил здесь с некоторыми перерывами в период с 1828 по 1829 год. Мать В. Ф. Вяземской вторично вышла замуж за Кологривова П. А. — владельца с. Мещерского Сердобского уезда Саратовской губернии. В этом имении Кологривова и жил некоторое время со своим семейством Вяземский. Он выехал в Мещерское 12 октября 1827 г., пробыл здесь до весны 1828 г., выехав в Пензу. Весной 1828 г. Вяземский приехал в Петербург и одновременно с Пушкиным подал просьбу Бенкендорфу о назначении его в действующую армию по гражданской части, но так же, как и Пушкин, получил отказ. После этого он опять возвращается в Мещерское и живет здесь лето. Во второй половине сентября он уехал в Остафьево — свое подмосковное имение, а с октября уже опять живет в Мещерском.

1829 год Вяземский живет в Мещерском и работает над переводом романа Бенжамена Константа „Адольф“. В конце 1829 года Вяземский выезжает из Мещерского в Москву.

П А Вяземский.

Следом этого пребывания Вяземского в Саратовской области являются некоторые его стихи и переписка. Наиболее интересной для нас является переписка его с А. И. Тургеневым, И. И. Дмитриевым и А. С. Пушкиным.

Эти материалы Вяземского — переписка его и творчество — проливают свет не только на вопросы творчества самого Вяземского, но они косвенно рисуют и культурную жизнь такой провинции, как Саратовская губерния.

Князь Вяземский был для отдаленной провинции весьма значительной фигурой, и его, видимо, всюду охотно принимали. Мы узнаем, что он бывал в среде саратовского дворянства, пензенского и тамбовского (Сердобский уезд лежал как раз на границе с этими губерниями). Косвенно мы узнаем о популярности или, по крайней мере, значительной известности среди этого дворянства имени поэта А. Пушкина.

Село Мещерское, как мы уже сказали, принадлежало Петру Александровичу Кологривову, второму супругу матери В. Ф. Вяземской. Это одно из самых старых сел Саратовской области. Оно известно уже в 1700 году. * К П. А. Кологривову оно попало в начале XIX века от Головина А. В. В саратовском областном музее хранится летопись села Мещерского, судя по которой можно сделать вывод, что помещик Кологривов был большой самодур, человек, грубый, жестокий и властный, к тому же имевший любовь к тяжбам. Село Мещерское было им перехвачено не совсем законным путем из рук законных наследников. Сведения, полученные из других источников, подтверждают такую характеристику. Сам П. А. Вяземский подчеркивает в письме к Дмитриеву от 7 апреля 1823 г. любовь Кологривова к тяжбам. „Я благословлял бы от чистого сердца мое житье-бытье на гостеприимной почве, которою божьей милостью владеет П. А. Кологривов, еще не возвратившийся из своей тяжебной поездки, угрожающей мне и вам на возвратном пути чтением новых записок à la Beaumarchais“. Намек на жестокость и грубость Кологривова виден в каламбуре Вяземского в письме его к Пушкину. ** „Я говорю que je suis dans la Saratovie petrée (до Петра Александровича Кологривова)“. В несколько ином свете представляется жена Кологривова, Прасковья Юрьевна, мать В. Ф. Вяземской. Так уже упоминаемая неопубликованная летопись села Мещерского говорит про нее: „Она только могла укрощать такого „льва злоехидного“, который порол людей...“ Вообще супруга Кологривова П. Ю. рисуется как женщина мягкая (нельзя, конечно, в этом противопоставлении не учесть очевидного влияния „литературной“ традиции, обычно рисующей „добросердечную барыню“ в противовес жестокому барину.

Сердобский уезд был уездом типично барским, помещичьим, по преимуществу мелкопоместным. Кологривов имел 12 тысяч душ крепостных в разных губерниях и около 20 тысяч десятин земли в Сер-

* Ю. А. Кузнецова. К истории колонизации Сердобского уезда. Труды Н.-В. Областного научного общества краеведения, вып. 35, часть 2, Саратов 1928 г.

** Письмо от 26 июля 1823 г. Мещерское.

добском уезде. Это делало его заметной фигурой на помещичьем фоне Саратовской губернии и особенно Сердобского уезда. Таковы были владельцы села Мецкерского.

Село Мецкерское, по словам Ф. Ф. Вигеля, * большое, „... было у него (Кологривова) обширное поместье на 3 версты растянутое. В нем было около 1000 душ крепостных обоого пола“. Село было с церковью и барской усадьбой. По словам Вигеля, усадьба была построена зимой 1812—13 гг. При селе в усадьбе имелась суконная фабрика. Дочь Вяземского Мария писала отцу из Мецкерского: „Мы были почти на всех фабриках“.

Необходимо сказать несколько слов о том дворянском обществе, в котором вращался Вяземский, приезжая в Мецкерское. В своих письмах он упоминает ряд имен и фамилий, с которыми он поддерживал связь и знакомство. В первую очередь надо отметить Бекетова. „В нашем соседстве есть Бекетов, двоюродный брат Солнцева, добрый и образованный человек“. Этого Бекетова упоминает в своих записках Ф. Ф. Вигель. Бекетов имел приличное состояние, его мать была урожденная Солнцева А. М. Помещик Бекетов жил, надо полагать, в селе Бекетове Пензенской губернии, находившемся верстах в 30—40 от Мецкерского. Он участвовал в войне 1812 г. и последующих заграничных походах.

Бывает Вяземский в гостях у Сабурова. В письмах он упоминает некую Пелагею Николаевну Всеволожскую, урожденную Клушину. С ней он познакомился, повидимому, в Пензе. В письме к Пушкину Вяземский рисует ее стихотворный портрет и просит для нее у Пушкина стихов в альбом. Упоминается Вигель, родственник Ф. Ф. Вигеля, автора известных записок. Но, несомненно, самые серьезные связи Вяземского — это с Кривцовым. „Кривцовы живут в деревне на неопределенные времена, в нашем соседстве, т. е. по степному верст около ста; но мы видимся изредка: это все таки хорошо, чтобы выполоскать себе рот свежими речами, а то засохнет во рту от домашних разговоров“. ** Кривцов Николай Иванович был в составе русского посольства в Лондоне, затем был нижегородским губернатором. С 9 апреля 1827 года по отчислении его от данной должности, он поселился в имении своей жены в с. Любичи, Тамбовской губернии Кирсановского уезда и создал там для себя комфортабельные условия жизни. Он слыл в свое время вольнодумцем и был известен своею образованностью. Он был дружен с Пушкиным. Пушкин посвятил ему несколько стихов. Кроме этого, Вяземский бывает в Пензе. Мецкерское отстоит от Пензы верст на 100. Приглашая к себе Пушкина, он говорил о том, что можно недели на две поехать в Пензу. Вот тот круг, в котором вращался Вяземский во время своего пребывания в Мецкерском.

Что же представляло собою в это время саратовское „общество“ в интеллектуальном отношении?

* Записки Филиппа Филипповича Вигеля. Москва 1892 г., часть IV, стр. 72.

** Письмо Вяземского Тургеневу от 15 октября 1828 г.

С одной стороны Вяземский называет Саратовский край „la Saratovie petrée“. От Петра Александровича Кологривова, нам известно, что представлял собою Кологривов. Но с другой стороны он говорит: „Впрочем думаю, что у нас теперь в провинции можно жить: материальные ресурсы существуют, а интеллектуальных немногим менее, чем в Москве.“ * Однако не следует этого понимать в прямом смысле. Надо помнить о политических настроениях Вяземского в этот период. „Мне этого интеллектуального заточения не выдержать и того смотри, что экспарируюсь“, ** писал он, подразумевая заточение не в Мещерском, а в России вообще. „Неужели можно честному русскому быть русским в России?“

Для него вся Россия того времени очень низка в интеллектуальном отношении, и с этой точки зрения Мещерское мало чем отличается от Москвы. В этом смысле ему уединение и глушь были даже желательны, хотя он и боится, что „засохнет во рту от домашних разговоров“.

Чем же занят Вяземский в Мещерском? Литературные интересы у него на первом плане. Его письма полны ими. Он хорошо осведомлен, чем занят Пушкин, он в курсе дел всей русской литературы и даже информирует о ней А. И. Тургенева, находящегося в Париже. Он возмущается статьей французского журнала, дающей превратное понятие о русской литературе. В письме к И. И. Дмитриеву от 7 апреля 1829 г. он пишет: „Сюда только по „Северной пчеле“, „Московским ведомостям“ и „Галатее“ доходит до меня невнятный гул действий русского литературного мира. Других журналов не вижу, но довольно и этих, чтобы знать, что все еще дерутся“.

Любопытно отметить, какие вообще журналы получались в Саратовской губернии. Трудно сказать, были ли эти журналы выписаны Вяземским или они выписывались здесь независимо от его пребывания. Во всяком случае эти журналы доходили до нашего отдаленного угла. По своим позициям упоминаемые издания далеки от политических позиций и настроений Вяземского. „Северная пчела“ (1825—1857 гг.) — газета, издаваемая Булгариным, пользовалась монополией помещать политические известия. „Московские ведомости“ — московская газета, издаваемая с 1756 г. Московским университетом, и „Галатее“ — еженедельный журнал, издаваемый с 1829 г. Раичем. Журнал этот составлял правый фланг русской литературы. В связи со всем сказанным можно думать, что журналы эти выписывал не Вяземский. Интересно, что Вяземский, находясь в Саратовской губернии, имеет возможность знакомиться с некоторыми французскими изданиями. В том же письме к И. И. Дмитриеву он пишет: „По милости Ланского читаю „Jouipa“

* Письмо Вяземского Тургеневу 5 октября 1828 г.

** Там же.

de Debats“ * по счастливой находке получаю от соседа „Le Globe“ ** и нашел у себя несколько новостей прошлогодних, присланных мне Белизаром из Петербурга“. Для нас особенно интересно то, что журнал „le Globe“ нашелся у соседа, к сожалению, неизвестно только кто этот сосед. Может быть уже упомянутый Бекетов?

Весьма вероятно, что Вяземский мог получить эти журналы в с. Засецком (Покровском) у вдовы некоего Есипова, урожденной Мерлиной, находившейся в это время здесь. О ней сообщает ему жена в письме и характеризует ее как очень умную и культурную женщину, располагающую журналами и газетами. Село Засецкое находилось верстах в 30 от Мещерского.

Перечисленными названиями, повидимому, исчерпывались те журналы и газеты, которыми Вяземский, живя в Мещерском, мог располагать. Он просил в письме прислать ему „Невский альманах“ в Пензу, намереваясь вводить в краску пензенских барышень. (Он имел в виду изображение Татьяны в одной сорочке).

В Мещерском Вяземский получает ряд тяжелых для себя известий. Прежде всего известие о гибели Грибоедова. Оно произвело на него сильное впечатление. „Я так живо представляю себе пылкого Грибоедова, защищающегося от испуганных убийц, изнемогающего под их ударами. И тут есть что-то похожее на сказочный бред, ужасный и тяготительный“. *** Здесь же он получает известие о смерти поэта Нелединского (1752—1828 г.).

Вяземский был занят в Мещерском большой литературной работой. Он переводил роман Бенжамена Констан „Адольф“. „Я однако же избрал себе если не труд, то по крайней мере работу постоянную: перевожу роман В. Constant. ****. Этот роман весь истина. Это исторический курс сердца человеческого, или исследование некоторых его тайн“. ***** Этим романом и его переводом интересовался А. С. Пушкин. Недаром Вяземский посвящает свой перевод ему. Пушкин принял участие в предисловии к этому роману. В записке от 20 января 1831 г. он пишет: „Оставь Адольфа у меня—на днях перешлю тебе нужные замечания“ *****.

Окончательный перевод романа был закончен в 1831 г., но основная работа была проделана несомненно в Мещерском. Кроме этого Вяземский за 1828—1829 годы написал ряд стихов—всего несколько

* Journal de Debats основан в 1789 г. для обнародования протоколов законодательных собраний, с течением времени он сделался одним из влиятельнейших органов. В конце 20-х годов он был в оппозиции к правительству Карла X.

** Журнал основан в 1824 г. с целью распространения философских и эстетических идей. Во время спора классиков с романтиками стал на сторону последних. В последние годы правления Бурбонов пользовался большим влиянием.

*** Письмо к Дмитриеву И. И. от 7 апреля 1828 г.

**** Там же.

***** Там же.

***** Там же.

более тридцати. Часть из них определенно связана с Саратовской областью: или тем, что они написаны в Мещерском, или тем, что темами им послужили некоторые явления нашей области.

Стихотворение „На новый 1828 год“ написано в Мещерском.

„Друзья, вот вам из отдаленья
В стихах визитный мой билет“.

Испытав гонения за свои политические взгляды, Вяземский стал осторожен. Он пишет в этом стихотворении:

„Во мне еще живого много
И сердце полно через край,
Но опытность нас учит строго,
Иного про себя желай“.

Конкретные пожелания в части политического устройства у него очень туманны и уступают место пожеланиям — литературным. Только IX строфа провозглашает успехи просвещения как источника добра. Литературные пожелания любопытны. Вяземский желает Пушкину, Козлову и Баратынскому давать побольше стихов, а своим литературным врагам желает:

„А вам, поставщикам всех бредней
На мельницах поэм и од,
Дай, Муза, рифмою последней,
Вам захлебнуться в новый год!“

Это стихотворение было напечатано в 1828 г. в журнале „Русский зритель“ № 1.

„Простоволосая головка“ — стихотворение, посвященное одной знакомой Вяземского, жившей в нашей области, — П. Н. Всеволожской, урожденной Клушиной. Оно было послано из Мещерского 26 июля 1828 г. в письме к А. С. Пушкину.

Произведение „Зимние карикатуры“ состоит из четырех стихотворений: „Русская луна“, „Кибитка“, „Мягель“ и „Ухабы. Обозы“. В подзаголовке к этим стихотворениям указано: „Отрывки из журнала зимней поездки в степных губерниях 1828 г.“ Интересные бытовые детали дает стихотворение „Ухабы. Обозы“. По поводу этого стихотворения Пушкин писал в письме к Вяземскому от 21 января 1831 г. „Стихи твои — прелесть — не хочется мне отдать их в альманах; лучше отошлю их Дельвигу. Обозы, поросята и бригадир удивительно забавны“. Стихотворение „Станция“, вероятно, связано с поездкой в Мещерское. Живя в этом селе, Вяземский часто выезжал в Пензу и другие места. В этом стихотворении он вспоминает свои поездки в Польшу. Пушкин взял из него 20 стихов в примечании к XXXIV строфе 7-ой главы „Евгения Онегина“. Два стиха из этого же стихотворения Пушкин взял в качестве эпиграфа к повести „Станционный смотритель“, несколько изменив их. Вместо стихов Вяземского

„Когда губернский регистратор.
Почтовой станции диктатор“,

Пушкин дал

„Коллежский регистратор
Почтовой станции диктатор“.

В 1828 г. Вяземским было написано стихотворение „Русский бог“. В нем Вяземский ярко показал состояние России того времени и свое отношение к этой России. Мы не можем утверждать, что стихотворение „Русский бог“ написано в Мещерском, но мы должны определенно сказать, что пребывание его в такой глубокой провинции, как Саратовская губерния, дало ему богатейший материал для этого стихотворения и помогло нарисовать картину России не с фасада, а со стороны глубокого тыла. С этим стихотворением перекликается одна из строф X главы романа Пушкина „Евгений Онегин“.

„Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима или русский бог?“

Интересно сопоставить это стихотворение с письмом Вяземского к Тургеневу, написанным из Мещерского 15 октября 1828 г. „Русский патриотизм может заключаться в одной ненависти России, такой, как она нам представляется“. Это письмо помогает нам понять стихотворение, хотя в нем нет ни слова о нем. В бумагах К. Маркса сохранился перевод этого стихотворения на немецкий язык, сделанный специально для него. Это стихотворение опубликовано впервые Герценом за границей в сборнике „Русская потаенная литература“.

В стихотворении „Саловка“, посвященном М. Д. Ховриной, дается картина природы и настроений поэта, восхищенного этой природой. Саловка — один из населенных пунктов Саратовской губернии, теперь ж.-д. станция. Стихотворение напечатано в „Подснежнике“ 1829 г. Это стихотворение напечатано и в „Литературной газете“ за 1830 год № 3.

Таков в общих чертах тот поэтический багаж, какой Вяземский увез из нашего края.

Освещая вопрос о пребывании Вяземского в Мещерском, нельзя не упомянуть о некоторых фактах переписки его с Пушкиным. В письмах этого периода они обмениваются мнениями по поводу постоянных их невзгод. Вяземский получил здесь известие от Голицына о том, что Николай I запретил ему издавать газету (кстати сказать, Вяземский и не собирался издавать никакой газеты) и что царь обвиняет его в „развратном“ поведении. В этом Вяземский усмотрел козни своих литературных врагов (Булгарина). Возмущенный всем этим, Вяземский принимает меры к реабилитации. Здесь, в Мещерском он пишет свою „Исповедь“ и отсылает ее к царю через Жуковского в январе 1829 г. Отсюда он пишет несколько писем Голицыну (московскому генерал-губернатору). Настроения „Исповеди“ звучат и в стихотворении „К ним“, написанном в 1830 г., по поводу которого Вяземский получил интересные замечания от Пушкина. Вяземский обменивается с Пушкиным

мнениями по поводу обвинений, ему предъявленных. Пушкин ему в свою очередь сообщает об истории с Гаврилиадой. Вяземский приглашает Пушкина к себе в Мещерское, говоря, что отсюда можно съездить в Пензу. Пушкин же ему отвечает: „Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее, прямо, прямо на восток. Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец „Гаврилиада“.*

Любопытно отметить довольно широкую популярность Пушкина в нашем глухом тогда углу. Вяземский, приглашая Пушкина, сообщает ему: „Здесь тебе поклоняются и тебя обожают“. ** Видимо, это не одни слова. Он говорит, что некая Золотарева (о ней имеются любопытные сведения в записках Ф. Ф. Вигеля), сестра уже упомянутого Бекетова, знает наизусть все главы Евгения Онегина. В это время роман еще не был окончен. Вышли только некоторые главы. В Пензе прозвали Вигеля „мосье Финмуш“ по пушкинским стихам. Этот Вигель был влюблен в Пелагею Николаевну Всеволожскую, местную дворянку, и к нему применили стихи из VII главы „Евгения Онегина“ (строфа XLV)

„У Пелагси Николаевны
Все тот же друг мосье Финмуш“.

Вяземский говорит: „Я здешней публике обещался тебя показать. Дай мне похвастать твоей дружбой ко мне“. Упомянутый Бекетов острит по поводу стиха Пушкина „с „Благонамеренным“ в руках“. Вяземский отзывается восторженно об отношении провинции к поэту Пушкину. „В провинциях прелесть. Здесь только, как в древности, или в Китае поэт сохраняет свои первобытные права...“ ***

Таким образом, мы можем утверждать, что Пушкин был известен какой-то части саратовского дворянства. Надо полагать, что это была читающая, наиболее культурная его часть. Надо, конечно, учесть и то обстоятельство, что появление Вяземского, несомненно, подняло интерес к литературе и в частности к Пушкину, среди той части дворянства, с которой соприкасался Вяземский.

Заканчивая очерк, хочется высказать предположение, что наша область должна дать новые материалы не только по Вяземскому, но и по Пушкину, т. к. А. С. Пушкин вел переписку не только с самим Вяземским, но и с его женой. Залогом такой уверенности является то обстоятельство, что в 1920 г. фольклорная экспедиция Саратовского этнографического музея обнаружила в с. Мещерском случайно в крестьянской избе два портрета неизвестных помещиков (портреты рисованы карандашом — мужской и женский). Как оказалось, это портреты Вяземского и Вяземской, выполненные (как предполагают) рукою Кипренского.

* Письмо кн. Вяземскому 1 сентября 1828 г.

** Письмо к Пушкину 23 июня 1828 г.

*** Письмо к Пушкину 26 июля 1828 г.

Дети о Пушкине

Он был великим жизнелюбом. Чудесные его стихи покоряют непобедимой верой в жизнь, в человека, в прекрасное будущее народа. Могучей симфонией человеческой радости звучат они. „Я жить люблю, я жить хочу — писал он, — жить, чтобы радоваться и бороться, творить и „мыслить и страдать“, веря в торжество разума и справедливости.

С нежностью и надеждой думал он о поколениях будущего. О тех неизвестных, которые, он знал, обнажив головы, поднимут его поэзию, как неугасаемый светильник гения и человеческой мудрости, в устах которых по новому зазвучат его бессмертные слова.

„Младая жизнь“... как часто думал о ней поэт! И благословлял ее и верил, что сохранит она о нем добрую память.

„Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего“.

Грусть звучит в этом приветствии, с которым обращается поэт к молодой сосновой роще, к племени молодому, к росткам будущего. Но тихая эта грусть быстро сменяется мудрым спокойствием человека, уверенного в благодарной памяти потомков, вдохновляющегося вечностью и непобедимостью жизни.

А. С. Пушкин.

С гравюры Гейтмана, приложенной к изд.
„Кавказского пленника“ 1822 г.

„...Но пусть мой звук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо нас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.“

Его мечты осуществились. Нет, действительность оказалась ярче и прекраснее даже самых смелых мечтаний поэта. Тот величайший интерес к творчеству Пушкина, то прочувствованное уважение к его произведениям, та широчайшая известность гениальных его стихов среди многочисленных национальностей страны, с которыми приходит советский народ к столетию со дня гибели своего великого поэта, является лучшим венком для него. И в этот венок немало цветов, ярких и свежих, вплетено ребячьими руками.

Пушкинские стихи, музыкальные, легкие, чеканные звучат в классах, раздаются со школьной сцены, знакомыми строчками глядят с ярких плакатов. Ожили пушкинские герои. Во время каникул вокруг нарядных елок кружились Татьяны и Черноморы, Заремы и Донны Анны, и „Братья-разбойники“ гремели кандалами, и бесы со свистом носились по зале, и царь Салтан важно поправлял на голове бумажную корону. На многочисленных школьных вечерах маленькие зрители замирают от восторга, видя как Вася ловко изображает Моцарта и каким замечательным Сальери стал Симка. И зачарованно слушают чудную музыку Чайковского, и Римского-Корсакова, Глинки и Даргомыжского. В сочетании с музыкой стихи Пушкина становятся будто еще прекраснее, окончательно покоряя чуткие и отзывчивые детские сердца.

Пушкин—вот имя, которое в эти дни чаще всего раздается в школе. Вот кому посвящают дети свое творчество, вот кому приносят свой восторг и благодарность. Этим именем пестрят школьные стенные газеты, альбомы, плакаты, сборники. „Племя младое, незнакомое“, столетием отделенное от мрачной эпохи, во тьме которой одиноко светился гений Пушкина, протягивает руку поэту, преклоняясь перед бесценной сокровищницей его творчества.

Дети, школьники отзываются о произведениях Пушкина с трогательным уважением. Пушкина любят все. Можно смело сказать, что не найдется ни одного школьника, не читавшего его сказок, не знающего наизусть нескольких его произведений (помимо школьной программы, конечно).

За что любим Пушкина? Ответы на этот вопрос часто трогают своей немудреностью, искренностью. К. Зацепин (40-я средняя школа) долго не может подобрать подходящего слова для выражения своего отношения к стиху Пушкина, к его музыкальной рифме. „Когда читаешь его поэмы, язык как-то легко поворачивается“,—наконец, находитесь он.

— „Мне было семь лет, когда я начал читать Пушкина. С тех пор я полюбил стихи,—рассказывает школьник Широков, а сейчас я их начал понимать по-настоящему“.

Можно было бы привести сотни детских отзывов, в которых дети своеобразно, иногда наивно восторгаются пленительной силой пушкинского стиха, осознают прелесть и силу великого русского языка.

Но не только тем, что „слова Пушкина уж очень легко выговариваются“ — восторгаются дети. Советские дети прекрасно осознают, что произведения Пушкина помогают им познавать прошлое своей страны, изучать ее историю, нравы народа, его песни, его сказки. Об этой „необычайной широте и многогранности творчества Пушкина“ пишет ученик 7-го класса 21-й средней школы Ковальский в анкете, которую проводит среди своих читателей Центральная детская библиотека.

„Юбилей Пушкина является праздником социалистической культуры“ — в той же анкете пишет Аккерман (17-я средняя школа). И он печалится о безвременной гибели гениального поэта, который дорог ему „за чудные стихи, за прозу легкую, простую и захватывающую“.

Пушкин близок ребятам еще и величайшим своим гуманизмом, своим сочувствием к угнетенным, своим протестом против самодовольства, жестокости, тупости. „Мы очень все жалеем „Станционного смотрителя“ и ненавидим офицера, который увез Дуню“ пишет шестиклассница Лида Дубровская. С ней перекликаются ребята, любимыми героями которых являются Пугачев и Кочубей, Моцарт и Маша — капитанская дочка.

Эти отзывы, конечно, не раскрывают полностью отношения детей к Пушкину. Ответ на отвлеченные вопросы, вроде — „за что ты любишь Пушкина“ часто является для ребенка непосильным, непонятным, неинтересным. Дети мыслят образами. Потому созданные ими образы гораздо ярче, чем слова, отражают их настроения, чувства, переживания. И в многочисленных стихах и картинах, посвященных детьми Пушкину с большой убедительностью раскрывается и отношение к поэту, и то, какие произведения особенно увлекают ребят, и кто из героев Пушкина наиболее им дорог и близок.

В каждой школе, в каждом классе идет работа, для чужого глаза, может быть, и незаметная, но кропотливая и упорная. Маленькие художники, изоцряясь друг перед другом в выдумке, в изобразительных средствах, мастерят, лепят, рисуют, чертят. Это о Пушкине. Многочисленные экспонаты детского творчества, собранные в школах, показывают многообразие творчества поэта, огромную познавательную ценность его произведений для детей. Историю страны отразили маленькие художники, и быт деревни и города 30—40 гг., и характеры героев Пушкина, и народные предания, и сказки. Немало попыток, часто довольно удачных, передать в рисунке настроение лирических произведений.

Большое место в произведениях ребят занимает биографический материал. Портреты Пушкина. Их много, причем преобладает портрет Пушкина-юноши. Он тщательно выполнен карандашом и Комлевым (5-я образцовая школа), и Мизановым (4-я средняя школа) и другими школьниками. Немало копий с портретов Пушкина работы художников

Кипренского, Тропинина, Соколова. Среди этих работ особенно выделяется прекрасно сделанная Епифановым копия портрета Пушкина, написанного Кипренским.

Девятилетний Владя Барсуков вылепил бюст Пушкина. Нимало потрудился он над этой работой, и сколько восторга и изумления вызвало у второклассников превращение куса красной глины в знакомую голову с характерным лицом и курчавыми волосами.

Село Михайловское... Место ссылки поэта, место, где родилось столько замечательных его произведений, где старался найти он минутное забвение от козней тупой и враждебной столичной толпы—очень привлекает ребят.

„... Опальный домик,

Где жил я с бедной нянею моей“—особенно мил ребятам. Он изображен и в красках, и в карандаше, встречается графика. Много копий с известной картины Ге. И много портретов няни Пушкина—Арины Родионовны. Дети прекрасно знают, кем была для Пушкина эта „верная подруга бедной юности“ его.

... Няня рассказывает сказки Пушкину. Тускло мерцает на столе свеча, поблескивают спицы в неторопливых старческих руках, льется рассказ. Внимательно слушает Пушкин. И в голове его рождаются образы чудесных, так любимых ребятами, сказок...

Тщательно разрисовал эту картинку пятиклассник Балакин (29-я неполная средняя школа), большой любитель пушкинских сказок, хорошо выполнила ее Тиминская (5-й класс 5-й образцовой школы) и др.

Вот большая картина, исполненная маслом, семиклассника Иванова. Прекрасно она передает настроение грусти, тоски о минувшем.

„Вот холм лесистый, на котором часто
Я сживал недвижим и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...“

На эту же тему рисует и Фасбер (21-я средняя школа). Поэт скачет на коне по знакомым дорогам Михайловского. Вдали:

„... три сосны
Стоят—одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал.“

Подобных рисунков можно привести десятки. Иногда мастерски, иногда примитивно, но всегда с пониманием настроения, изображают дети ночные прогулки поэта. Понятно им, что гнало Пушкина из столицы, понятно, почему с такой тоской вспоминал он о няне.

Дети не могут пройти мимо дуэли Пушкина, не могут равнодушно отнестись к трагической гибели гениального поэта. Сцена дуэли занимает значительное место в творчестве детей.

Георгий Мошков в картине, исполненной масляными красками, изобразил момент, когда

„...пробил
часы урочные: поэт
роняет, молча, пистолет“.

Серое, тоскливое утро. По снежным сугробам раненого Пушкина ведут к саям. Страданием искажено его лицо — это рисунок Сидорского (21-я средняя школа). А пятиклассник Павкин изобразил, как уже раненый поэт, приподнявшийся на локте, стреляет в Дантеса.

Даже самых маленьких школьников захватывает сцена трагической смерти поэта, возбуждая негодование против „гвардейца“. Так называет Дантеса один ученик 3-го класса 21-й средней школы, написавший большое стихотворение „Дуэль“. Маленький поэт пренебрег всеми законами стихосложения, зато чувства свои выразил со всей силой. Он с тревогой говорит о том, что „крепко держит гвардеец пистолет“, и негодует и печалится и пытается найти хоть маленькое удовлетворение в том, что

„Собравши последние остатки сил
Пушкин выстрелил—и гвардейцу кость в руке раздробил“.

„И пал поэт от выстрела Дантеса
На снег сверкающий...“

пишет ученик 17-й неполной средней школы Тихон Абрамов в стихотворении, которое кончается словами:

„Имя славное поэта
Любить и помнить вечно будем мы“.

Среди детских рисунков, воспроизводящих отдельные произведения Пушкина, очень много иллюстраций к „Капитанской дочке“ и „Дубровскому“. Несколько портретов Пугачева, одного из особенно любимых детьми пушкинских героев, поражают верно схваченным выражением решимости, силы мужества, присущими этому вождю крестьянского восстания.

Ученик 6-го класса 31-й средней школы Орест Фаворский, характеризуя Пугачева, говорит: „Он вождь. Он смел и отважен. Он настойчиво стремится к намеченной цели, он великодушен“. Не достаточно ли этих качеств, чтобы взволновать каждого советского школьника?

В большом портрете Пугачева, исполненном учеником 31-й средней школы Устиновым, свойства характера, за которые любит Пугачева Фаворский, а с ним и все ребята, ярко подчеркнуты.

В 31-й средней школе несколько альбомов коллективных иллюстраций к „Капитанской дочке“. Здесь и общий вид Белогорской крепости, и сцены боя и „зрелище ужасное“: плывущий по реке плот с виселицей, и портреты Маши Мироновой.

Рисунки эти отличаются тщательностью, внимательным отношением к деталям. И в деревянном заборе, окружающем крепость, и в фигурах

стареньких инвалидов, и в костюмах офицеров, и в изображении Пугачева чувствуется понимание ребятами духа эпохи, идеи произведения.

Много детских работ посвящено повести „Дубровский“, причем, преобладает изображение одних и тех же сцен: Дубровский стреляет в медведя (Одинцов, Симченко), отряд Дубровского окружил карету князя Верейского (Карпов), Дубровский в лесу среди своих товарищей. Ученик 5-го класса 29-й неполной средней школы Щукин делает макет, изображающий лагерь Дубровского. Лес, костры, суровые, вооруженные люди...

Увлечение образом Дубровского тоже не случайно. Героизм и мужество, бесстрашие, помощь угнетенным, нежелание покориться жестокому самодуру—вот что привлекает ребят в Дубровском, вот что пытаются они передать своим творчеством.

Целая вереница пушкинских героев представлена в детских рисунках.

Вот „Братья-разбойники“, изображенные пятиклассником Карповым.

„Но уж на остров мы ступаем,
Оковы камнем разбиваем,
Друг с друга рвем клочки одежд,
Отягощенные водою...“

Вот целый альбом иллюстраций к „Бахчисарайскому фонтану“, выполненных ученицами 5-й образцовой школы Светлой, Оржевской, Сачковой. Гирей в своем роскошном дворце, жены его, которые „цветут в унылой тишине“. Зарема, Мария. Все это выполнено с величайшей тщательностью и любовью, с пониманием пушкинских характеров. Вот Борис Годунов, истерзанный своими мучительными видениями. Галя Зебрикова, чтобы лучше передать состояние Бориса, даже вереницу „мальчиков кровавых“ нарисовала. Вот „Арап Петра Великого“ Татьяна с няней, дуэль Онегина с Ленским, полтавский бой, встреча кудесника с вещим Олегом и т. д., и т. д.

Нет никакой возможности перечислить и малой доли детских работ, изображающих основных героев Пушкина. Одно можно сказать: никто не остался забытым. С одинаковой тщательностью иллюстрируются и крупные произведения, и лирические стихотворения, и сказки.

Кто из детей не знает неповторимо прекрасных стихов Пушкина о природе? Знаем и любим—отвечают за детей многочисленные пейзажи, нарисованные на мотивы пушкинских стихов.

„Октябрь уже наступил“ и „Гонимы вешними лучами“, „Деревня“ (5-я образцовая), парк в усадьбе Лариных с любимым уголком Татьяны (Дуров, 21-я средняя школа),—сколько таких рисунков? Но больше всего, пожалуй, „Зимы“. Это излюбленная тема учеников начальной школы. И на переднем плане везде, конечно, шалун с отмороженным пальчиком.

С большим чувством воспроизводят дети природу Кавказа, много иллюстраций к стихотворению „Кавказ“. Снежные горные вершины,

парящий над ними орел и мечтающий Пушкин—так рисует Павкин (21-я школа), на эту же тему сделаны графические рисунки в 5-й образцовой школе и в др.

Сказки Пушкина—какую богатейшую пищу дают они детской фантазии! И с каким интересом, с какой тщательностью создают ребята любимых героев пушкинских сказок, сказочных персонажей пушкинских поэм.

Сказки занимают главным образом младших школьников—учеников 3, 4, 5 классов. Они любят пушкинскую сказку, сравнительно недавно познакомились с ней, увлечены отдельными персонажами ее, и вот под руками такого любителя сказок оживает и Рыбак, и Балда обманувший чорта и Золотой Петушок, и царевна Лебедь.

Но велико обаяние пушкинской сказки и для более старших.

Вот рисунок ученицы 10-го класса Зебриковой. Пушкин в окружении своих сказочных героев. Здесь и ступа с Бабою-Ягой, и русалки, и лешие, и тридцать витязей прекрасных, и Руслан с Черномором, и много еще знакомых всем персонажей пушкинских сказок. Все это выполнено с большим вкусом, с огромным вниманием к сохранению русского сказочного стиля. Баба-Яга так уж Баба-Яга настоящая в ступе, с развевающимися космами. И блестящая кольчуга Руслана и витязей, и притаившийся, полный чудес, мрачный лес и „на неведомых дорожках следы невиданных зверей“—все это великолепно передает сказочный „русский дух“.

Чудесный мир народного творчества открывает детям Пушкин. И как этот мир захватывает детей!

На большом листе фанеры стоит терем с узорчатой крышей, нарядным крыльцом. Оконца терема открыты и видна горница. „Лавки, крытые ковром“, стол дубовый. Терем обступили со всех сторон огромные сосны.

„Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, кляукой
Отгоняя пса.“

Фанера, картон, цветная бумага и пестрые лоскуты оказались прекрасным материалом в руках пятиклассника 29-й неполной средней школы Сидорского. „Встреча Царевны с Чернавкой“ называется этот макет. Выполнен он любовно и аккуратно. Маленький художник решил не отступать от сказки „О мертвой царевне“ даже в мелочах. Он и внутренность терема разделал, и пес у него „лесного зверя злей“, и поза царевны говорит о том, что никак она с крыльца сойти не может.

„Пес ей под ноги—я лает.
И к старухе же пускает.“

А вот работа маленького скульптора 5-й образцовой школы Барсукова (2-й класс).

„Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объаты;
Храпит, качая шлем пернатый“.

Поэма „Руслан и Людмила“, вообще, в творчестве ребят наша большое отражение. Особенно, очевидно, нравится бой Руслана с Черномором. Этой сцене посвящено множество рисунков (Офицеров, Широков, Хопров, Рыбакова и др.). Изображен везде один и тот же момент:

„Уже колдун под облаками;
На бороде герой висит;
Летят над мрачными лесами,
Летят над дикими горами,
Летят над бездною морской“.

Вьется по ветру огромная борода Черномора, грозно нахмурил брови Руслан, гневно машет он мечом и будто говорит своему врагу: ...быть тебе без бороды!“

Полностью почти проиллюстрирована „Сказка о царе Салтане“. Каких только нет рисунков! Вот „Три девицы под окном“ нарядной светлицы прядут (рис. Тамары Филипповой), вот „ветер по морю гуляет“ — плывет флотилия царя Салтана (Баркова, Васильев), „Белка песенки поет и орешки все грызет“ (Аптицменова—21-я ср. школа. Перова—3-й класс 5-й образцовой, Сидоров и др.).

Десятки рисунков изображают лебедь белую, Гвидона и мать его, выходящих из бочки, корабельщиков, рассказывающих царю Салтану про заморские чудеса. Рисунки исполнены красками, и краски подобраны очень хорошо. Яркие, жизнерадостные, они замечательно передают такие же яркие, певучие, так понятные детям стихи. По синему-синему морю весело бегут кораблики или плывет белоснежная лебедь (Аптицменова), а третьеклассница Перова так нарисовала белку, что чувствуется веселая белка, песенки поет.

Ребятам не чуждо чувство юмора, им понятна звучащая в сказках Пушкина насмешка над глупым чортом, которого обманывал Балда, над злыми сестрами жены царя Салтана. Ткачиху, поварику, сватью бабу Бабарику изобразил Юра Семенов. Лица у трех завистниц злые, безобразные. А ткачиха с изуродованным опухшим глазом: укусил ее Гвидон, который мухой вьется вокруг.

Вяча Ляшков составил целый альбом иллюстраций к „Сказке о золотом петушке“. Ярко зарисовано царство царя Дадона, которое охраняет „петушок с высокой спицы“. Неблагодарного царя Дадона мальчик постарался изобразить смешным и жалким, а воевод—тупыми и самодовольными.

Много карикатур на старуху из „Сказки о рыбаке и рыбке“. В рисунках Раи Сачковой, Семенова, Щукина—старуха—воплощение жадности,

сварливости, глупости. Злобно бранит она бедного рыбака, требуя от золотой рыбки все большего.

Хорошо изображен Балда, смысленный, хитрый и глуповатый, обманутый чертенок. С рисунка ученицы 4-го класса Рыбаковой смотрит растерянный, недоумевающий чертенок, усмеяется умный Балда.

Нашли свое место в творчестве детей и эпиграммы Пушкина. Вот несколько иллюстраций к ним ученика 10-го класса Вадима Иванова. С-большим мастерством и вкусом сделаны эти рисунки. Олицетворением тупости, невежества, благочестивого лицемерия, жестокости—всего, что душило гений Пушкина, представлены вершители судеб России 20—30 гг.

Князь Воронцов-Дашков, „полумилорд, полукупец“. Архимандрит Фотий. Из-под монашеского клобука сверкают хищные, жуликоватые глаза. Благочестивое выражение лица не может скрыть жестокости и лживости этого „полуфанатика, полуплута“.

„Властитель слабый и лукавый.

Плешивый щеголь—Александр I, и, наконец, „всей России притеснитель“—граф Аракчеев. Тупое бульдожье лицо царского солдафона, маленькие, жестокие без признаков мысли глазки—все это как нельзя лучше характеризует „преданного без лести“. Детям понятна трагедия Пушкина, задохавшегося в душных стенах солдатской казармы, в которую была превращена Аракчеевым Россия.

Дети не только рисуют, лепят Пушкина и его героев, не только пишут стихи о нем. В каждой школе организованы пушкинские уголки. Возьмем, к примеру, 21-ю среднюю школу. Плакаты, отражающие биографию Пушкина, картины художников к произведениям Пушкина, газетные статьи и стихи о Пушкине, картограммы мест, где жил Пушкин, куда он ссылался и т. д.

Все материалы нужно разыскать, подобрать, склеить, художественно оформить, надписать и т. д. И это делают дети. Делают тщательно и любовно, соревнуясь друг с другом в способности найти редкий портрет поэта, интересный рисунок, в уменьи составить аннотацию к критической статье, к художественному произведению Пушкина.

Пушкину посвящено множество детских стихотворений. Зачастую они беспомощны и наивны как произведение того третьеклассника, которое уже приводилось. Часто это совершенно очевидное подражание Пушкину. Но всегда стихи искренни, всегда насыщены глубоким чувством уважения и любви к памяти великого поэта. „Велик твой гений и теперь“—пишет Шухров.

„Мы не расстанемся с тобой,
Великий гений, дорогой,
Мы будем чтить тебя всегда,
Ты не умолкнешь никогда“

обращается к Пушкину двенадцатилетний Володя Беспрозванный.

С сочувствием и пониманием пишут маленькие советские граждане,

прекрасно знающие такие стихотворения, как „Послание в Сибирь“, „К Чаадаеву“ и др. о революционных настроениях Пушкина.

„В твоей душе жила надежда
Разбить гнет власти роковой“

говорится в стихотворении одной девочки.

„Ты ждал ее, как воин ждет
Победы над врагом коварным
Ты предсказал—она придет“

пишет ученик 6-го класса 31-й неполной средней школы Амеджанов.

И неминуемо каждое стихотворение кончается сегодняшним днем „Его нет. Он погиб безвременно, не дождавшись расцвета свободы и мысли, о которых мечтал. Пришла иная жизнь, другой стала страна, и мы „племя младое“, счастливые дети страны, приветствуем любимого поэта“ таков, примерно, смысл концовок большинства, посвященных Пушкину стихов.

„Она пришла и расцвела
Заря пленительного счастья“

кончает свое стихотворение Амеджанов.

— Года прошли, сбылись мечты поэта,—пишет Е. Вейс (25-я неполная средняя школа).

Большое стихотворение ее заканчивается так:

„Друзей он в нашем поколении обрел...“

Да, друзей. Благодарных и почтительных, с детства умеющих ценить и понимать великое литературное наследие своего народа, творчество лучших его поэтов.

Пушкин и массовый читатель

Библиологический очерк

С первого взгляда это может показаться странным, но это так: Пушкин—популярнейший и любимейший поэт народов СССР—совсем не был популярнейшим и любимейшим поэтом царской России.

Пушкина всегда знала и любила читательская верхушка дореволюционной России, но широким читательским массам он не был доступен.

При попытке выяснить причины этого явления—развертывается очень, в сущности, жуткая картина минувшего читательского быта, лишь смутно, понаслышке известного молодому советскому читателю.

I

В 1892 году Л. Н. Толстого спросили, кто, по его мнению, самый знаменитый, любимый и читаемый писатель в России.

Толстой ответил:

— Матвей Комаров.

Интеллигенцией того времени этот ответ воспринимался, как неуместная шутка.

Дело же было в том, что Толстой имел в виду всю читательскую массу в целом, в то время, как обычно читателем („настоящим“ читателем) считался жидкий верхний слой интеллигенции на огромной толще многомиллионного неграмотного населения Российской империи.

Читательская верхушка М. Комарова не знала. Но М. Комаров был, пожалуй, лучшим из того, что знали и любили широкие читательские массы.

Крепостной писатель XVIII века, биография которого до нас не дошла, Матвей Комаров был автором лубочных (вернее—долубочных) „английского милорда Георга, маркграфини Фредерики—Луизы“, „славного мошенника и вора Ваньки-Каина, французского мошенника Картуша“ и многого другого.

Сторонниками придворной литературы, обслуживавшей узкую прослойку культурного дворянства, „комаровские „милорды“ тщательно

отграничивались от „высокой“ литературы и крепко вгонялись в литературу лубочную.

Непрерывно искажаемые и опошляемые, они крепко, миллионами экземпляров, вращались в „широкого“ читателя и (вопреки мечтаниям Некрасова, что мужик не милорда глупого, а Белинского и Гоголя с базара понесет) благополучно дожили в виде 3-копеечных лубков до 1917 года. Но впрочем, не дольше.

Создателя их, М. Комарова, уже не помнили. Да и конкуренция с другими лубочными авторами ему уже стала не под силу.

Кто же стал самым любимым и самым читаемым писателем начала XX века?

Я назвал бы еще более неожиданное имя:

— Кукель.

Его биография тоже неизвестна, да и никому не нужна. Это, в своем роде, сборное имя, нечто вроде могилы неизвестного солдата на лубочном фронте.

Им написано, думаю, не менее тысячи повестей и рассказов. Плодовитость, превосходящая Боборыкина и уступающая только Дюма.

У Кукеля две особенности:

Во-первых, у него нет лучших и худших вещей. Они все равны по качеству, хотя и разнообразны по приемам. У него есть и свои варианты старинных „милорда“ и „протупей-прапорщика“ и реминисценции из классиков, вроде „турецкого пленника“ (по „Кавказскому пленнику“ Толстого) и исторические повести, где Вальтер-Скотт и Купер откровенно пересажены на русскую почву, и беллетристические обработки отечественных тем от подвигов Василия Рябова и Козьмы Крючкова до похождения сыщика И. Д. Путилина.

Во-вторых, все его произведения делятся на повести в 96 страниц (ценою в 10 коп.) и рассказы в 32 страницы (ценою в 3 коп.). Иных листажей у него нет.

В течение многих лет он поставлял (с регулярностью законтрактванного фельетониста) И. Д. Сытину свою продукцию, рассчитанную на стандартные размеры лубочных книжек. И даже не на каждой из них отмечалось:

— „Повесть (или рассказ) Кукеля.“

Но книжки Кукеля (и многих других Кукелей) в подлинно миллионных количествах растекались по окраинным лавчонкам, уездным базарам и коробам офеней.

„Широкий“ русский читатель (предок нашего колхозника и стахановца) до самой революции любил Кукелей. Пушкин до него если и доходил, то только в тех же стандартных лубках с сомнительными текстами, изданными многочисленными Сытиными, Холмушиными, Сазоновыми, наряду с песенниками, оракулами, сонниками, магиями и письменниками.

Это далеко не случайно.

II

Каково было состояние книжного рынка современного Пушкину периода—начала XIX века?

По свидетельству Карамзина, в Москве было две книжных лавки с оборотом по 5 тыс. р. ассигнациями в год, т. е. с дневной выручкой в 12—15 руб. Небольшая книжка стоила тогда 3—5 руб.

Москва покупала 5—6 книг в день!

Значительно сдвинул книжное дело книгоиздатель Н. И. Новиков. В Москве стало 20 лавок с общим годовым оборотом в 200 тыс. руб. ассигнациями. Впервые открылись книжные лавки в провинции. Но после ссылки Новикова книжная торговля снова заглохла—вплоть до 20-х годов, когда она начала заметно развиваться, особенно в Петербурге.

Что покупалось? Переводная литература (во главе с потрясающими романами А. Радклиф) и мистическая литература (Эккартсгаузен, „Ключ к тайнам природы“ и пр.). Батюшков, Жуковский, Дмитриев—залеживались на полках и шли за полцены и дешевле. („В Москве можно купить за 100 р. книг на 500 руб.“—писал Белинский уже в 1829 году).

Кто покупал? Это станет ясным из следующих цифр:

Предметы первой необходимости были дешевы (мясо 11—12 к. фунт, коровье масло 42 к. ф., пшеничная мука 3 р. 75 к. пуд и т. д.). Но небольшая книга стоила 10 р., кресло в театре—5 р. (ложе до 20 руб.), билет в концерт—10 руб.

Среднее месячное жалованье чиновника не превышало 60—80 руб. А гоголевский Акакий Акакиевич получал 33 рубля и вряд ли смог бы купить хоть одну книгу в год. О ремесленнике, о крестьянине говорить вообще не приходится.

Вот обстановка, в которую пришел Пушкин.

III

В то время писатель не мог жить литературным трудом. Издавать книги было выгодно (номинал в десять раз превышал себестоимость), но наживался лишь издатель.

Уже отмирала эпоха придворного меценатства, но в российских законах еще не было понятия „авторское право“ (его постепенно выработали на практике Пушкин и Смирдин).

Все это заставило Пушкина издавать свои первые книги на собственный риск или с помощью друзей (Гнедич, Вяземский и др.).

„Руслан и Людмила“ стоила 10 р. (на веленовой бумаге 15 р.), „Кавказский пленник“—5 р. (на веленовой бумаге 7 р.), а „Евгений Онегин“ издавался отдельными главами (по мере написания), маленькими книжечками ценою по 5 руб., т. е. весь „Онегин“ обходился в 40 руб.

Правда, Пушкин печатался в журналах, но журналы стоили от 20 до 50 руб. в год (данные по Гессену: „Книгоиздатель А. Пушкин“).

Уже работала знаменитая смирдинская библиотека, но плата за пользование книгами была 5 руб. в месяц, а с новыми журналами 8 руб. в месяц (данные по книге Гриц и др.: „Словесность и коммерция“).

Налицо был лишь, что называется, узкий круг читателя.

Несмотря на огромный успех своих книг, Пушкин все же боялся дать завод (тираж) более обычных 1200 экземпляров.

Интересна судьба основанного Пушкиным журнала „Современник“. В переписке Грота с Плетневым имеется указание, что „уже в 40-х годах он печатался всего в 600.экземплярах, из которых расходилось 200, так что издание было явно убыточным“.

Здесь количество переходит в качество. Если, например, в 1910 году в 10-тысячном тираже Павленковского однотомника Пушкина читательская верхушка и демократический читатель соотносились все же как 8:2, то в тысячных тиражах прижизненных изданий Пушкина это отношение было 10:0.

Массовому читателю Пушкин был абсолютно недоступен. А на языках нацменьшинств не было не только типографии, но подчас и алфавитов.

И если Пушкин писал (в „Памятнике“), что его назовет всяк сущий в России язык до тунгуса и калмыка включительно, то осуществиться это могло лишь после Октябрьской революции.

И причины этому были не только экономические, но и политические: в расчеты литературной политики царской России популярность „вольнолюбивого“ автора, да еще среди нацменьшинств, совершенно не входила.

IV

Во второй половине XIX века собрания сочинений Пушкина (изд. Анненкова, Исакова, Комарова, Литфонда и Поливанова), как и отдельные произведения, редко превышали обычные тиражи в 2—3 тыс. экз. и широкому читателю доступны все еще не были.

Первые попытки сделать Пушкина народным достоянием были сделаны, к сожалению, лубком.

Лубочные картинки с текстом не раз использовали песни Пушкина („Под вечер осени ненастной“ и др.), но часто без указания автора.

Лубочная литература, уже доводившая тиражи до 10 тыс. и цены до 3 к. печ. лист, но качественно спускавшаяся от Матвея Комарова до Кукеля—иногда частично захватывала и классиков. Таким образом, 5—6 вещей Пушкина (главным образом сказки) уже попадали на рабочие окраины, в уезд и село.

Но спрос на Ершовского „Конька-горбунка“ был неизмеримо выше, чем на Пушкина.

С другой стороны, цензура была к классикам тем строже, чем более массовым было издание.

Так, с трудом, урезанный, с неряшливыми текстами, подчас на бытлочной бумаге (а в изд. Сазонова даже на пипифаксе) Пушкин пробивал себе дорогу в массы.

V

А было это в то время, когда Россия уже готовилась к 100-летию со дня рождения Пушкина (1899 г.).

Внешне юбилей Пушкина выглядел парадно, даже массово. Ему старались придать вид всенародного праздника и часто цитировали „Памятник“.

Но юбилей поэта и не мог быть всенародным праздником в стране, в которой излишняя грамотность считалась опасным явлением для существующего порядка. Не случайно этот юбилей постарались использовать для извращения облика юбиляра, выставлением его борцом за „чистое“, аполитичное искусство. Таким его старались показать и в популярных юбилейных брошюрах, изданных „для народа“ тиражом в 10 тысяч... в стране с 140-миллионным населением на 22 миллионах квадратных километров!

Я не буду говорить ни о юбилейном академическом полном собрании сочинения Пушкина (осталось неоконченным); ни о Венгеровском 6-томнике (Брокгауза и Ефрона, 1907—1915), ни о Суворинском 8-томнике, т. к. эти издания, при всех своих положительных качествах, не имеют никакого отношения к массовости.

Какие же сдвиги внесли юбилейные и последующие годы в дело широкой популяризации Пушкина?

Можно отметить лишь два крупных положительных в этом смысле явления:

Во-первых, увеличение тиражей однотомников (изд. Павленкова, Панафидиной, Маркса, Вольфа, Сытина) до цифры, впрочем редко превышающей те же 5 тысяч экз. каждый. Правда, переиздания требовались не скоро, но большие тиражи позволяли доводить цену до 2 руб. и даже до 1 р. 25 к.

Во-вторых, выпуск дешевых „пушкинских библиотечек“ (6 ч. тех же издателей) из 20—40 названий каждая, в которых цены на отдельные мелкие поэмы и повести доходили до 3 и 2 копеек, а весь „Евгений Онегин“ (120 стран.) стоил 20—25 коп.

Эти два начинания были подлинно большим делом популяризации классиков (наряду с Пушкиным, но в меньшем масштабе, так же изда ны Лермонтов, Гоголь и др.).

В частности, эти библиотечки были частью прототипом, частью имитацией первых массовых начинаний в России: суворинской „дешевой библиотеки“ (классики, античная лит. и пр.) и „Универсальной библиотеки“ изд. „Польза“ В. Антик (выпуск в 80—100 стр. в 16-ю долю л. стоил 10 к.), специализировавшейся на переводной литературе и лишь с 1915 г. включившей и русскую серию, в том числе 3—5 названий Пушкина.

Но весь курьез в том, что и эти самые „массовые“ желтенькие книжечки, заполнившие все станционные книжные киоски и имевшиеся в „каждом“ доме—имели предельный тираж большей частью все те же 10 тыс. экз.

Самый дешевый полный (в 10 томиках) Пушкин в издании суворинской „дешевой библиотеки“—полуторарублевый!—был выпущен в таком же тираже.

Это было большим событием на книжном фронте. 10-томник брался с бою. Но лишь в повторных изданиях Суворин решился, наконец, на 15-тысячный тираж.

Дело было в том, что дальше города и глубже интеллигенции эти книги все же не шли.

На остальных просторах царской России свирепствовал все тот же лубок, окончательно испошлавшийся и растерявший последние остатки мнимой народности во время войны 1914—1915 г., когда „доблесть Козьмы Крючкова“ и „зверства наглых тевтонов“ победили даже Бову и Конька-Горбунка.

Даже „полные собрания сочинений Пушкина“ и др. классиков доходили в село и рабочие семьи в тех же искалеченных, слепых (на толстой газетной, на этот раз, бумаге: для солидности) изданиях Холмушина, Сазонова, Коновалова, Губанова, Морозова и др. лубочников.

Даже И. Д. Сытин, выпустивший немало хороших изданий для интеллигенции, не нашел возможным изменить обычный стандарт лубочных изданий, выпуская свою продукцию для села.

VI

Это было умилительным российским явлением начала 20-го (как-никак) века!

Опрятные и грамотные книжки, независимо от цены, „в народе не шли“. Им не доверяли—по давней привычке к родному лубку.

Когда издательство „посредник“ И. Горбунова-Посадова (подлинно культурное дело, материально поддержанное тем же Сытиным), выпустило многотиражную серию „книг для народа“, то оно поневоле должно было прибегнуть к некоторой мимикрии, печатая книжки параллельно в двух стандартах (один из них—имитация лубочного).

Только в этом издании Пушкин, наряду с Толстым и Чеховым, дошел в приемлемом виде до массового читателя. Но лубка не победила. „Посредник“ занимал не более 1 проц. в лубочном ассортименте.

Пушкинские же библиотечки и однотомники имели распространение лишь „в семье и школе“. Но „семья“ понималась, в крайнем случае, как полубуржуазная, а в городской школе процент пролетарских и крестьянских детей был крайне низок.

Подлинный массовый читатель завоеван так и не был. А интеллигентный читатель? В 1913 году Аверченко (я не говорю о Вербицкой) вдвое превышал пушкинские тиражи.

„Сыщицкая“ литература—десятеро.

VII

А „семейные журналы с классиками“?

О них нельзя не сказать. Иллюстрированные еженедельники занимали по тиражам место между книгой и газетой.

„Нива“ к 1914 году достигла неестественного для царской России тиража в 500 тысяч экз. За ней шли: „Родина“ (150 т.), „Север“ (50 тыс.). Основное их „бесплатное“ приложение заключалось, обычно, в 52 книгах классиков.

Многие причины, в том числе—отсутствие в уездных городах книжных магазинов, „стабильность“ мелкобуржуазной семьи, как и стабильность уездной жизни, а главное, небывалая, ввиду многотиражности, дешевизна (52 книги в 7—9 тыс. страниц плюс комплект самого журнала за 8 руб. в год при рассрочке по 2 руб. в каждые 3 месяца) привели к тому, что 9/10 всех провинциальных домашних библиотек имели основой приложения к „Ниве“.

„Нива“ сделала больше, чем хотела: в глазах подписчиков каждый „приложенный“ автор сразу делался классиком (в их число по оплошности попали и Шиллер-Михайлов, и И. Ф. Горбунов, и П. Д. Боборыкин).

Таким образом, данный приложением к „Ниве“ полный Пушкин впервые появился бы в полумиллионном тираже...

Если бы.

Но у „Нивы“ Пушкин так в классики и не попал. Пушкину вообще не везло в журналах. Даже в год юбилея (1899) его дал приложением один только малотиражный журнал: „Народное благо“. И еще во время империалистической войны его дала приложением „Всемирная панорама“, но в буквально халтурном издании. Это все.

На это были свои причины.

Оказывается, Пушкин не был достаточно рентабельным (неинтересным для рекламы). Пушкина считалось слишком много в продаже—„он и без того—в каждой семье“. Это были слова самого издателя „Нивы“.

VIII

Сколько же, в таком случае, издано Пушкина?

Для сравнения с советскими изданиями, я приведу цифры по пятилетиям:

с 1837 (смерть Пушкина) по 1841 г.—общий тираж 20 тыс. экз. С 1860 по 1864 г.—150 т. экз., с 1899 (100-летний юбилей) по 1904 г.—1 миллион экз., с 1907 по 1911 г.—3 млн., с 1912 по 1916 г. (империалистическая война)—2 млн., с 1918 по 1922 г. (гражданская война)—1 млн., с 1923 по 1927 г.—2 млн., с 1928 по 1932 г.—4 млн. и с 1928 по 1937 г.—15 млн. экз. (1937 г.—по плану).

Выпуск сочинений Пушкина на языках национальностей по пятилетиям:

с 1899 по 1904 г.—6 тыс., с 1912 по 1916 г.—17 тыс., с 1918 г. по пятилетиям последовательно: 12, 18, 40 тыс. и 2 миллиона.

В 1937 г. Пушкин выпускается в СССР более чем на 50 языках, в том числе—на аварском, ассирийском, дарчинском, кара-калпакском, кылыманском (корякском), лакском, луораветланском (чукотском), мансийском (вогульском), нанайском, ненецком (самоедском), нивском, таджикском, татском, узбекском, удмуртском, хантыйском (остячком), цыганском, эвенкском (мамутском и тунгусском), якутском и многих других.

Одно это „сухое“ перечисление—не может не волновать. Ведь большинство этих национальностей не имело никакой литературы (кроме зачатков устной) и даже их печатные алфавиты созданы лишь после Октябрьской революции.

Большинство пушкинских произведений на этих языках будут иллюстрированы рисунками таких художников, как Бенуа, Кустодиев, Нестеров, Врубель и др.

С такими данными мы подходим к 100-летию со дня смерти Пушкина.

При сравнении цифр надо учитывать, что дореволюционные тиражи полностью покрывали читательскую потребность. Советские тиражи последних лет сильно сжаты из-за недостатка бумаги. И что в советских библиотеках эффективность книги выше, чем в дореволюционных.

За один только четвертый квартал 1936 г. выпущено более 3 миллионов пушкинской литературы (из них более 2 млн. сочинений Пушкина). Но в магазинах их нет. И даже нет впечатления, что Пушкин есть в каждом доме, как это казалось в 1913 году. Потому что читатель Пушкина сегодня—не верхушка интеллигенции, а все население СССР.

На 1937 г. запланировано 13 млн. пушкинской литературы (сочинений Пушкина—свыше 10 млн.). В том числе полные собрания сочинений: 12-томное в 100 тыс. экз., 6-томное в 200 тыс., однотомник в 500 тыс. экз., а отдельные произведения доходят до 2—3-миллионных тиражей.

В книжном мире это—небывалое явление. Наибольшие тиражи изданий Гете в Германии достигали 25 тыс. экз., Байрона в Англии—20 тыс. Но это были цифры, которые удивляли.

Нас пушкинские тиражи даже не удивляют. Ведь это для 170-миллионного населения социалистической страны!

Потребность в Пушкине в юбилейные годы удовлетворена не будет даже этими тринадцатью миллионами экземпляров. Того положения, когда вы, как в 1913 году, в любом магазине, в любое время найдете любое издание Пушкина—мы добьемся, во всяком случае, не в ближайшие годы.

Но сегодняшние тиражи уже значат, что только теперь, после Октябрьской революции, Пушкин дошел до подлинно широких читательских масс. Вернее—только теперь массы получили возможность узнать и полюбить его.

И только сегодняшней юбилей, в отличие от юбилея 1899 г., станет по-настоящему всенародным праздником.

В 1911 году один французский журналист привел, как курьез, разговор с русским крестьянином, который на вопрос, знает ли он Пушкина, ответил:

— „Нет, барин, это, должно, не нашей волости“.

Не знаю, найдется ли теперь даже не слишком уж передовой колхозник, который не знал бы, кто такой Пушкин.

А это возможно лишь в стране высокой социалистической культуры.

СОБРАНІЕ ДИЕТИКЪВЪ,

ЛІТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАЕМЫЙ

АЛЕКСАНДРОМЪ УЗЯРИНИЧЪМЪ.

ГОДА ВЕРБЕНІЯ

САНИТЕЛЕВЪИЧЪ.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

1883.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

СТАХОТВОРЕНІЯ.

	Стр.
1. Синоду послѣ изгнанія изъ Троицы (В. Т.)	32
VII.	34
VIII.	35.
VIII.	36.
VII.	37.
VII.	38
VIII. Личныя впечатлѣнія	41.
VIII.	41.
2. Ко впадо П. А. Иванченкоу, <i>F. Вуковича</i>	41.
3. Мокрина ода (Синѣ Пискарской)	42.
4. Предсказаніе . <i>I. Мухоморова</i>	43.
5. Углы и паркъ въ Кіевѣ.	43.
6. Пляска въ С вѣтѣ Кіевѣ	44.

Продол.

1. Записки Аларкова.	4
2. Калитинская дорога.	46.
3. Вспомнѣніе на Лазарьева Свѣта	47.
4. Искандеръ.	48.
5. Письмо къ Свѣтланѣ	49.
6. Очеркъ о жизни	50.
7. Очеркъ о жизни	51.
8. Очеркъ о жизни	52.
9. Очеркъ о жизни	53.
10. Очеркъ о жизни	54.
11. Очеркъ о жизни	55.
12. Очеркъ о жизни	56.
13. Очеркъ о жизни	57.
14. Очеркъ о жизни	58.
15. Очеркъ о жизни	59.
16. Очеркъ о жизни	60.
17. Очеркъ о жизни	61.
18. Очеркъ о жизни	62.
19. Очеркъ о жизни	63.
20. Очеркъ о жизни	64.
21. Очеркъ о жизни	65.
22. Очеркъ о жизни	66.
23. Очеркъ о жизни	67.
24. Очеркъ о жизни	68.
25. Очеркъ о жизни	69.
26. Очеркъ о жизни	70.
27. Очеркъ о жизни	71.
28. Очеркъ о жизни	72.
29. Очеркъ о жизни	73.
30. Очеркъ о жизни	74.
31. Очеркъ о жизни	75.
32. Очеркъ о жизни	76.
33. Очеркъ о жизни	77.
34. Очеркъ о жизни	78.
35. Очеркъ о жизни	79.
36. Очеркъ о жизни	80.
37. Очеркъ о жизни	81.
38. Очеркъ о жизни	82.
39. Очеркъ о жизни	83.
40. Очеркъ о жизни	84.
41. Очеркъ о жизни	85.
42. Очеркъ о жизни	86.
43. Очеркъ о жизни	87.
44. Очеркъ о жизни	88.
45. Очеркъ о жизни	89.
46. Очеркъ о жизни	90.
47. Очеркъ о жизни	91.
48. Очеркъ о жизни	92.
49. Очеркъ о жизни	93.
50. Очеркъ о жизни	94.
51. Очеркъ о жизни	95.
52. Очеркъ о жизни	96.
53. Очеркъ о жизни	97.
54. Очеркъ о жизни	98.
55. Очеркъ о жизни	99.
56. Очеркъ о жизни	100.

Л. А. Фин.

П. В. Анненков, первый издатель и биограф Пушкина

По неизданным материалам отдела рукописей и редких книг научной библиотеки
Государственного университета им. Н.Г. Чернышевского в Саратове.

Павлу Васильевичу Анненкову принадлежит почетное место в пушкиноведении. За ним остается имя первого биографа Пушкина и издателя его сочинений, подошедшего к этой гигантской задаче с более или менее научными методами. Связанный личными отношениями с Гоголем, Тургеневым и рядом других крупных писателей 40—50-х годов, П. В. Анненков до своих работ над Пушкиным был литератором не профессионалом, а любителем, и издателем Пушкина сделался по воле случая.

К концу сороковых годов очень неудовлетворительное по качеству посмертное издание Пушкина стало библиографической редкостью. Его можно было достать только у букинистов и за очень большие деньги. Это обстоятельство побудило вдову Пушкина подумать о переиздании полного собрания сочинений Пушкина.

В поисках подходящего издателя Ланские остановились на брате Павла Васильевича, Иване Васильевиче Анненкове, человеке им близко знакомом, служившем в одном полку с генералом Ланским. Отношение И. В. Анненкова к литературе ограничивалось четырехтомной историей полка, в котором он служил. Но, повидимому, по мнению Ланских, это делало его достаточно подготовленным для такой сложной и ответственной работы, как издание полного собрания сочинений Пушкина. Их интересовало переиздание сочинений великого поэта только как коммерческое предприятие, которое должно было обеспечить материальное положение детей Пушкина, и Анненков был удобен, как „свой человек“, на которого можно положиться.

В большой работе Б. Л. Модзалевского „Работы П. В. Анненкова о Пушкине“ (Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Прибой. 1929. Ленинград) частично опубликована переписка братьев Анненковых по поводу этого издания. Право издания полного собрания сочинений Пушкина было куплено И. В. Анненковым поразительно дешево: за 5000 руб. и притом в долг.

После подписания договора, И. В. Анненков получил в свое полное распоряжение все бумаги и рукописи покойного поэта. Эти бумаги хранились в двух сундуках, и нам, дорожающим каждой строчкой Пушкина, каждым его словом, делается жутко при мысли о таком варварском обращении с архивом величайшего поэта России. Прибавим, что по окончании работы, некоторые из пушкинских автографов так и остались в руках Анненкова, и далеко не все из них дошли до последующих издателей.

Очень скоро И. В. Анненков убедился в невозможности справиться с этой громадной работой своими собственными силами, так как помимо чисто технической работы по изданию, необходимо было дать хоть самые краткие, но все же комментарии к пушкинским текстам и нечто вроде его биографии. Ивану Васильевичу был необходим помощник, и таким помощником, по его мнению, должен был сделаться его брат Павел Васильевич. Переговоры между братьями продолжаются довольно долго, причем главный аргумент Ивана Васильевича против предоставления этой работы постороннему человеку таков: „зачем же эту сумму отваливать другому, когда ты можешь это сделать“. Уговоры эти продолжались с апреля 1852 г., и только письмо от 26 августа показывает, что Павел Васильевич согласился с доводами брата. Но П. В. Анненков начинал работу уже не как помощник, а совершенно самостоятельно.

Работа по изданию велась в нескольких направлениях. Прежде всего шел вопрос о самом тексте, о том, как следовало издавать Пушкина, что положить в основу издания и как быть с материалом, который по тем или иным соображениям не попал в посмертное собрание сочинений 1838 г. Не имея опыта в таком сложном деле, как издание полного собрания сочинений, П. В. Анненков должен был учиться в самом процессе работы. Совершенно естественно, что при отсутствии навыка и должного опыта, и при грандиозности поставленной задачи, ошибки и небрежности были неизбежны. Тем не менее П. В. Анненков с честью вышел из положения и дал, правда, не безупречное, но все же первое критически проверенное издание Пушкина и положил начало научному пушкиноведению.

Не менее сложно обстояло дело с биографией поэта, которая в то время вовсе отсутствовала. В пятидесятых годах, когда Анненков приступил к своей работе над Пушкиным, были еще живы ближайшие родственники поэта и его друзья. П. В. Анненков широко использовал метод непосредственных бесед с ними, причем совершенно несомненно, что ряд собранных таким образом данных он в свою биографию не включил. Ряд материалов остался неиспользованным из-за цензурных соображений, но не мало было выпущено, чтобы не задеть „семейных тайн“. Наконец, нет никакого сомнения, что Анненков не включил ряд материалов потому, что они не соответствовали тому образу Пушкина, который своей биографией стремился воссоздать Анненков.

И совершенно несомненно, что именно эта часть материалов была бы особенно ценной для нас, подходящих к образу Пушкина, великого протестанта и бойца, совершенно с других позиций.

Оставшиеся в живых друзья Пушкина — Плетнев, кн. Вяземский и другие деятельно помогали Анненкову своими воспоминаниями и советами, но все же надо признать, что даже эти ближайшие друзья недостаточно серьезно отнеслись к своей задаче.

Как известно, самой ценной для нас является именно фактическая сторона работы Анненкова. Примененный им метод собирания сведений от людей, близко и непосредственно знавших Пушкина, и тщательная проверка всех приводимых фактов делают его труд необходимым подспорьем для всех, кто хочет поподробнее ознакомиться с деталями жизни Пушкина.

Как следует из переписки Анненкова с И. Тургеневым (Модзалевский, цит.), работа была закончена 20 июля 1853 г. и поступила в цензуру. Тут начались совершенно невероятные мытарства, несмотря на все предосторожности, принятые Анненковым. В связи с этим интересно такое признание Анненкова Погодину: „Что в молодости и кончине есть пропуски — не удивляйтесь. Многие даже из того, что уже напечатано и известно публике, не вошло и отдано в жертву, для того, чтобы по крайней мере внутреннюю творческую жизнь поэта сберечь целиком“ (Барсуков. Жизнь и труды Погодина, кн. XIV, стр. 170).

Особенное беспокойство вызывали у Анненкова последние месяцы жизни Пушкина. Совершенно несомненно, что Анненков, при его исключительной осведомленности знал очень много о Пушкинской дуэли того, что осталось неизвестным последующим биографам Пушкина. Вот что читаем в его письме Тургеневу (12 октября 1852 г., Модзалевский, цит., стр. 292): „Третий месяц живу один одинешенек в деревне и недоумеваю, что делать. Он в столице, он женат, он уважаем и потом вдруг он убит. Сказать нечего, а сказать следовало бы, да ничего в голову не лезет. И так и сяк обходишь, а в результате выходит одно: издавал Современник и участвовал в библиотеке... Есть кой какие факты, но плавают они в пошлости“. И прекрасно понимая, почему Анненкову „нечего сказать“, Тургенев советует ему закончить свою работу рассказом Жуковского о смерти Пушкина, прибавляя: „лучше отбить ноги статуе, чем сделать крошечные не по росту“. История цензурных мытарств Анненкова подробно изложена им в его статье „Любопытная тяжба“ (П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 г. СПб. Издание Суворина, 1892 г.).

Только 7 октября 1854 г. было получено разрешение Николая на печатанье Анненковского труда, с очень характерной резолюцией: „Согласен, но в точности исполнить, не допуская отнюдь неуместных замечаний или прибавок редактора“.

После этого разрешения работа пошла, наконец, в набор, и в Месяцеслове на 1855 г. появилось объявление о приеме подписки на сочи-

нения А. С. Пушкина под редакцией П. В. Анненкова. Издание предполагалось в шести томах, причем первые три тома редактор обещал выпустить в марте, а остальные — в течение лета 1855 г. Весь первый том посвящен биографии Пушкина и скромно назван Анненковым „А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений“ Некоторое реальное представление о размерах цензурных урезок дает то обстоятельство, что в 1857 г., когда цензурный гнет несколько смягчился, Анненков смог выпустить целый том пушкинских текстов (седьмой).

Прибавим, что „Пушкин“ П. В. Анненкова имел громадный успех у современников и рассматривался, как первое культурное издание европейского типа. Кроме того, это была первая после смерти Пушкина попытка произнести вслух имя Пушкина, показать, что русская литература не забыла великих заслуг Пушкина и свято хранит пушкинские традиции, несмотря на весь страшный гнет николаевского режима. „Предприятие Анненкова“, пишет А. Н. Пыпин (В. Ев., март 1892 г., стр. 301—344. П. В. Анненков и его друзья, стр. 303): „было особенно ценно в обстоятельствах, среди которых жила тогда наша литература. Обстоятельства были очень мало благоприятные. Окруженная тяжелым недоверием и подозрениями литература едва хранила нить преданий сороковых годов, и издание Пушкина приобрело цену нравственного одобрения; это было притом не только напоминание, но в значительной степени и реставрация писателя, который для русской критики 40-х годов был величайшим явлением русской литературы и залогом ее будущего. Труд Анненкова был первый в своем роде опыт исследования внешней и внутренней биографии писателя, история его содержания и способов творчества. Позднее, когда подобные изыскания установились и размножились вообще историко-литературный материал, не трудно было указать недосмотры и ошибки в работе Анненкова; забывают только, что в подобных случаях чрезвычайно важно и особенно трудно бывает именно начало“.

Подробную сводку высказываний современников по поводу работы Анненкова дает в уже неоднократно цитированной работе Б. Л. Модзалевский.

Первые нападки на Анненкова и обвинения его в небрежном использовании драгоценных пушкинских материалов были сделаны Ефремовым в 1880 г. а позднее Якушкиным, который писал, что Анненков „пренебрег значительно, большею частью бывшего у него в руках материала“.

Несомненно, недостаточная полнота Анненковского „Пушкина“, помимо цензурных притеснений и недостаточной подготовленности самого Анненкова, о чем мы уже говорили, могла в какой-то мере зависеть от некоторой небрежности в работе. Об этом очень ясно говорит следующее письмо другого брата Анненкова, Федора Васильевича, П. В. Анненкову от 21 апреля 1852 г., когда он еще не приступил вплотную к работе над Пушкиным: „Ванюша (И. В. Анненков)

роется... в бумагах Пушкина и нашел очень и очень много хороших вещей, как для сведения, так и для печати, что тобою без внимания были пропущены, — и твоя ленность и самоуверенность была тому причиной, что не до основания были просмотрены все рукописи“.

Обращает внимание разделение материалов: „для сведенья“ и „для печати“. Этому правилу, как мы уже говорили, строго следовал и сам П. В. Анненков. И поскольку подход Анненкова нас не может удовлетворить, нас будет интересовать каждая такая выпущенная Анненковым в печати строчка. А если мы вспомним, что никто из последующих редакторов и биографов Пушкина не имел в руках такого драгоценного подлинного материала, которым располагал П. В. Анненков, то для современного исследователя будут исключительно интересны все материалы, которые могут дать представление и о том, как работал Анненков над Пушкиным, и о том, что имелось в его распоряжении. Думается, что в этом плане представляют ценность и материалы рукописного отдела университетской библиотеки Саратова.

В отделе рукописей и редких книг этой библиотеки имеются следующие материалы из Шляпкинского Архива, непосредственно связанные с работами Анненкова над Пушкиным. Это, во-первых, толстая тетрадь — черновик работы Анненкова по изданию пушкинской прозы, затем черновые листки 1866 г., озаглавленные Шляпкиным „Ответ Анненкова на критику“, и наконец несколько листков: „цензурные урезки из сочинений А. С. Пушкина“. Документы личного порядка, несколько писем братьев Анненковых, не содержащих ничего интересного в литературно-общественном отношении, и несколько деловых бумаг мы намеренно оставляем в стороне.

Обратимся прежде всего к тетради — черновику. Это толстая тетрадь нелинованной желтоватой бумаги, без водяных знаков. Размеры тетради 33,8 × 21 см. Тетрадь переплетена в бумажный переплет с кожаными корешком. На первой странице чернилами, рукой Шляпкина:

П. В. Анненков

ЧЕРНОВАЯ ЕГО РАБОТ О ПУШКИНЕ

Ниже более мелко: Поправки к сочинениям А. С. П. в издании Анненкова, сделанные по оригиналам Рум. музея. Проза. ср. у Якушкина, Рус. Старина 1884.

В верхней части листа печать библиотеки Сар. Ун-та, внизу, круглая печать библиотеки Шляпкина.

Всего в этой тетради 164 листа, которые заполнены далеко не целиком.

Вся книга писана карандашом, рукой Анненкова, за исключением одного листа, писанного повидимому переписчиком.

Рукопись имеет поля в 5,7 см шириной; ими пользуется Анненков для своих примечаний.

Как явствует из заглавия, тетрадь посвящена исключительно прозе. Но надо сказать, что заглавие дано Шляпкиным неудачно. Неясность

вносит „Поправки к сочинениям А. С. П. и пр.“. Создается впечатление, что эта тетрадь посвящена именно поправкам, тогда как на самом деле это черновая работы Анненкова по подготовке к печати пушкинской прозы. Повидимому эту строчку о поправках следует понимать, как заметку Шляпкина для себя о том, где следует искать материал для сличения текстов Анненкова.

Внимательное изучение этой тетради совершенно ясно показывает, что, готовя полное собрание сочинений Пушкина, Анненков исходил из посмертного издания 1838 г. и затем дополнял его частью рукописным материалом из „сундуков“ Ланской, частью же выборками из старых журналов.

Например, на первом же листе вверху читаем: „Т. XI—91“. В заглавии сказано „последний из родственников Иоанны д'Арк у Пушкина из свойственников“.

Эти две строчки нетрудно расшифровать, если взять в руки XI том посмертного издания Пушкина и раскрыть его на 91-й странице, где и напечатан отрывок „Последний из родственников Иоанны д'Арк“.

Интересно, что ошибка издания 1838 г. была повторена последующими издателями Пушкина; например, в издании Лит. фонда все еще читаем „родственников“. Таких примеров можно назвать очень много и везде это указание: сначала на том посмертного издания (римская цифра), а затем на страницу (арабская).

Совершенно несомненно широкое использование старых журналов, ссылки на которые очень часто встречаются в тетради Анненкова. Например, под цитированной выше заметкой идут две зачеркнутые строчки: „В сочинениях Пушкина пропущена статья Российская Академия, бывшая в печати в Совр.“, т. е. в издании 1838 г. выпущена статья, напечатанная при жизни Пушкина в его журнале Современник. На полях против этой заметки стоит нотабене и рукой Анненкова „переписать“. Так как переписывал не сам Анненков, а переписчики, то очень возможно, что работу они производили механически, отсюда и ошибки, которые впоследствии ставили в вину Анненкову.

Два листа Анненковской тетради заняты перечислением старых журналов, в которых были напечатаны некоторые статьи или отрывки из произведений Пушкина. Приводим этот перечень полностью:

КРАЕВСКОГО ТЕТРАДЬ

Северные цветы 1828 (205)	Отрывки из писем мысли и замечания*
Северные цветы 1830 1828	Отрывки из литературных летописей.
Сто русских литераторов 1839	Распри между двумя известными журналистами и т. п.
	Одна глава из неоконченного романа: Гости съезжались на дачу. Зала наполнялась дамами и мужчинами, приехавшими одновременно из театра.....

* На полях приписка Анненкова: „выпущено“.

Телескоп 1831 (135)	Торжество дружбы или оправданный А. А. Орлов.
Телескоп (412)	Несколько слов о мизинце...
Современник кн. 3.	Мнение Лобанова.
Современник кн. 3.	Об истории Пугачевского бунта.
где было напечатано?	О гр. Сталь и о Г. А. М-ве. Из всех сочинений г. Сталь книга Дельфина....
где было напечатано?	О предисловии г. Лемонте к переводу басен Крылова. Письма к Погодину.
В Москвитянинах	Разбор Марфы посадицы.
Северные цветы 1826	Отрывок из письма Пушкина к Д. Из Азии переехали мы в Европу..
Литературная газета 1830 (14)	Разбор Иллиады
Литературная газета (39)	Об выходе записок Самсона
там же (98)	Про одного из московских журналистов
там же (31)	Об лит. Газ. и об истории Полевого
там же (96)	История Полевого.
там же (98)	Англия есть отечество карикатуры.
там же (129)	В третьем номере Мос. Вест.
там же (161)	В 39 № Сев. Пчелы.
там же (293)	С некоторых пор журналисты наши упрекают писателей.
1830 там же (72) № 46	Новые выходы против так называемой литературной аристократии.
там же № 51	Об истории русского народа 2 части.
там же № 53, 139 стр.	Горестно видеть, что некоторые критики.
там же № 54, 147	На сих днях г. Ф. Б.

Приведенная выписка является лишним подтверждением свидетельства Л. Майкова о том, что „в бумагах Анненкова сохранились целые тетради его выписок и извлечений из журналов... (из Вестника Европы, Московского Телеграфа, Московского Вестника, Атенея, Телескопа и т. д.)“ (Л. Майков. Пушкин СПб. 1899). Повидимому тетрадь, имеющаяся в саратовской университетской библиотеке, одна из первых черновых тетрадей Анненкова, где он просто подбирал сырой материал и такую сводку журналов сделал для удобства. Обращает внимание первая строчка „Краевского тетрадь“. Судя по расположению ее в рукописи в середине страницы, как бы заглавие всего списка, эта фраза относится ко всему перечню старых журналов, полностью приводимому нами. К сожалению, в литературе никаких указаний на существование тетради Краевского нам найти не удалось. Не исключена возможность, что Краевский, тесно связанный с литераторами 40-х годов, издатель крупных журналов, сам журналист, мог собирать какие-то материалы о Пушкине и что этими материалами он поделился с Анненковым. Но,

конечно, это только гипотеза. Может быть в еще неопубликованной переписке братьев Анненковых, хранящейся в Музее Русской Литературы в Ленинграде, и найдется какой-нибудь ключ к этим словам, а вместе с тем найдутся и какие-нибудь неизвестные материалы о Пушкине.

Еще одним доказательством того, что Анненков исходил именно из печатного текста, а затем уже дополнял его выборками из пушкинских рукописей, является следующая запись. В тетради Анненкова на листе 3 читаем: „При статье Байрона есть лист переводу одного из произведений Байрона“, и после этого замечания идет самый перевод. Несмотря на то, что Анненков нашел этот любопытный перевод Пушкина, он почему-то решил его в свое издание не включать и на полях приведенной заметки написано „не нужно“. Интересно, что последующие дореволюционные издатели Пушкина также нередко следовали этой традиции, хотя Якушкин в своем капитальном описании Пушкинских рукописей приводит и этот отрывок, правда, неполностью. Весь текст полностью приводится впервые в монументальном труде М. А. Цявловского, Т. Г. Зенгер и Л. Модзалевского „Рукой Пушкина“, 1935, Academia, Москва, в разделе „переводы“.

В общем, выписка Анненкова почти буквально совпадает с транскрипцией, сделанной Т. Г. Зенгер в „Рукой Пушкина“. Все же поскольку перевод этот мало известен и книгу „Рукой Пушкина“ тоже видели немногие, привожу этот перевод из Байрона полностью, в том виде, как он записан у Анненкова:

„Ни в краях по коим я странствовал и где красота издавна почиталась совершенством; ни в видениях по коим сердце вздыхает, сожалея, что они пустые грезы; ничего тебе подобного не явилось мне ни во сне, ни на яву.

Тщетно захотел бы я описать изменчивые и блестящие твои прелести.

Для того, кто тебя не видал слова мои были бы слабы; для того, кто тебя видел, какая речь может их выразить.

Останься век та же что ты теперь, достойная обещаний весны твоей, прекрасна видом, сердцем горяча и беспорочна, образ на земле бескрылой любви, необманчивая перед воображением надежды и верно та, которая с такой нежностью бережет юность свою, видит в минутном ее сиянии небесную радугу будущих ее годов, перед которой все печали исчезают.

Юная пери Запада! Простишь ли что мои года почти вдвое превышают твои лета, бесстрастный взор мой может тебя видеть не смущаясь и безопасно глядеть на блеск твоей расцветающей красоты.

Счастливы уж я, что не увижу ее увядания; но счастливее тем, что пока молодые сердца истекать будут кровью, мое избежит участь назначенную тобой даже и тому, чье удивление хоть восторжествует, но смешанное с муками, определенными самым счастливейшим часам любви.

О пусть блещут эти очи, дикие как у газели, то ярко смелые, то прекрасно стыдливые; увлекательные, когда сверкают, ослепляющие, когда недвижные.

Не откажи моему стиху той улыбки, о которой тщетно вздыхал бы я, если бы мог быть для тебя более нежели другом. Милая дева, дозвожь мне награду сияю. Не спрашивай зачем столь молодому созданию я посвящаю песни мои, но дай мне вплести в мой венок одну чистой-шую лилию.

Так имя твое, вплетенное в мои стихи, и когда дружеский взор читателя упадет на страницы Гарольда, имя Ианфы здесь освященное, первое встретит его, когда последнее будет забыто. Дни мои единожды сочтены; когда не станет меня, пусть это давнее приношение привлечет персты твои к лире того, кто некогда приветствовал тебя любезною какоюю была. Вот все, чего желаю для своей памяти, более нежели держу надеяться; но дружба может ли менее требовать“.

Этот перевод является неотделанным переводом посвящения поэмы Байрона „Паломничества Чайльд Гарольда“. Как пишет Т. Г. Зенгер, повидимому перевод сделан в 1836 г. Несмотря на то, что перевод сделан вчерне, местами он поразительно удачен. Вообще вопрос о Пушкине-переводчике заслуживает серьезного изучения и еще ждет своего исследователя.

Нельзя не отметить почти полного совпадения между транскрипцией Анненкова и транскрипцией современных пушкинистов. Останавливаюсь на этом факте, как на доказательстве серьезного подхода Анненкова к изучению рукописей, если только он находил это нужным. К сожалению, последнее было не всегда, и Анненков слишком верил изданию 1838 г. или же просто физически был не в состоянии справиться с такой грандиозной задачей, как проверка всего пушкинского наследства по рукописям.

Зная внимание, с которым читал и изучал Пушкинские рукописи Анненков, хотя повидимому он не всегда мог воспользоваться плодами своей работы, мне думается, следует с большим вниманием относиться к Анненковским черновикам, в которых он делал выписки из источников, для нас зачастую уже недоступных. Расхождение в одном слове или в порядке следования нескольких слов могут объясняться разницей в транскрипции, или даже небрежностью. Но когда в Анненковской тетради находишь целые абзацы, не попавшие в печать, их нельзя обойти молчанием.

Как известно, по первоначальному замыслу поэта, Предисловие к „Путешествию в Арзрум“ должно было быть гораздо длиннее, чем мы видим в печатных изданиях. Это сокращение сделал сам Пушкин, так как цензура разрешила все вступление целиком. Приводим для сличения с Анненковской записью текст выпущенного Пушкиным отрывка по последнему изданию Пушкина под редакцией Б. Томашевского (Ленинград, 1936, изд. Худ. Литература):

АННЕНКОВ:

*Лист 13 вторая половина и 14,
первая*

Перед путешествием в Арзрум пропущено.

„В 1829 г. отправился я на Кавказ лечиться на водах. Находясь в столько близком расстоянии от Тифлиса, мне захотелось туда съездить для свидания с некоторыми из моих приятелей и братом, служившим тогда в 13 Ниж. драгунском полку. Приехав в Тифлис, я уже никого из них не нашел; армия выступила в поход. Желание видеть войну и сторону мало известную, побудило меня просить Е. С. Гр. Паск. Эриванского позволения приехать в армию. Таким образом видел я блестящую войну конченную в две недели, переход через С. и взятие Арзрума.

Журналисты наши как то о том проведали; по возвращении своем напечатал я одну из глав Ев. Он. написанную года три назад. В Сев. Пчеле неизвестный Аристарх побранил меня не на шутку, ибо, говорил он, мы ожидали не Ев. Онег. а поэмы на взятие Арзрума.

Почтенный В. Ев. также пороптал на певунов, которые не пропели успехи нашего оружия. Все это было довольно странно; какое им было дело до моих путешествий и неужели я непременно обязан писать именно то, что прикажут журналисты. Что за несчастные люди русские писатели! Они одни находятся вне устава цензурного; наша частная жизнь подлечит обнародованию.

О каком офицере решился бы журналист написать например следующее: мы надеялись, что Г. такой-то возвратится из похода с георгиевским крестом вместо того вывез он из Молдавии одну лихорадку.

ТОМАШЕВСКИЙ:

Стр. 507 и 908.

В 1829 г. отправился я на Кавказские воды. В таком близком расстоянии от Тифлиса мне захотелось туда съездить для свидания с братом и некоторыми из моих приятелей. Приехав в Тифлис,—я уже никого из них не нашел.

Армия выступила в поход. Желание видеть войну и сторону мало известную побудило меня просить у е. с. графа Паскевича Эриванского позволение приехать в армию. Таким образом видел я блистательный поход увенчанный взятием Арзрума.

Журналисты как то о том проведали. В газете политической побранили меня не на шутку за то, что по возвращении моем напечатал я стихотворение, не относившееся ко взятию Арзрума. Мы надеялись, писал известный рецензент и пр. Один из Московских журналов также пороптал на певунов, не воспевших успехи нашего оружия.

Я конечно не был обязан писать по заказу гг. журналистов. К тому же частная жизнь писателя, как и всякого гражданина, не подлежит обнародованию. Нельзя было бы например, напечатать в газетах: Мы надеялись, что г. прапорщик такой-то возвратится из похода с георгиевским крестом, вместо того вывез он из Молдавии одну лихорадку. Явно, что цензура этого не пропустила б.

Зная, что публика столь же мало заботится о моих путешествиях, как и требованях рецензентов, я не стал оправдываться. Но обвинение важней-

Ясно, что цензура этого бы не пропустила.

Однако ж я не отвечал, не желая доставить Гостинному двору приятное зрелище авторской травли и зная, что публика столь же мало заботится о причине моих путешествий, как и строгих требованиях моих рецензентов.

Но недавно попалась мне в руки книга напечатанная в прошлом году...

шее заставляет меня прервать молчание“...

Совершенно ясно, что между этими двумя текстами такие значительные различия, которые никак не могут быть отнесены ни за счет ошибок, ни за счет разночтений. Заметим кстати, что и в дореволюционных изданиях Пушкина, напр. в издании Литфонда, приводится текст, данный Томашевским. Текст Анненкова гораздо полнее и, если можно так выразиться, раскрывает скобки. Оставим в стороне незначительные расхождения в начале: „Кавказ“ и „Кавказские воды“ и остановимся на конце первого абзаца, где разница гораздо существеннее. „Таким образом видел я блестящую войну, конченную в две недели, переход через С(оганлу) и взятие Арзрума“, читаем у Анненкова. Текст Томашевского: „Таким образом видел я блистательный поход, увенчанный взятием Арзрума“ Текст Анненкова гораздо подробнее, указана длительность войны, упомянут переход через Соганлу и пр.

Различия во втором абзаце гораздо более существенны. Прежде всего в анненковском тексте говорится не о „стихотворении“, а прямо назван „Евгений Онегин“, и даже „одна из глав Ев. Онег., написанная три года тому назад“. Затем, вместо глухого „в газете политической“ названа прямо и определенно эта газета: Северная Пчела, точно так же, как вместо „один из московских журналов“ прямо сказано: „почтенный В. Е.“, т. е. Вестник Европы. Далее, у Анненкова идет целый абзац, совершенно отсутствующий у всех других издателей: „Все это было довольно странно; какое им было дело до моих путешествий и неужели я непременно обязан писать именно то, что прикажут журналисты. Что за несчастные люди русские писатели! Они одни находятся вне устава цензурного“... Из всего этого острого пушкинского выпада обычно печатается, да и то с изменением: „Я конечно не обязан писать по заказу гг. журналистов“, тогда как Пушкин после эмоционального: „что за несчастные люди русские писатели!“ напротив, говорит, „неужели я непременно обязан писать именно то, что прикажут журналисты“. Наконец, во всех печатных текстах отсутствует конец: „Однако ж я не отвечал, не желая доставить Гостинному двору приятное зрелище авторской травли“. Все это заставляет нас думать, что в дан-

ном случае расхождения объясняются тем, что в руках Анненкова были какие-то материалы, не дошедшие до нас, возможно какие-то, как он их называл, „клочки“.

Во всяком случае эти до сего времени неизвестные фразы Анненковского текста очень интересны, так как дополняют наши сведения о литературной борьбе Пушкина с Булгаринской кликой. Как известно, „Путешествие в Арзрум“ полностью появилось только в 1836 г., а ранее Пушкин напечатал из него в Литературной Газете только небольшой отрывок „Военногрузинская дорога“. Но во всяком случае это „Путешествие“ писалось раньше и своим предисловием Пушкин очень недвусмысленно отвечал Булгарину и Надеждину, грубо критиковавшим Пушкина за то, что он не воспел „побед русского оружия“. Возможно, самая резкость предисловия заставила Пушкина выбросить приведенные нами строчки.

Интересно, что в выпущенных строфах „Домика в Коломне“, написанного вскоре по возвращении поэта из Арзрума, есть также прямое обращение к назойливым журналистам, которые самовластно предписывают писателям темы для их сочинений. В сущности весь „Домик в Коломне“ и является необычайно тонким и остроумным ответом Пушкина на требование воспеть „победы русского оружия“. Пушкин берет героя военного и заставляет его действовать не на войне, а в скромной мещанской слободке. Направленность против Булгарина поэтом сначала даже не завуалировалась:

„Но, муза, им и в шутку не грози,
Не то тебя покроем телогрейкой
Оборванной, и вместо похвалы
Поставим в угол Северной Пчелы“.

А один из черновых набросков, повидимому относящийся тоже к „Домик в Коломне“, как бы развивает в стихотворной форме мысли, приведенные в Анненковском тексте:

„Пока сердито требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россия
И написал скорее мадригалы
На бой морской, на бегство персия,
А русские Камиллы, Аннибалы
Вперед идут...“

На первой странице 23-го листа Анненковской тетради идет известная запись Пушкина об истории создания „Графа Нулина“. Между прочим Анненков дает абзац, который отсутствовал во всех прежних изданиях Пушкина и восстановлен только в наши дни в последних изданиях Пушкина, например, в шеститомнике под ред. М. А. Цявловского (1934) „Итак, республикой, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарями мы обязаны соблазнительному происшествию подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве в Новоржевском уезде“.

Замечу кстати, что такие случаи, где в черновой тетради Анненкова имеются тексты, восстановленные только последними нашими советскими изданиями Пушкина и выпавшие из поля зрения прежних Пушкинских издателей, очень часты. Они с одной стороны говорят о том, что Анненков прекрасно разбирался в пушкинских текстах, но, как мы уже отмечали, частью из цензурных соображений, частью по невозможности для него одного справиться с такой трудной задачей далеко не всегда использовал эти черновики в своем издании. Второй вывод напрашивается сам собой: последующие издатели, как например Морозов, Ефремов и некоторые другие, гораздо шире использовали посмертное издание Пушкина 1838 г., чем это представлялось до сих пор.

Самое интересное в анненковском тексте о „Графе Нулине“ — последняя фраза, отсутствующая даже в самых полных советских изданиях Пушкина, а между тем эта фраза чрезвычайно многозначительна: я имею привычку на моих бумагах выставить год и число. Гр. Нулин написан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения.

Совершенно очевидно, что эта пушкинская фраза должна быть поставлена в прямую связь с восстанием 14 декабря. Но возникает вопрос, что именно имел тут в виду Пушкин. По признанию самого поэта, он не смог противиться двойному искушению пародировать Шекспира и историю. Думается, что загадочная фраза и должна быть связана с этим указанием на пародийный характер графа Нулина.

В восстании 14 декабря были две стороны: царское самодержавие и декабристы. Кого из них имел в виду Пушкин, делая это „сближение“ с пародированьем историй? Эта таинственная фраза напрашивается на сопоставление с не вполне понятной до сих пор надписью Пушкина под его рисунком с виселицей и трупами пяти казненных декабристов: „и я бы мог, как шут...“

Восстание декабристов не удалось, поскольку декабристы не пошли на соединение с народом и не решились начать действовать, а между тем последствия восстания были бы совсем иными при другой, более решительной тактике декабристов. И, может быть, Николай „со стыдом принужден был отступить“, действуя декабристы более решительно.

Возможно, это имел в виду Пушкин, вспоминая в 30-х годах историю создания графа Нулина.

А может быть Пушкин видел в восстании декабристов, несмотря на его неудачу, смелый вызов крепостническому самодержавию Николая, пощечину, которую, как мы знаем, Николай не мог забыть до конца своих дней.

Во всяком случае, только путем тщательного изучения Пушкинских рукописей и Анненковских тетрадей в ИРЛИ мы сможем ответить на этот вопрос. Места для всевозможных предположений очень много, но следует не заниматься бесплодными гипотезами, а приступить к тщательнейшему пересмотру Пушкинских черновиков. Несомненно, что

таким путем будут разрешены многие загадки и наше представление о Пушкине значительно расширится и обогатится.

Интересна и такая запись Анненковского черновика. На обороте листа 48 и верхней трети листа 49 в черновике Анненкова читаем высказывание Пушкина об отношении женщин к поэзии. Этот отрывок издавна печатается в изданиях Пушкина в разделе „Отрывки из писем, мысли и замечания“. Анненковский текст значительно разнится от обычных, почему мы и приводим его, давая для сравнения текст этого же отрывка по шеститомнику.

АННЕНКОВ

Наши писатели жалуются на равнодушие женщин к русской поэзии и на их незнание отечественного языка. Они совсем неправы. Дама самого лучшего общества, т. е. та которая всего реже изъясняется на своем языке, конечно может понять стих. Бат (юшкова), Жуковского. Природа одарив сии милые создания тонким умом, нежнейшей прелестью и драгоценными добродетелями, едва ли не отказала им в чувстве изящного. Руссо заметил уже что ни одна из женщин писательниц не становилась выше посредственности. Они вообще смешно судят о высоких предметах политики и философии. Нежные их умы неспособны к мужественному изложению мыслей; предметы изящных искусств с первого взгляда кажутся их достоянием, но и тут чем более вслушивается в их суждения, тем более удивитесь кривизне и даже грубости их понятий.

Из приведенных текстов совершенно очевидно, насколько полнее Анненковский отрывок, кроме того довольно значительны расхождения и в отдельных словах. Возможно, что Анненков исходил из какого-то другого черновика, который остался нам неизвестен. Во всяком случае вряд ли можно думать, что Анненков просто механически смешал два разных черновика. Абзац, отсутствующий во всех изданиях Пушкина, начиная с „Руссо заметил“ и кончая „предметы изящных искусств с первого взгляда кажутся их достоянием“, органически связан со всем отрывком и представляется невозможным, что он попал в контекст случайно.

ШЕСТИТОМНИК (т. 5, стр. 21—22)

Жалуются на равнодушие русских женщин к нашей поэзии, полагая тому причиной незнание отечественного языка: но какая же дама не поймет стихов Жуковского, Вяземского или Баратынского? Дело в том, что женщины везде те же. Природа, одарив их тонким умом и чувствительностью самой раздражительной, едва ли не отказала им в чувстве изящного...

Вслушивайтесь в их литературные суждения и вы удивитесь кривизне и даже грубости их понятий.

Как показывает внимательное изучение Анненковской тетради, иногда Анненков произвольно соединял беловую и черновую рукопись. Пример такого обращения с рукописями Пушкина видим на листах 21 и 22 Анненковской тетради, где Анненков соединяет черновик известного письма Пушкина к Гнедичу с беловиком (о Кавказском пленнике) и пишет сначала латинский эпитаф беловика и две первые строчки его начала, затем переходит к черновику, который воспроизводит неполно и заканчивает снова беловиком, цитированным в начале.

Несомненно смещением беловика с черновиком следует объяснить расхождения между текстом „Записки о народном воспитании“ в Анненковской тетради и лучшими послереволюционными изданиями Пушкина. К тому же в тексте „Записки о народном воспитании“ Анненковым изменен порядок следования абзацев. Интересно, что в Анненковском тексте есть две фразы, отсутствующие во всех изданиях Пушкина, как до, так и послереволюционных: *„Воспитание должно быть совершенно преобразовано, для сего необходимо начать свыше“*, и затем говоря о необходимости изменения воспитания, Пушкин (по Анненкову) пишет: *„Словом надо, чтоб юность училась в общественных заведениях, а ее праздновали в харчевнях“*.

Таковы в основном самые интересные из „расхождений“ Анненкова с печатными редакциями Пушкина.

Как мы уже говорили в начале, Анненков в своей работе исходил из посмертного издания 1838 г., затем широко пользовался старыми журналами и наконец, непосредственно рукописями поэта. Во времена работы Анненкова эти рукописи были просто перенумерованы жандармами и связаны в пакеты. Ссылки на эти „пакеты“ часто встречаются в нашей тетради. Например, читаем на листе 146, на обороте:

Отрывки из дневных записок А. С. Пушкина.

26 июля (пакет 8 — тетрадь 4 лист-31), т. е. запись на 26 июля следует искать в пакете № 8, в тетради № 4, на листе 31.

Зачастую после указания номера пакета находим пометку Анненкова: „переписать от Р до Р от П до П“ „красным“ и пр. Что изученная нами тетрадь представляет совершенно сырой материал, ясно, так как наряду с текстами, попадаются выборки из писем, цитаты и пр. Повидимому разборка велась просто под ряд.

Не менее интересна вторая принадлежавшая П. В. Анненкову рукопись. Она имеет следующий вид: пожелтевший лист нелинованной писчей бумаги, без водяных знаков, в левом углу вверху карандашом № 1207.

Несколько ниже тоже карандашом: „Из библиотеки Шляпкина“.

В середине листа чернилами рукой Шляпкина:

Биография А. С. Пушкина

ответ

П. В. Анненкова на критику.

В нижнем левом углу инвентарный номер Университетской библиотеки
№ 1861 а.

В этот лист, как в папку, вложены два листа такой же пожелтевшей нелинованной бумаги без водяных знаков. Листы исписаны с обеих сторон рукой Анненкова. Рукопись, вне всякого сомнения, черновая, писана чернилами, с большими помарками, для поправок оставлены поля. Начала рукописи нет. Листы перенумерованы (повидимому Шляпкиным — карандашом), нумерация идет через страницу, цифры в правом верхнем углу.

Приводим рукопись в окончательном чтении, выпуская для удобства читателя все зачеркнутое самим Анненковым. Несколько слов остались неразобранными и во всех этих случаях мы ставим „неразб.“

„... пользуясь как ими, так и вообще значительной биографической литературой о Пушкине, возникшей у нас, уловить черты нравственной его физиономии и по мере наших сил и способностей создать образ поэта, который имел бы по крайней мере настолько внутренней правды и логической истины, чтоб мог существовать в виде предположения или в виде гадательного портрета с приблизительным сходством выражения. Провозглашение такой задачи, конечно, было бы не новостью в Европейских литературах, которые давно выработали для виднейших своих деятелей совершенно ясные очертания, возвели их до полных нравственных типов и в биографических трудах своих уже ограничиваются глубоким исследованием психических основ того или другого характера. Не то у нас. Мы знаем, например, что несмотря на богатство биографического материала, собранного вокруг имени Пушкина, сам он, как человек, как политическое и общественное лицо и как характер остается едва ли не с теми скудными нравственным чертами, какие состояли за ним тридцать лет назад, в годину его внезапной смерти. К числу причин, мешающих естественному росту типов на Руси конечно должны быть причислены многообразные официальные дружеские и семейные секреты, в которые облакается у нас каждая замечательная личность тотчас, как сходит с арены света и из которых некоторые действительно заслуживают полного уважения нашего, но значительная часть которых направлена именно к тому, чтоб ревниво и подозрительно держать общество и исследователей на расстоянии, не позволяющем взглядеться пристально в лицо, глубоко заинтересовавшее их.

Когда наконец дружными их усилиями некоторая часть бесполезной тайны бывает разоблачена является другая тайна возникновения реального образа.

Собиратели биографических подробностей и передатчики своих воспоминаний предоставляют обыкновенно работу создания семейным документам и данным, какие они сообщают ничем не пополняя их от

себя кроме примирения встречающихся противоречий более или менее искусными приемами и кроме наблюдения за равномерным распределением черных и светлых красок в своих картинах с помощью большей или меньшей обработки тех или других. Таким образом невольно случилось, что Пушкин при великом обилии любопытных и занимательных, весьма добросовестно и (неразб.) тщательно собранных исследователями его жизни и даже мастерски в известном смысле изложенных (неразб.) ими, остается по преимуществу скорее предчувствуемой чем скольконибудь определенной нравственной величиной.

Справедливость требует однакож сказать, что нам известны и попытки изобразить поэта, как цельный, самостоятельный характер, как личность с родовыми психическими отличиями. Таким является Пушкин именно в записках двух своих товарищей по лицу, барона М. А. Корфа и покойного И. И. Пущина*.

Записки эти при всей своей краткости, вполне заслуживают название „драгоценных“, ибо тут на основании немногих фактов, вряд ли составляющих и сотую долю биографического материала, каким может похвастаться у нас любая статья о Пушкине, авторы набросали первые черты живой человеческой фигуры, как она представлялась их пониманию. Тот, кто хорошо ознакомился с содержанием обеих записок, конечно не будет нисколько удивлен, если мы скажем при этом, что лицо Пушкина, сохраняя в каждой из них несомненные черты живого портрета с натуры является однако в двух различных видах, если не исключаящих себя взаимно, то во всяком случае не имеющих ничего похожего на родственную связь между собой. Оба автора сходятся только на признании необычайных способностей Пушкина, а затем каждый рисует особенный тип, который при полном развитии своего свойства и выражения должен непременно отойти от своего двойника на весьма значительное расстояние. Лицо Пушкина у барона Корфа например выступает, даже при первом появлении своем на пороге лица с крупными чертами необузданной демонической природы, всегда чрезвычайно мало уважавшей права других и нравственные основы вообще, и всегда чрезвычайно высоко ставившей удовлетворение соб-

* Из отрывков барона М. А. Корфа нам известны его записки на статьи о Пушкине П. И. Бартенева, помещенные в Московских Ведомостях 1854—55 гг., а затем несколько характеристических определений самой личности поэта вместе с передачей некоторых весьма важных событий из его жизни, что все благосклонно сообщено было их автором другим исследователям Пушкинского периода нашей литературы. Не нужно прибавлять, что заметки и отрывки эти остаются до сих пор в рукописном виде, хотя довольно значительные выдержки из них были приводимы уже не раз в различных биографических отрывках о Пушкине, везде составляя наиболее серьезное и существенное их слово.

Небольшая статья И. И. Пущина, озаглавленная „Записки И. И. Пущина“, помещена была в Атенее 1859 г. № 8 (цитаты из нее). Она тоже весьма много помогала биографам нашим говорить о Пушкине в черные годы с некоторым убеждением и твердостью.

ственных своих безграничных страстей и потребностей. Лицо Пушкина у другого биографа освещено совсем другим светом. Покоряясь (неразб.) влиянию унаследованной им впечатлительности, он является здесь с ранних пор игралищем бурных порывов и противоположных стремлений, но при всем том неизменно сохраняет любящее сердце и всегдашнюю моральную возвышенность своего обыкновения на случай ошибки или падения. Нет ничего странного или необъяснимого в этом разноречии двух современников и двух товарищей Пушкина, одинаково верно и беспристрастно передававших свои воспоминания. Каждый из них, рисуя образ поэта, выражал собственное свое понимание его — и это именно составляет неоценимое качество обоих очерков, придавая им удивительно реальный жизненный характер. Всякая попытка примирить эти столь же противоположные, сколь и искусные свидетельства каким либо механическим или искусственным способом в роде допущения обоим воззрений на Пушкина с некоторыми только урезками от того и другого была бы ребяческой игрой, не способной привести ни к какому положительному выводу и ничего дать кроме обмана. Ясно, что вывести публику из затруднения, в которое поставляет ее разноречивые, а вместе и необоснованные приговоры можно только одним способом — именно представить ей новый образ Пушкина, который бы по полноте своего выражения не боялся никаких свидетельств, допускал все исторические указания, какого бы свойства они ни были и разрешал их вполне удовлетворительно, сохраняя все нравственное свое достоинство и всю жизненную правду свою.

Вопрос заключается в том, способно ли лицо поэта на такого рода преобразование и может ли оно предоставить необходимые черты для создания в вышеуказанном роде. Опыт жизнеописания Пушкина, который мы теперь предлагаем публике, написан именно в виду сильного разрешения этого вопроса.

Устраняя от себя честолюбивую задачу выработать всеобъемлющий тип для лица нашего поэта, что значительно превосходит наши средства и требует уже сильного творческого таланта, мы бы желали только передать читателю вполне и истинные основания, которые привели нас к убеждению о возможности найти его. Мы имели в виду употребить все доселе собранные биографические материалы на то, чтобы указать, по крайнему нашему разумению, наиболее прямую дорогу к этому типу и силится сделать навстречу ему несколько пробных шагов. Даже и в этом ограниченном виде задача требует еще многих художественных способностей, которые по всей вероятности могут у нас и не оказаться. Никто не будет спорить, что войти в какие-либо близкие родственные (неразб.) отношения к одним уже оставившим существование можно только через посредство исторического чутья и художественного инстинкта, соединенных вместе. Тщетно стади бы мы собирать для достижения этой цели каждую малейшую подробность его жизни, заносить в памятную книжку все толки и слухи дошедшие к

нам от его современников—на конце длинного повествования мы принуждены были бы признаться, что мы не написали еще и первой строчки биографии в настоящем и истинном значении слова. В чем состоит призвание, сущность и достоинство биографии? Они состоят (неразб.) не в верности жизнеописания разноречивых исторических данных, а только в верности его своему собственному представлению красоты, идеалу. Достоинство и правда каждого жизнеописания состоят совсем не в верности его слагаемым разноречивым историческим законам, собранных им о лице, а в верности собственному своему представлению лица, которое возникло или должно было возникнуть у него при разборе этих данных, и потом в живой передаче своего представления.

По крайней мере все Европейские биографии, способствовавшие водворению того или иного понимания замечательных лиц западной цивилизации достигали предположенных ими целей не иначе, как осуществляя тип или идеал, сложившийся в уме их авторов при изучении источников для своего труда. Нет сомнения, что обилие частных сведений способствует легчайшему образованию типических представлений, но не подлежит однако сомнению и то, что сами по себе источники не способны дать при всей возможной их группировке никакого подобия живой человеческой личности. Доказательством может служить наша биографическая литература вообще.

Источников для жизнеописания Пушкина, например, накопилось у нас много, но нигде не видно и признака типа или образа, которому бы они дали жизнь или вывели на свет. А между тем при отсутствии реального представления личности, при исключительном господстве сказочных, убегающих и разрозненных черт, не сведенных биографом к единству живого человеческого облика—является неизбежно и условное изображение лица, вместо настоящего его понимания. Такими именно условными представлениями, которые очень легко спутывает и разбивает в прах всякий вновь открытый документ, всякое даже поверхностное критическое замечание, должны были довольствоваться, вплоть до последнего времени, когда начались у нас попытки создания действительных характеров в области биографии—все наши старые писатели, начиная с Ломоносова, да и не только писатели, но и почти все государственные и общественные деятели наши.

Мы отвечали только жизненным потребностям литературы и публики, когда поставили себе целью освободить благородное лицо Пушкина от условных представлений, хотя бы и доброжелательных к нему в сущности и возратить ему в биографии то внутреннее нравственное выражение, которое производило такое обаяние на окружающих при его жизни и способно выдержать, не извиняясь, все возможные разоблачения, факты и даже позорные нападки после того.

Конечно, наш опыт воспроизведения этого типа может оказаться крайне слабым, несовершенным и недостаточным, но вовсе бесполезным он оказаться уже не может по той причине, что опровержение его

должно быть соединено с предложением другого, более полного, более жизненного и верного типа Пушкина, а это гораздо важнее, чем открытие десятка новых мелких данных или спора по поводу той или другой биографической подробности. Если он вызовет глубокий психический анализ характера и духовной природы поэта и яркое определение того времени, в которое он жил и действовал, то цель его будет вполне и совершенно достигнута“.

25 сентября 1866 г.
Киев

Такова эта любопытная рукопись. Приступая к ее анализу, прежде всего мы должны отметить, что и на этот раз Шляпкин дал ей совершенно неправильное заглавие. Этот черновик вовсе не является „ответом Анненкова на критику“. Самим П. В. Анненковым рукопись помечена 1866 г., когда никаких серьезных критических выступлений его труд не вызывал. Как известно, критика была начата в 1880 г. Ефремовым. Между обоими авторами началась очень резкая полемика, и ответ Анненкова на выступление Ефремова, не имеющий ничего общего с нашим наброском, был напечатан в свое время в журнале, а затем воспроизведен в уже упомянутой нами книге „П. В. Анненков и его друзья“.

Из текста самого черновика ясно, что он стоит в непосредственной связи с каким-то биографическим очерком. Об этом совершенно определенно говорят такие слова Анненкова: „Опыт жизнеописания Пушкина, который мы теперь предлагаем публике, написан именно в виду сильного разрешения этого вопроса“. Да и тон нашего черновика совсем не полемический. Анненков вовсе не возражает своим противникам, а спокойно излагает свою точку зрения на биографию вообще и на биографии Пушкина в частности.

Поскольку нам известно, это первое такое обстоятельное изложение и обоснование всего подхода к биографии Пушкина, сделанное Анненковым, и в этом большая ценность нашего черновика. В конце 60-х годов, Анненков готовил к печати другую свою книгу о Пушкине: „А. С. Пушкин в Александровскую эпоху (1799—1826)“, которая и вышла в свет в 1874 году. При этой книге имеется небольшое предисловие, которое и сопоставляем с нашим черновиком.

Приводим предисловие не целиком, а только его первую часть.

„При составлении этих очерков первых впечатлений и молодых годов Пушкина мы имели в виду дополнить наши материалы для биографии А. С. Пушкина, опубликованные в 1855 г., теми фактами и сообщениями, которые тогда не могли войти в состав их, а затем сообщить, по мере наших сил ключ к пониманию характера поэта и нравственных основ его жизни. Несмотря на то, что появилось с 1855 г. в современных изданиях наших для пополнения биографии поэта, на множество анекдотов, о нем, рассказанных, очевидцами и собирателями литературных преданий, на значительное количество писем и других доку-

ментов, от него исходящих; или до него касающихся; несмотря даже на попытки монографий, посвященных изображению некоторых отдельных эпох его развития, личность поэта все-таки остается смутной и неопределенной, как была и до появления этих работ и коллекций. Характеристика поэта, как человека и замечательного типа своего времени, не только не подвинулась вперед с эпохи его неожиданной смерти в 1837 г., но еще спуталась, благодаря тенденциозности одних толков о нем и одностороннему панегирическому тону других. В виду близкого открытия памятника, которым Россия намеревается почтить заслуги Пушкина делу воспитания благородной мысли и изящного чувства в отечестве, на совести каждого, имеющего возможность пояснить некоторые черты его нравственной физиономии и тем способствовать установлению твердых очертаний для будущего его облика, — лежит обязанность сказать свое посильное слово, как бы маловажно оно ни было. Исполнению этой обязанности мы и посвятили наш очерк первого, Александровского периода Пушкинской жизни, — периода, который положил основание всему дальнейшему развитию его идей и направлений. Если нам удастся одинаково устранить два противоположных воззрения на Пушкина, существующие донныне в большинстве нашего общества, из которых одно представляет его себе прототипом демонической природы, не признававшей ничего святого на земле, кроме своих личных или авторских интересов, а другое, наоборот, целиком переносит на него самого всю нежность, свежесть и задушевность его лирических произведений, считая человека и поэта за одно и то же духовное лицо, — то цель нашего очерка будет вполне достигнута“.

Связь между этими двумя предисловиями совершенно несомненна, но между ними и большие различия. Черновое предисловие Анненкова гораздо интереснее задумано. Оно шире по поставленным задачам, гораздо определеннее и конкретнее в своих требованиях и поэтому гораздо ценнее для исследователя. Мы можем отметить и ряд почти тождественных совпадений, но их не так много.

В окончательной редакции Анненков вычеркнул все, что так или иначе могло задеть щепетильных родственников или знакомых поэта, все, что могло подать повод к каким-нибудь цензурным придиркам; так, в окончательной редакции выброшена вся тирада о семейных тайнах, которые по мнению Анненкова мешают изучению жизни великих людей. Затем, в черновике гораздо шире задачи изображения облика Пушкина. Анненков мыслит его „как человека, как политическое и общественное лицо и как характер“, тогда как в беловике просто говорится о характеристике поэта, как „человека и замечательного типа своего времени“.

В черновике Анненков два различных взгляда на Пушкина приурочивает к Корфу и Пущину, тогда как в беловике эти имена вовсе не упоминаются и высказывания Анненкова по этому поводу носят общий характер. Наконец, в черновике Анненков очень обстоятельно останавливается на задачах, которые должен преследовать биограф, стремя-

щийся воссоздать образ великого человека. Анненков подчеркивает необходимость идейного осмысления биографического материала, он возражает против крохоборческого нанизыванья фактов из жизни изучаемого лица, нанизыванья, которое превращается в самоцель. Настаивает Анненков и на изучении „времени, в которое жил и действовал,“ объект биографического изучения, на историческом правдоподобии образа. И наконец, по мнению Анненкова, для создания хорошей биографии, помимо всех уже указанных условий, необходимо обладать творческими способностями и надо ярко представлять себе „живого человека“. Без этого, несмотря ни на какие подробности, изображение будет мертвым, недейственным.

Что же нового дают приведенные отрывки из черновика предисловия и черновик Анненковской работы о прозе? Начнем с черновика. Принципиальное его значение в том, что предположение, высказанное гадательно, получило подтверждение. Анненков в своей работе над подготовкой пушкинских текстов к печати действительно исходил из посмертного издания 1838 г., а поскольку он работал один и не имел никакого опыта в этом сложном деле, то ошибки были неизбежны. Совершенно ясным представляется и ход работ: сначала посмертное издание, затем добавления из старых журналов и из „пакетов“, т. е. из пушкинских рукописей.

Вторым важным моментом является установление некоторых интересных расхождений между Анненковским текстом и текстами всех других изданий, включая и наши советские. В этом отношении наибольшую ценность представляет неизвестное до сих пор окончание записи о „Графе Нулине“: „Я имею привычку на моих бумагах выставить год и число. Гр. Нулин написан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения“. Эта загадочная фраза заставляет призадуматься и поискать каких-то ключей в других черновиках Анненкова и в текстах Пушкина. Известно, сколько за последнее время найдено новых данных, говорящих о гораздо большей революционности Пушкина, чем это было принято думать до сих пор. Достаточно вспомнить „Записки Долгорукова“. Несомненно также, что, как совершенно правильно отмечено в статье „Слепые Пушкинисты“ (Правда, 16/XII 1936), очень многое из пушкинских текстов, исключенное в дореволюционных изданиях, так и не включено в наши советские. Тем более ценны для нас все высказыванья Пушкина, рисующие его политическую физиономию.

Интересным мы считаем и „Предисловие к путешествию в Арзрум“ в анненковском черновике. Как мы уже говорили, восклицание Пушкина: „что за несчастные люди русские писатели!“ перекликается с выпущенными строфам в „Домике в Коломне“ и является красочным дополнением к тому, что нам известно о литературной борьбе 30-х годов между Пушкиным и Булгаринской кликой и Телеграфом.

Очень интересно также упоминание о какой-то тетради Краевского. Зная исключительную осведомленность Анненкова и его не менее исклю-

чительную добросовестность в указании на источники, надо внимательно отнестись к этому упоминанию и попытаться найти разгадку в еще ждущих своего изучения черновиках Анненкова в ИРЛИ.

Теперь о предисловии. Эти несколько страничек дополняют и уточняют наше представление об Анненкове-биографе. Основное требование, которое выдвигает Анненков: „верность изображения принятому идеалу“ заставляет признать, что в своем биографическом очерке и в материалах Анненков совершенно сознательно оставил в стороне все то, что противоречило его пониманию Пушкина. В связи с этим особенное значение приобретает уже цитированная нами фраза одного из братьев Анненкова о материалах „для сведения и для печати“.

Анненковское толкование образа Пушкина для нас совершенно неприемлемо. Его стремление затушевать в Пушкине бунтаря и бойца, по возможности смягчить свободомыслие Пушкина, объяснить его антирелигиозные высказывания, как „шалость“, конечно, не могут быть приняты нами. И тем более мы должны внимательно отнестись ко всему, что Анненков не включил, как несоответствующее изображаемому образу. В материале, забракованном Анненковым, мы без сомнения найдем очень много близкого и ценного для нас.

Но с одним нельзя не согласиться. Анненковское замечание о незадачливых биографах кажется написанным в наши дни. „Несмотря на богатство биографического материала, собранного вокруг имени Пушкина, сам он, как человек, как политическое и общественное лицо и как характер, остается едва ли не теми скудными нравственными чертами, какие состояли за ним тридцать лет назад, в минуту его внезапной смерти“. К сожалению, мы должны принять Анненковское замечание и изменить только число лет. За сто лет, прошедших со смерти величайшего русского поэта, его полная биография еще не написана и единственным в своем роде остается совершенно нас не удовлетворяющий труд Анненкова.

И наконец, мы целиком принимаем требование Анненкова к биографам Пушкина не превращать собираный фактический материал в самоцель, не забывать об основной задаче: дать яркую живую фигуру, красочный образ на фоне эпохи. Нас не может удовлетворить Анненковское толкование образа Пушкина, но мы настаиваем вместе с ним на том, что никакое крохоборство, никакое высасывание мелочей, чем иногда еще сильно грешат пушкинисты, не должно заменять глубокого, разностороннего изучения жизни и творческого пути Пушкина и что это изучение должно строиться по-марксистски.

Третьим документом из архива Анненковых являются „Цензурные урезки соч. А. С. Пушкина“. Этот документ ведет свое начало из архива не Павла, а Ивана Анненкова, который, как мы знаем, и приступил вначале к изданию Пушкина, передав затем все дело своему брату П. В. Анненкову. Зная, что Шляпкин не всегда давал правильные названия имевшимся в его распоряжении материалам, доказательством

чего служат два уже разобранных нами случая, мы оставляем под вопросом факт принадлежности этого отрывка Пушкину.

Даем краткое описание рукописи.

Эта рукопись представляет собой три листа обыкновенной писчей бумаги, желтоватого цвета без водяных знаков. Бумага сложена в виде тетради. Первые три страницы пусты. Запись карандашом начинается с четвертой страницы. Эти три листа вложены в четвертый, на котором рукой Шляпкина написано:

*ИЗ БУМАГ И. В. АННЕНКОВА
„ЦЕНЗУРНЫЕ УРЕЗКИ СОЧ. А. С. ПУШКИНА“.*

(Довольно большой зал, установленный музыкальными инструментами, как то: скрипки, контрабасы (в футляре), трубы, турецкий барабан и пр.).

(Музыка кончает играть, когда занавесь уже поднята; на сцене никого нет; раздается звонок. Из дверей направо выходит Роза).

ЯВЛЕНИЕ I

Роза, потом Англичанин

Ну, верно это ко мне жениха Бог послал; посмотрим-ка что за сокровище выдастся (Садится к столу и берет книгу). Будет ли когда конец моему невыносимому положению. Однако он идет. Долго ли мне придется терпеть.

(Входит Англичанин)

Англ. Позвольте вас узнать... (увидев Розу) Ай, какая красавица.

Роза. Здравствуйте. Позвольте узнать, что вам угодно.

Англ. Извините за беспокойство, но вот причина моего прихода шарит в карманах (в стор.) Я так растерялся, что стал глупее барана не могу найти... а вот... (вынимает газету). В 153 № вот этой (неразб.) газеты было объявлено: одна молодая девица невеста, с хорошим образованием ищет себе жениха; приданое ее состоит из одних музыкальных инструментов, необходимых для полного оркестра и поэтому она желает необходимо чтобы жених ее был музыкантом; адресоваться нужно и т. д. Я это прочитал и я пришел; вот это-то объявление привлекло меня сюда и в адресе мне кажется не ошибся.

Роза. Да, точно, вы не ошиблись, эта девица я, а вот мое приданое.

Англ. А! так это вы. (в стор.) Она так хороша прелестна, что я окончательно в нее влюбился (Розе). Так это вы, так позвольте мне быть вашим женихом (становится на колена), вы так прелестны, что я взглянув на вас только полюбил вас до безумия.

Роза. Ах встаньте пожалуйста и объяснитесь сперва. Позвольте узнать, кто вы такой.

А н г л. Я—(фамилия) родом англичанин, по призванию музыкант, любимый мой инструмент это контрабас, но я также играю и другие инструменты. Вот почему я пришел. И так, прелестное создание, будьте моим контрабасом!

Р о з а. Что такое?

А н г л. Ах что это я заврался. Я вас желаю иметь своей супругой. Ваши глазки и ваше личико и ваше все...

Р о з а. Оставьте это покуда, а вы ответьте-ка мне по совести: что вас привлекло сюда, когда вы прочитали мое объявление?

А н г л. О, я не видавши вас еще должен был на вас жениться. Я (имя и фамилия) прежде чем человек, я англичанин. Прочитав ваше объявление я сказал себе (имя) ты должен жениться для чести Англии, чтобы никто не сказал, что ты упустил такую оригинальную невесту.

Р о з а. Так вот что вас привлекло сюда; вас привлекла новизна, небывалость подобного предложения.

А н г л. О!

Р о з а. Позвольте, я не спору, что искать себе жениха по газетам очень похоже скорее на коммерческое предприятие, чем на обыкновенный брак, но согласитесь же в браке мало одного расчета, но должно думать также и о любви.

А н г л. А, но ваша красота...

Р о з а. Вы не знали моей красоты когда шли сюда.

А н г л. Да, но теперь я вас полюбил более, более... чем контрабас, который я так сильно люблю.

Р о з а. Благодарю вас за предложение, оно так лестно для меня.

А н г л. Значит я могу надеяться. О! дайте еще слово.

Р о з а. Я не хочу вам отказывать, но позвольте мне подумать прежде чем решиться.

А н г л. О не думайте (на коленях) я всегда был терпелив, но теперь мое терпение может лопнуть так вас люблю, что я не могу больше ждать — когда наша свадьба (слышен звонок).

Р о з а. Встаньте же. Верно ко мне жених идет. Что это какой вы нетерпеливый.

А н г л. Чорт с ним, с женихом! Не мучьте меня, скажите мне да; хоть я терпелив, но мое терпение может лопнуть, лучше я вас съем, но никому не отдам.

ЯВЛ. 2

Те же и Пиколини (входит и раскланивается)

Пиколини (в сторону). Ах, какая душка!*

А н г л. (Англ. вскакивает) Я терпелив, но тут всякое терпение лопнет (подходит к турецкому барабану и ударяет его так сильно, что он лопаётся).

Р о з а. А барабан-то и подавно, лопнет.

А н г л. Дайте же мне ответ, согласитесь на мою любовь.

Роза. Нет, позвольте мне еще подумать.

Англ. Хорошо (взглянув на Пиколини в сторону ей) вечером я приду узнать ответ (откланивается).

Пиколини (на авансцене). Чем черт не шутит, но испытаю свое счастье, приходилось мне уж хоть удавиться да лучше попытаю перед тем жениться.

Роза. Здравствуйте, мног. гос. позвольте узнать кто вы и что вам угодно.

Мы не настаиваем на принадлежности этого отрывка Пушкину, хотя по мнению некоторых специалистов, например, академика В. Переда, рукопись вне всякого сомнения писана рукой Пушкина. Если даже это предположение правильно, не исключена возможность, что этот отрывок просто перевод, вернее набросок какого-то перевода, сделанный Пушкиным.

Известен исключительный интерес Пушкина к драме и его широкое знакомство с западноевропейской драматургией. Из задуманных Пушкиным драм очень немногие получили осуществление.

Это было хорошо известно уже первому пушкинскому биографу, П. В. Анненкову, у которого читаем такие любопытные строки (П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений СПб. 1873 г.): „Скупой, Моцарт и Сальери, Дон Жуан принадлежат к ряду небольших, но удивительно изящных по форме и необычайно живых по содержанию драм, которых у Пушкина было гораздо более, чем напечатано.“ Мы имеем несомненное доказательство тому. На оборотной странице стихотворения „Под небом сладостным Италии своей“ мы нашли перечень всех драм, написанных им, из которых только половина нам известна; другая или была истреблена автором, или изложена вчерне и затеряна потом. Пушкин никогда не делал перечета произведениям еще не существующим. Любопытный реестр, о котором говорим, написан карандашом рукой Пушкина и здесь представляется читателям:

Скупой
Ромул и Рем
Моцарт и Сальери.
Дон Жуан

Берольд Савойский

Влюбленный бес
Дмитрий и Марина
Курбский

В этом списке упоминаются следующие совершенно неизвестные драмы Пушкина, которые в тексте Анненкова выделены им курсивом: Ромул и Рем, Берольд Савойский, Дмитрий и Марина, Курбский. Кроме того в этом перечне пропущена драма о палессе Иоанне, набросок которой сохранился в бумагах Пушкина. Затем почему-то не упомина-

ноты „Пир во время чумы“ и „Сцены из рыцарских времен“.

Опубликованный нами текст не может быть поставлен в связь ни с одним из этих не получивших осуществления замыслов. Точно так же не можем мы найти ему никаких параллелей в творчестве поэта.

Тем не менее, мы считали полезным опубликовать его, в надежде путем дальнейшего изучения архива Анненковых и черновиков П. В. Анненкова найти разгадку вопроса и установить отношение этого наброска к пушкинскому творчеству.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

П. В. Анненков. А. С. Пушкин. Материалы к его биографии и оценке произведений. СПб. 1855 и 1873. гг.

П. В. Анненков. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. СПб. 1874 г.

П. В. Анненков и его друзья. СПб. 1892 г.

Вестник Европы, март 1892 г. А. Н. Пыпин, П. В. Анненков и его друзья. Вестник Европы, 1892 г, книга 2. Рецензия на книгу П. В. Анненков и его друзья.

Русская Старина. 1884 год. В. Е. Якушкин. Описание рукописей А. С. Пушкина и пр.

Л. Майков. Пушкин. СПб. 1899 г.

Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Прибой 1929 г.

Д. Благой. Проблемы построения научной биографии Пушкина. Литературное наследство, 1934 г., книга 16/18.

Пушкин. Однотомник под ред. Б. Томашевского. ГИХЛ. 1936 г.

Пушкин. Шеститомник под ред. Цявловского. ГИХЛ. 1934 г.

Недорисованный портрет

(О трагедии А. Глобы „Пушкин“. „Красная новь“ № 8, за 1936 г.)

Знаменитый критик Виссарион Белинский в своей пятой статье о великом поэте писал: „Пушкин был призван быть первым поэтом-художником Руси, дать ей поэзию как искусство, как художество, а не только как прекрасный язык чувства“.

„Он первый приучил русскую публику читать, — заявлял восемьдесят лет назад Н. А. Добролюбов, — и в этом его величайшая заслуга“.

В недавно опубликованных фрагментах о Пушкине А. М. Горького мы читаем: „Вкратце укажу на следующее преимущество Пушкина перед современными поэтами: он не оставил ни одной стороны жизни, не осветив ее своим талантом, круг его интересов, широта знаний до сей поры остается непревзойденный. Он дал образцы всех форм литературного творчества: драму, роман, поэму, сказку, сонет и т. д.“.

Вполне понятен тот страстный интерес трудящихся к творчеству создателя русского литературного языка, который наблюдается сейчас в СССР и среди пролетариев всего мира. Вполне объяснимо и то, что наши литераторы стремятся отразить жизнь и деятельность поэта в своих произведениях: стихах, поэмах, романах, повестях и пьесах.

Это естественное явление. Белинский справедливо писал: „Изучить поэта — значит не только ознакомиться, через усиленное и повторяемое чтение, с его произведениями, но и перечувствовать, пережить их“. И сейчас, когда колоссально выросло стремление освоить, „перечувствовать“ поэта, каждый вносит в это дело свою трудовую лепту по своим силам и возможностям. Профессор литературы жаждет детально разобраться в каждом образе, созданном Александром Сергеевичем, актер включает творчество Пушкина в свой репертуар и борется за глубокое осмысливание величественного пушкинского слога, писатель тяготеет к „пушкинским темам“, дает историко-беллетристические повествования о великом поэте.

В роли героя литературных произведений, в частности драматических, Пушкин выступал и до революции. Вызывалось это твердым намерением многих дореволюционных авторов исказить образ поэта в

целях монархической пропаганды. Чего стоила, например, пьеса некоего Сергея Мамонтова „Смерть Пушкина“, где умирающий поэт говорил:

„Душу мне жестоко мучит
Кошунственных стихов тяжелый грех...
Я зло посеял...
Молиться буду у господня алтаря
За праведный народ, за Русь родную
И за великого царя...“

Долго не везло Пушкину, как герою пьес и в наше время. Ни „Поэт и царь“ Н. Лернера, ни „Пушкин в селе Михайловском“ его же, ни в коей степени не могли удовлетворить растущие требования многомиллионного пушкинского читателя. Болезненно ревнивому мужу или безнадежно влюбленному приписывалась фамилия „Пушкин“ и этим исчерпывалась пушкинская тематика.

Можно себе представить, какой громадный интерес вызвало появление в 1936 г. новой трагедии „Пушкин“ поэта Андрея Глобы. Заинтересованность в этой пьесе, включение ее в репертуар ряда столичных и периферийных театров объясняется многими причинами. Пьеса вышла уже после постановления Совнаркома СССР о проведении пушкинского юбилея и создания пушкинского комитета, и это накладывало на нее особую ответственность, в стране вырос совершенно новый зритель и новый читатель, для которого каждое произведение о Пушкине соответствует его кругозору и интересам, трагедия написана стихами и, кроме того, новое драматическое повествование о великом русском поэте может быть благодарным материалом для актерского мастерства.

Мы оставляем в стороне сценические данные трагедии Глобы. Весьма возможно, что для театральных постановок имеется несколько иной вариант пьесы, ибо то, что представлено автором в журнале „Красная новь“ не всегда соответствует элементарным сценическим правилам (напр., многие реплики даны без указания действующих лиц, одна большая сцена происходит в карете и т. д.). В своей статье мы сделаем попытку рассмотреть произведение А. Глобы с точки зрения литературно-художественной и идеологической ценности.

„Пушкин“ А. Глобы — прежде всего литературное произведение. Оно не претендует на документальную последовательность, хотя и стремится не нарушать историческую правду.

Зато несколько претенциозен сам заголовок трагедии. Можно подумать, что не один какой-нибудь период жизни поэта, не какой-либо характерный эпизод занимает автора, а Пушкин в целом. Но такую задачу можно выполнить в условиях одной пьесы. Каждый период кратковременной жизни Пушкина насыщен таким многообразием, что А. Глоба, беря такой интересный этап, как последние полгода биографии поэта, мог бы вполне оправдать свой заголовок, если бы отразил действительное лицо поэта в этот период и точно воспроизвел всю

тогдашнюю обстановку в России. Вот это автору как раз не удалось. И напрасно С. Гёссен считает, что если А. Глобе не удалось раскрыть социальную трагедию А. С. Пушкина, то это „вина не автора, а избранной им темы“ („Лит. современник“, № 12 за 1936 г.). Во-первых, автор несет ответственность и за выбор темы, а, во-вторых, в данном случае тема взята, хотя и не новая, но чрезвычайно важная и своевременная. Повторяем, последние месяцы, даже дни и недели жизни Пушкина во многом подводят итог, многое объясняют и в значительной степени расшифровывают то, что за несколько лет до этого казалось загадочным: отношение к Николаю, к черни, к народу.

А. Глоба недостаточно учел всю величественность темы: смерть Пушкина.

Пушкин был убит 27 января (ст. стиля) 1837 г. пулей беглого французского монархиста на дуэли. Но эта дуэль — отнюдь не единоборство великого русского гения с „великосветским шкодой“. Рукой Дантеса в Пушкина стреляла Россия Николая, Бенкендорфа, Уварова и Полевого. В свою очередь Пушкин, целясь в Дантеса, целился в страну жандармов и шпицрутенов. В отчете третьего отделения за 1837 год дана интересная характеристика Пушкину: „Он был великий поэт и великий либерал, ненавистник всякой власти. Осыпанный благодеяниями государя, он, однакоже, до самого конца жизни не изменился в правилах своих, а только в последние годы стал осторожнее в изъятии оных...“

А. Глобу нельзя обвинить в том, что организацию дуэли правительства с Пушкиным, он свел к семейной интриге. В отличие от прежних литературных трактовок этого вопроса он подчас даже чересчур подчеркивает участие правительства в устройстве дуэли.

Взять, например, эпизод: „Взаимное понимание“. Там происходит такой разговор.

„Николай.

Где встреча?

Бенкендорф.

Встрече быть

За Черной речкой. Ямщик и сани

Заказаны. Прикажете заранее

Послать жандармов, чтоб предупредить

Дуэль — иль пусть, как хочет провиденье

Решится дело?

Николай.

А какое мнение

Имеешь ты?

Бенкендорф.

(Угадывая мысли собеседника).

Стою... за провиденье.

Николай.

Да, разумеется, ему видней,
Как безобидней поделить их счастье
Но все же мы со стороны своей
Должны принять какое-то участие
В истории..."

Не говоря уже о чрезвычайно тяжелом стиле в изложении этого разговора, здесь явно нарушено чувство художественной меры: Николай выглядит чуть ли не техническим организатором дуэли. Эта сцена тем более является излишней, потому что немногим эпизодом раньше Николай говорит: „Гм!... Пушкин!... Да, с ним полон рот хлопот!

„Досель им не оплачен старый счет,
А в новые долги влез с головою!
Еще я помню двадцать пятый год —
И никогда не помирюсь с тобою
Друг заговорщиков!.. Да! Что дуэль?

Бенкендорф.

не раньше двух недель“.

Этого было бы достаточно. Дублировать эту сцену, да еще в преувеличенном виде не следовало бы. Гораздо важнее показать на ряде примеров, как Пушкин, настаивая на дуэли, выражал этим протест против режима. Вот это и является уязвимым местом произведения А. Глобы. Правда, Пушкин у него, в кругу Вяземского и Жуковского, декламирует:

„Жизнь беспокойна, неверна, случайна...
Поэт народный? Да народа нет!...
Брат, не один пройдет десяток лет,
Пока орда рабов народом станет
И рабство подлое в забвенье канет! —
Тогда и мы... Да вот лиха беда,
Что нас с тобой не будет уж тогда...“

И дальше там же:

„Нет, я покорно в клети не издохну,
Слюнявя цепь дырявою губой, —
Ого! Я этой цепью так, брат, грохну,
Что кое-кто простится с головой!...
Есть голова одна: по ней огреть бы,
Чтоб разлетелась, как орех пустой! —
Да жаль— под скорлупою золотой:
Не расшибешь!..“

Но здесь ощущаешь преувеличение роли Пушкина в его борьбе с самодержавием. Поэт выглядит здесь почти кандидатом в царевубийцы. Основным орудием оппозиционной борьбы Пушкина было художественное слово. В трагедии Глобы Пушкин подается в отрыве от творчества. А ведь 1836 год чрезвычайно важен для творческого лица поэта. Незадолго до 4 ноября, то есть до получения Пушкиным знаменитого анонимного пасквиля, Пушкин создал „Из пиндемонте“, „Была

пора, наш праздник молодой"... наконец „Капитанскую дочку“, которую Белинский называл „Онегин в прозе“. В тот же день, когда были созданы стихи на двадцатипятилетие лица и написано послесловие „Капитанской дочки“, Пушкин дал ответ на „философическое“ письмо Чаадаева. Именно 19 октября 1836 г. мы читаем: „Мы живем одним настоящим, в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя“.

Пасквиль 4 ноября — удар из-за угла по опасному врагу со стороны золотой молодежи, пошленький реванш за „Мою родословную“ за „На выздоровление Лукулла“, за Швабрина, за ответ Чаадаеву.

А. Глоба не-открыл политической сущности этого конфликта и именно потому, что не показал Пушкина-поэта. У Глобы пасквиль появляется сам по себе. Автор трагедии предполагает, что читатель или зритель заранее в курсе дела и в результате Пушкин-художник почти пропадает. И вместе с этим пропадает вся мощная фигура великого поэта, какие бы грозные речи по указке Глобы он не произносил. Нам могут возразить, что автор трагедии не в состоянии был охватить октябрь 1836 года и предшествующие месяцы, так как он брал, мол, лишь непосредственный канун 4 ноября и последующий ход развития события. Но ведь ухитрился же автор так сблизить события, чтобы в первом акте отобразить, как придворные прихвостни издеваются над камер-юнкерским мундиром поэта, а он получил таковой за два года до гнусной анонимки.

Отбросив с порога все то, что происходило с Пушкиным до 4 ноября, у Глобы нехватало изобразительных средств, чтобы показать как Пушкин настаивал на проведении дуэли. Ведь поэт через Бенкендорфа заявлял императору, что будет во что бы то ни стало добиваться поединка. 23 ноября Бенкендорф повез Пушкина к царю. Царь и поэт сошлись через 10 лет после первой встречи. Глоба идет против истории, когда в его пьесе Пушкин накануне своей гибели дважды встречается с Николаем. Один раз на маскараде, где поэт не узнает императора в маске и кричит на него: „Вы, прощальныга в маске, охотитесь на одиноких дам“, другой раз у памятника Петра, когда Пушкин намекает на связь Николая с Натальей Гончаровой-Пушкиной.

Это ненужный вымысел.

Почти без внимания, если не считать вышеприведенных замечаний о долгах, оставляет Глоба материальную сторону жизни Пушкина в последние месяцы. Известно, что 6 ноября Пушкин, вызвав на дуэль Дантеса, обратился к правительству с просьбой принять его именье в уплату долга казне. Он получил отказ. И это еще больше толкало его к дуэли. Эти факты — благодарный материал для художественной разработки.

Бледно дана сцена смерти поэта. Сейчас стало достоверным, что никакой активности для спасения жизни Пушкина проявлено не было, что зондирование раны только ускорило гибель поэта. Если бы его

совсем не лечили, то шансов выжить было бы вдвое. Это важнейшее разоблачение также не использовано автором трагедии. Мало отражено народное волнение в связи со смертью любимого поэта.

Что же остается положительного в трагедии „Пушкин“ Глобы?

Автору удалось дать сюжетное произведение. Сцена столкновения Пушкина с Дантесом и Геккереном, письмо к последнему, любовные интриги, женитьба Дантеса на Коко, сцена поединка — все это сделано с большим мастерством. В чтении, а очевидно и на сцене, перечисленные эпизоды весьма занимательны. Вообще сильной стороной трагедии является показ окружающей Пушкина среды. Читатель хорошо воспринимает и некоторые монологии поэта. Но в целом пьеса не дает ни полноценного образа Пушкина, ни отражения всей эпохи. Есть же отдельные зарисовки. Иные портреты выведены чересчур детально (Дантес, Геккерен, Бенкендорф, Полетика), другие более расплывчато (Натали, Николай, Булгарин, Жуковский).

Центральный же образ нуждается в решительной дорисовке. „Пушкин“ Глобы не может удовлетворить современного читателя и зрителя. Для людей, мало знакомых с Пушкиным образ его трактовки Глобы будет просто непонятен. Для читателя, хорошо знающего поэта, просто недостаточно глубоким и верным.

Александр Сергеевич Пушкин еще ждет своего драматурга.

Документы

Публикуемые ниже документы по темам: „А. С. Пушкин и саратовское дворянство“ и „А. С. Пушкин и саратовская цензура“ в большей своей части, за исключением письма от 31 декабря 1837 г. № 109, относятся к юбилейному (1899) году, когда царское самодержавное правительство тоже „отмечало“ 100-летнюю годовщину со дня рождения великого поэта (1799—1899).

Документы о саратовском дворянстве — это деталь, которая очень типична и характеризует настоящее отношение дворянства к великому поэту. Отказы дворян от подписки на собрание сочинений А. С. Пушкина в 1837 г. и восемьдесят четыре рубля пожертвований на учреждения в память А. С. Пушкина, собранных через 62 года в 1899 г. всем дворянством тогдашней Саратовской губернии — это ярчайшая иллюстрация лицемерия и издевательства над памятью гениального поэта.

Не менее характерны и документы о саратовском самозванном цензоре — самодуре, который особо усердствовал, чтобы предохранить молодое поколение от опасного воздействия пушкинской сказки „О попе и его работнике Балде“. По указанию этого самодура-директора народных училищ Саратовской губернии А. П. Карпова, из всех пушкинских сборников, выдаваемых учащимся, были вырезаны страницы, где была напечатана эта пушкинская сказка. „Уведомить, — писал самодур, — что все издания соч. Пушкина, в которых помещена сказка „О попе и работнике его Балде“ не могут быть выдаваемы учащимся“.

САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

I

А. С. ПУШКИН И САРАТОВСКОЕ ДВОРЯНСТВО

1837

САРАТОВСКИЙ УЕЗДНЫЙ ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДВОРЯНСТВА — ГУБЕРНСКОМУ
ПРЕДВОДИТЕЛЮ ДВОРЯНСТВА *

В 1837 г. после смерти А. С. Пушкина, его друзья В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и др. предприняли восьмитомное издание произведений гениального поэта „в пользу его семейства“. Желая замести следы своего участия в гнусном убийстве поэта, царское правительство решило тоже „принять“ участие в распространении этого издания. 25 мая 1897 г. Министерство внутренних дел обратилось с призывом к русскому дворянству и в частности к саратовскому дворянству о подписке на это полное собрание сочинений, переслав 40 билетов на подписку.

Даже это незначительное количество экземпляров сочинений А. С. Пушкина, распространяемое по указке свыше, с большими трудностями расходилось среди саратовского дворянства. Ниже приводим один документ, ярко иллюстрирующий эти трудности и подлинное отношение дворянства к гениальному поэту.

Его превосходительству

*г. Саратовскому губернскому предводителю дворянства С. М. Скиби-
невскому.*

31 декабря 1837 № 109

*Милостивый Государь
Святослав Михайлович!*

Ваше превосходительство при отношении, от 26 июля № 219 пре-
проводили ко мне пять объявлений, об издании полных сочинений
в стихах и прозе А. С. Пушкина для раздачи оных желающим.

Принимая участие в раздаче сих объявлений, я пригласил благород-
ное дворянство на получение полных сочинений А. С. Пушкина, но
никто на сие согласие не изъявил, а поэтому честь имею препроводить
у сего и те пять объявлений обратно.

С совершенным почтением и преданностью
имею честь быть
милостивый государь
ваш
покорный слуга

Николай Челюсткин.

1898

29 (17) декабря 1898 г. Саратовский губернатор получил обращение Псковского
губернского предводителя дворянства — Председателя комитета по сбору пожертво-
ваний на устройство учреждений имени А. С. Пушкина, учрежденного Николаем II
17 (5) октября 1898 г. При обращении были приложены подписные листы и высказы-
валась просьба об оказании содействия в сборе средств среди саратовского дворянства.
Саратовским губернатором 6 января 1899 г. (25 декабря 1898 г.) подписные листы с со-
ответствующим письмом были пересланы всем уездным предводителям дворянства
с просьбой вернуть их обратно к 13(1) марта 1899 г.

В итоге саратовское дворянство собрало по всей губернии всего лишь 84 руб. 20 к.,
которые и были пересланы в Особый комитет. Ниже печатаются выдержки из ответ-
ных писем уездных предводителей дворянства при возвращении подписных листов
и целиком текст письма саратовского губернатора в Особый комитет по сбору средств.

* СГПД. Дело по отношению г. Министра Внутренних дел, при коем препроводил
40 билетов для раздачи желающим на получение сочинения А. С. Пушкина с 18 июня
1837 г. № 33, стр. 23.

УЕЗДНЫЕ ПРЕДВОДИТЕЛИ ДВОРЯНСТВА—САРАТОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ *
*Из письма Вольского уездного предводителя дворянства, 10 апреля (29 марта)** 1899 г. № 67.*

Имею честь представить при сем вашему сиятельству, с возвращением подписного листа за № 304/3, сорок один рубль 70 коп. (41 р. 70 к.), собранных мною в пользу учреждений в память А. С. Пушкина..... (Стр. 10).

Из письма Кузнецкого уездного предводителя дворянства, 15 (3) апреля 1899 г. № 13

..... имею честь возвратить вашему сиятельству подписной лист за № 304/5 и переводной билет за №... на собранные мною пожертвования для устройства учреждений имени поэта А. С. Пушкина, — в сумме двадцать руб. пятьдесят коп. (20 р. 50 к.)..... (Стр. 12).

Из письма Петровского уездного предводителя дворянства, 19 (7) апреля 1899 г. № 88

Имею честь при сем препроводить вашему сиятельству деньги 10 рублей, собранные по подписному листу на сбор пожертвований в пользу учреждений в память А. С. Пушкина, а вместе с сим и подписной лист... (Стр. 13).

Из письма Царицынского уездного предводителя дворянства, 22 (10) апреля 1899 г. № 48

Имею честь возвратить вашему сиятельству подписной лист на сбор пожертвований в пользу учреждений в память А. С. Пушкина незаполненным за непоступлением ко мне пожертвований..... (Стр. 19).

Из письма Хвалынского уездного предводителя дворянства, 9 мая (27 апреля) 1899 г. № 81

..... имею честь уведомить, что ввиду тяжелого положения уезда сбора пожертвований по означенному листу не оказалось. (Стр. 18).

Из письма Аткарского уездного предводителя дворянства, 16 (4) мая 1899 г. № 72

..... никаких пожертвований в пользу учреждений А. С. Пушкина не было..... (Стр. 4).

Из письма Саратовского уездного предводителя дворянства, 23 (11) мая 1899 г. № 132

Имею честь препроводить при сем к вашему сиятельству двенадцать рублей и подписной лист на сбор пожертвований в пользу учреждений в память А. С. Пушкина... (Стр. 14).

Из письма и. д. Камышинского уездного предводителя дворянства, 5 июня (24 мая) 1899 г. № 67

..... пожертвований не поступало, почему и подписной лист, приложенный при упомянутом письме, возвращается при сем незаполненным. (Стр. 11).

* КСГ, 1899 г., „Дело по сбору пожертвований в пользу учреждений в память А. С. Пушкина“.

** Переводы на новый стиль везде сделали редакцией. Тексты, вписанные редакцией, везде заключены в скобки.

Из письма Сердобского уездного предводителя дворянства, 3 октября (21 сентября) 1899 г. № 161

..... имею честь препроводить вашему превосходительству подписной лист на сбор пожертвований в пользу учреждений в память А. С. Пушкина и деньги десять рублей.. (Стр. 17).

Из письма Балашовского уездного предводителя дворянства, 2 января 1900 г. (21 декабря 1899 г.) № 818

..... представить подписной лист на сбор пожертвований в пользу учреждений в память А. С. Пушкина не представляется возможности, так как таковой, как объяснил предместник мой, бывший предводитель дворянства Н. Н. Львов, им утерян, при чем он добавил, что никаких сборов по листу произведено не было и не поступало. (Стр. 9).

САРАТОВСКИЙ ГУБЕРНАТОР—ПСКОВСКОМУ ГУБЕРНСКОМУ ПРЕДВОДИТЕЛЮ ДВОРЯНСТВА

1 сентября (20 августа) 1899 г.

Сделав вместе с сим перевод почтою на ваше имя 84 руб. 20 к. с удержанием из них на пересылку, собранных уездными предводителями дворянства Саратовской губернии на устройство учреждений имени А. С. Пушкина и возвращая при сем подписные листы, присланные при письме на имя начальника губернии в декабре мин. года, имею честь уведомить вас, милостивый государь, что подписные листы переданные г. г. Балашовскому и Сердобскому уездным предводителям дворянства вместе с собранными по ним пожертвованиями будут своевременно высланы. (Стр. 21).

II.

А. С. ПУШКИН И САРАТОВСКАЯ ЦЕНЗУРА

ИНСПЕКТОР НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ ПЕТРОВСКОГО УЕЗДА—ДИРЕКТОРУ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ *

31 (19) мая 1899 г.
г. Петровск.

К сведению вашего высокородия имею честь представить при сем вырезку из сборника сказок А. С. Пушкина, изданного фирмой Сытина и К^о для раздачи учащимся по случаю столетия со дня рождения нашего гениального поэта. Сборник этот будет роздан, между прочими брошюрами Пушкина, ученикам и ученицам Петровских городских училищ и школ Епархиального ведомства 26 сего мая; вырезки же из него, в количестве 100 экз., по моему распоряжению, доставлены ко мне городской управой для уничтожения. (Стр. 21).

РЕЗОЛЮЦИЯ ДИРЕКТОРА НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ А. П. КАРПОВА **

1 июня (20 мая) 1899 г.

Сделать всюду распоряжение о не выписке Соч. Пушкина у изд. Сытина, как заключающем в себе предосудит(ельную) сказку: „О попе—работнике его Балде“. (Стр. 21).

* ДНУСГ, 1899 г., „Дело о чествовании памяти А. С. Пушкина в столетнюю годовщину со дня его рождения“.

** Резолюция написана на отношении Инспектора народн. училищ Петровского уезда от 31 (19) мая 1899 г. № 478.

РАСПОРЯЖЕНИЕ ДИРЕКТОРА НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ А. П. КАРПОВА

1 июня (20 мая) 1899 г.

В изданиях Сытина сочинений А. С. Пушкина находится сказка „О попе и работнике его Балде“ (переделка сказки: „О купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде“.) Предлагаю не выдавать эти издания ученикам и если выписаны уже они, то вырезать эту сказку (в полном собрании помещ(ена) на страницах 12—14 и в изд(ании) сказок между стр. 47—55). (Стр. 21).

БАЛАШОВСКАЯ ЗЕМСКАЯ УПРАВА—ДИРЕКТОРУ НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ

15 (3) июля 1899 г.

Балашов, Саратов. губ.

г. Инспектор народных училищ Балашовского уезда, вследствие распоряжения вашего, — обратился 24-го прошлого мая за № 369 в уездную земскую управу с просьбой о вырезке из юбилейных сборников сочинений А. С. Пушкина, приобретенных за счет земства, для раздачи учащимся земско-общественных училищ Балашовского уезда, — сказки под заглавием „О попе и работнике его Балде“, каковая может оказаться в означенных сборниках и под другим названием „О купце Кузьме Остолопе и работнике его Балде“ и, только по удалении из сборников этой сказки, направить оные по училищам для раздачи учащимся.

За отсутствием указаний, обязывающих земские управы производить какие-либо вырезки из книг и сборников, изданных с разрешения цензуры, Балашовская уездная земская управа не считает себя в праве исполнить упомянутую просьбу г. инспектора.

О чем уездная управа и имеет честь довести до сведения вашего превосходительства, — уведомив вместе с сим об этом и г. инспектора народных училищ Балашовского уезда. (Стр. 21).

РЕЗОЛЮЦИЯ ДИРЕКТОРА НАРОДНЫХ УЧИЛИЩ А. П. КАРПОВА **

17 (5) июля 1899 г.

Уведомить, что все издания Соч. Пушкина, в которых помещена сказка: „О попе и работнике его Балде“ не могут быть выдаваемы учащимся в начальных училищах. (Стр. 25).

* Распоряжение дано 1 июня (20 мая) 1899 г. за № 1256.

** Резолюция написана на отношении Балаш. уездной земской управы от 15 (3) июля 1899 г. № 2597. Уведомление послано 17 (5) июля 1899 г. № 1736.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

В. КИРПОТИН. Жизнь и смерть А. С. Пушкина	9
Проф. А. СКАФТЫМОВ. Пушкин — поэт гуманизма	31
В. СМИРНОВ-УЛЬЯНОВСКИЙ. Пушкин и декабристы	49
Л. А. ФИН. Фольклор в творчестве Пушкина	73
В. ВОРОБЬЕВ. Друг Пушкина П. А. Вяземский в Саратовской области	95
В. ГРИГОРОВИЧ. Дети о Пушкине	105
Вас. СТРАХОВ. Пушкин и массовый читатель	115
Л. А. ФИН. П. В. Анненков, первый издатель и биограф Пушкина . .	125
И. КАССИЛЬ. Недорисованный портрет	152
Документы	158

Тексты произведений А. С. Пушкина, цитируемые в сборнике, даются по
однотомнику издательства „Художественная литература“ под редакцией
Б. Томашевского.

Ответств. редактор *В. Касперский.*
Технич. редактор *Н. Дахин.*
Корректоры *Р. Чепурина* и *В. Сас.*
Обложка худож. *Б. Миловидова.*

Сдано в производство 29/I 1937 г. Под-
писано к печати 9/II 1937 г. Тираж 5000.
Формат бум. 72×106 ¹/₁₆. Печат. лист.
10¹/₄. Бум. лист. 5¹/₈. Знаков в п. л.
47400. У-а, л. 11. Инд. X-4-в. Издат.
№ 17. Заказ № 316. Уполномоченный
Облита № А/24.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
9	3 снизу	книгу	книги
34	23	шугливой	шугливою
38	2	душей	душой
42	16 сверху	большой	большей
58	15 снизу	Рассторгни	Расторгни
141	12	помещенные	помещенные
145	16	токстуальных	текстуальных
146	5	строфам	строфам
159	10 сверху	1897 г.	1837 г.
159	24	желающих	желающим
68	12 снизу	со слов „Даем отдельные отрывки из „сказок“ и до X главы на стр. 70 относится к последней сноске стр. 68	